

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
БУК ВО «ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. И.В. БАБУШКИНА»
ВОЛОГОДСКАЯ МИТРОПОЛИЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ КИРИЛЛОВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА
ФБУК «КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»
РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ООГО «РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»
В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

**ВОРОТЫНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
СРЕДНЕВЕКОВАЯ РОССИЯ:
ВОЕННЫЙ И ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ
ПРЕДКОВ**

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции
(Вологда – Кириллов, 10–12 сентября 2021 г.)

Выпуск 2

ВОЛОГДА
2022

УДК 94(47).03/07

ББК 63.3(2)4/52

В75

Утверждено научным советом ВоГУ

Редколлегия:

В. А. Саблин (ответственный редактор),

Т. Н. Буханцева, В. С. Жукова, О. В. Ильина, И. Е. Колесова,

А. Н. Красиков, С. А. Лебедев, И. В. Пугач, Л. В. Терехова, М. С. Черкасова,
протоиерей Алексей Сорокин

Рецензент:

А. Л. Кузьминых, д-р ист. наук, доцент

Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков : материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Вологда – Кириллов, 10–12 сентября 2021 г.). Вып. 2 / Министерство науки и высшего образования российской федерации, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» ; Департамент культуры и туризма Вологодской области, БУК ВО «Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина» ; Вологодская митрополия и др. ; [ответственный редактор В. А. Саблин]. – Вологда : ВоГУ, 2022. – 215 с. : ил.

ISBN 978-5-87851-996-0

Сборник содержит материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков», которая была организована кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ и прошла в Вологде и Кириллове 10–12 сентября 2021 г. На конференции, в которой приняли участие ученые-историки, научные сотрудники и преподаватели вузов, сотрудники музеев, краеведы и церковные деятели, были представлены доклады, посвященные истории средневековой Руси, а также восстановлению исторической справедливости и увековечению памяти о князе Михаиле Ивановиче Воротынском, выдающемся русском полководце и государственном деятеле.

Книга адресована историкам, сотрудникам музеев, студентам вузов.

УДК 94(47).03/07

ББК 63.3(2)4/52

ISBN 978-5-87851-996-0

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2022

© БУК ВО «Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

История российского средневековья до сегодняшнего дня еще полностью не изучена. Причин тому множество, и не последнее место в их ряду занимает скудость источниковой базы. В то же время имеющиеся исторические свидетельства той поры нуждаются в дополнительном изучении и сопоставлении, применении новых методов для их анализа. В любом случае научные открытия возможны только на стыке наук, при обосновании научных фактов с помощью инновационных методик и приемов анализа.

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков», посвященной выдающемуся полководцу и политическому деятелю России XVI века князю М.И. Воротынскому, являются наглядным подтверждением использования этих методик. Чтения прошли на базе Вологодской областной универсальной научной библиотеки и Кирилло-Белозерского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника при поддержке Департамента культуры и туризма Вологодской области, Вологодского государственного университета, Вологодского регионального отделения Российского исторического общества и Вологодского регионального отделения Российского военно-исторического общества.

Время формирования и укрепления российской государственности совпадает с жестокими кровопролитными войнами XVI в.: кампаниями против Ливонии, Астраханского, Казанского и Крымского ханств, Османской империи. Это время нуждалось в героях, от мастерства и грамотной тактики которых зависело многое, в первую очередь, будущее России. По объективным причинам, до нас дошли не многие имена героев, прославившихся ратными подвигами. Тем дороже память о тех, кого мы знаем. Одним из таких имен является имя князя Михаила Ивановича Воротынского (1513(?)–1573).

Князь М.И. Воротынский – самый известный представитель рода, принадлежащего к Черниговскому Великокняжескому дому, родоначальником которого считается Св. Михаил Всеволодович Черниговский. Основываясь на тексте завещания М.И. Воротынского, историк В.Д. Назаров предложил версию даты его рождения в 1513 или 1514 г. в день памяти мч. Андрея Стратилата (19 августа/1 сентября по н. ст.), а даты его крещения в день памяти его святого предка мч. и исп. Михаила Черниговского (20 сентября/3 октября по н. ст.).

Князь Михаил Иванович Воротынский в царствование Ивана IV являлся «слугой государевым» и воеводой. В качестве воеводы Большого полка участвовал в покорении Казани в 1552 г. Будучи самым опытным «воеводой от поля», руководителем всей обороны «Крымской украины», по распоряжению царя составил первый русский устав пограничной службы – «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». Среди ста девяти исторических персонажей памятника «Тысячелетие России», открытого 8 (20) сентября 1862 г. в Великом Новгороде, есть и изображение Михаила Ивановича Воротынского

(в группе «Военные люди и герои»). Одержанная им в 1572 г. победа над Крымским ханством в битве при Молодях спасла национальную государственность России и христианскую цивилизацию от порабощения Крымом и Османской империей. По мнению историков, значение победы при Молодях в 1572 г. в русской и советской историографии оценено не до конца, хотя по значимости и масштабам это сражение не уступает битве на Бородинском поле.

Кровопролитный бой шел несколько дней при трехкратном превосходстве в численности крымских и ногайских татар, а также турецких янычар с артиллерией над войском Воротынского и закончился 3 августа 1572 г. блистательной победой русского оружия. По некоторым данным, из 100-тысячной армии крымского хана Девлет-Гирея I (в разных источниках встречаются варианты: Девлет I Гирей, Девлет I Гирай, Давлет Гирей I, Девлет Гирай I) домой сумели вернуться лишь 10 тысяч. Был взят в плен верховный главнокомандующий крымской армии Дивей-мурза (ногайский бий Мансурульской орды), убиты сын и внук хана, множество знатных лиц и простых воинов попали в плен. Разгромив в открытом поле татарскую орду, Русь нанесла сокрушительный удар по военному могуществу Крыма. В самый тяжкий, заключительный, период Ливонской войны Россия была застрахована от военных действий на два фронта. В 1573 г. на Воротынского была наложена опала. Замученного до полусмерти его отсылают в ссылку в Белоозеро. По дороге он скончался (12 июня 1573 г.). Есть мнение, что по указу царя прах Воротынского запретили хоронить в родовой усыпальнице Воротынских в Кириллово-Белозерском монастыре. Он был похоронен в Кашине, по всей видимости, в Сретенском монастыре. И лишь спустя годы, в 1606 г., его останки перенесли в Кирилловскую обитель во Владимирский придел Успенского собора. Со временем там упокоились фактически все представители угасшего по мужской линии рода Воротынских.

Воротынские чтения, проводимые в Вологде во второй раз по предложению Инициативного совета по увековечению памяти князя М.И. Воротынского, призваны восстановить историческую справедливость. Михаил Иванович Воротынский является примером чести, доблести, патриотизма и храбрости, поэтому закономерным и естественным представляется сохранение памяти о нем и его деятельности во благо России.

Сегодня, когда вопрос о патриотическом воспитании подрастающего поколения встает особенно остро, не лишним будет напомнить о славном прошлом нашего государства, о людях, которые в своей деятельности во главу угла ставили независимость и величие своей Родины.

Главный редактор В.А. Саблин

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

С.Ю. Шокарев

кандидат исторических наук
Сергиево-Посадский государственный
историко-художественный музей-заповедник
(г. Сергиев Посад)

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КНЯЗЕЙ ВОРОТЫНСКИХ В XVI–XVII ВВ.

Статья посвящена исследованиям коммеморативных практик (система поминовения и погребения) князей Воротынских, которые изменялись на протяжении XVI–XVII вв., и были связаны с несколькими центрами – «вотчинными» монастырями Перемышльско-Воротынского удела, Троице-Сергиевым, Кирилло-Белозерским и московским Новодевичьим монастырями. Эти практики были типичны для Средних веков, но при этом обладали своей спецификой (разделение на мужскую и женскую усыпальницы). Их изучение дает новые сведения не только по истории рода, но и для исследования мемориальной культуры в Московском государстве в целом.

The article is devoted to the research of commemorative practices (the system of commemoration and burial) of the princes of Vorotynsk, which changed during the XVI–XVII centuries, and were connected with several centers – «patrimonial» monasteries of Peremyshl-Vorotynsky appanage, Trinity-Sergius, Kirillo-Belozersky and Novodevichy monasteries. These practices were typical for the Middle Ages, but also had their own specifics (the division into a male and a female tomb). This study provides new information not only on the history of the family, but also for the study of commemorative practices and memorial culture in the Muscovite state.

Ключевые слова: князья Воротынские, коммеморация, синодики, некрополь, поминовение, Троице-Сергиев монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь, Новодевичий монастырь.

Keywords: Vorotynsk princes, commemoration, synodics, necropolis, commemoration, Trinity-Sergius Monastery, Kirillo-Belozersky Monastery, Novodevichy Monastery.

Коммеморативные практики Русского Средневековья неоднократно рассматривались в целом и в отдельных аспектах [50; 1; 17, с. 5-99]. Также существуют исследования, посвященные организации поминовения и погребения отдельными аристократическими и дворянскими фамилиями XVI–XVIII вв. [6; 12]. Вместе с тем, вопрос о конкретном применении коммеморативных практик теми или иными родами и семьями требует дополнительного изучения.

В Московском государстве была распространена следующая иерархия действий, направленных на обеспечение спасения душ и сохранения памяти о представителях рода (семейства):

- панихида;
- запись в синодик;
- организация кормов (поминальных трапез) в день смерти и/или именин;
- погребение;
- создание особого погребального сооружения над захоронением («палатки», реже церкви).

Эти действия формировали традицию, существовавшую и поддерживавшуюся на протяжении столетий. В ее организации участвовали, с одной стороны, представители рода, а с другой – духовенство избранной ими обители (храма). Данные практики наслаивались друг на друга, и полноценный вариант представлял собой их сочетание в одном месте – в родовой усыпальнице, где создавалось погребальное сооружение, совершались погребения, обозначенные подписными надгробиями, регулярно проводились кормовые поминовения, а имена погребенных были занесены в синодик (синодики). К этому идеалу стремились многие аристократические фамилии Московского государства, обеспечивавшие родовую коммеморацию сотнями и даже тысячами рублей. Семейные усыпальницы пополнялись не только за счет новых покойников, но также благодаря перезахоронениям представителей рода; надгробные памятники изготавливались заново по мере их износа и даже создавались кенотафы в память о легендарных предках.

Создание погребально-поминального комплекса в одной обители (храме) не исключало организации кормовых поминовений и внесения в синодик в других. Внесение в синодики разных обителей и храмов являлось распространенной благочестивой традицией. Также в силу тех или иных причин далеко не всегда представители одного аристократического рода были погребены на одном некрополе. Такое разделение имело историческое происхождение, могло быть обусловлено родственными связями и личными предпочтениями. Встречается разделение по гендерному признаку. Наиболее показательный пример – усыпальницы Архангельского собора и Вознесенского монастыря, где упокоились мужчины и женщины из рода московских великих и удельных князей [4, с. 271]. В коммеморативных практиках князей Воротынских можно наблюдать, как основную схему, так и параллельные ей или частные случаи. Таким образом, организация поминовения и погребения князей Воротынских в XVI–XVII вв. дает важный материал для изучения коммеморативных традиций Московской Руси в целом. Первым эту тему исследовал Л.А. Беляев, опубликовавший результаты археологических исследований в Спасском Воротынском на «Усть-Угры» монастыре, где им было обнаружено интересное мемориальное сооружение – палатка, пристроенная к собору XVI в. Ученый отметил, что Воротынские были тесно связаны с монастырями Перемышльско-Воротынского удела, однако их усыпальницы сложились в Кирилло-Белозерском, Троице-Сергиевом и Новодевичьем монастырях. Л.А. Беляев

указывает на падение интереса князей Воротынских к своим «вотчинным» монастырям с утратой ими родовых земель при Иване Грозном, однако их связь с прародительскими обителями продолжалась и в XVII в. [7, с. 57-58, 60-66]. Рассмотрим эти процессы подробнее.

Князья Воротынские – один из наиболее знатных и влиятельных аристократических родов Московского государства – происходят от удельного князя Льва Романовича Воротынского, жившего во второй половине XIV – первой четверти XV в. (рис. 1). Его сын, князь Федор Львович (умер между 1480 и 1483 гг.), в конце жизни являлся вассалом великих князей литовских [11, с. 27-33; 24, с. 47-53]. Сыновья князя Ф.Л. Воротынского Семен и Дмитрий и их племянник Иван Михайлович перешли на сторону Ивана III. Между 1498 и 1503 гг. Семен и Дмитрий Федоровичи скончались, и единственным владельцем Перемышльско-Воротынского удела и продолжателем рода стал князь И.М. Воротынский (Старший). Он занимал влиятельное положение служилого князя и одновременно боярина при московском дворе, с 1500 по 1534 гг. командовал полками в разных походах. В 1534 г. князь был арестован и сослан на Белоозеро вместе с сыновьями, где и умер в следующем году [29]. Сыновья И.М. Воротынского – князь Владимир Иванович († 1558), князь Михаил Иванович († 1573) и князь Александр Иванович († 1565) – видные деятели царствования Ивана IV, носившие боярские чины и служившие воеводами и наместниками. Из них наиболее знаменит прославленный полководец князь М.И. Воротынский (Старший), замученный по приказу Ивана Грозного. Князь М.И. Воротынский был женат три раза, и от этих браков оставил двух сыновей – князя Ивана и князя Дмитрия (Логгина). Младший сын Михаила Ивановича умер в юности, а старший – Иван Михайлович (Младший) († 1627 г.) – крупный политический деятель начала XVII в., член боярского правительства в эпоху Смуты. Он оставил единственного сына, князя Алексея Ивановича (1610–1642), женатого на двоюродной сестре царя Михаила Федоровича, Марфе Ивановне. Князь А.И. Воротынский занимал видное положение при дворе, но умер рано и не получил боярства. Его сын – Михаил Иванович (Младший) († 1679) – боярин, крупнейший землевладелец, участник придворных церемоний и дипломатических переговоров. Сын князя М.И. Воротынского, Иван Михайлович, скончался в 1677 г., и на этом род пресекся [15, с. 50-67; 28; 46].

не логично, поскольку Воротынских с конца XV в. географически тянуло к другим центрам коммеморации – обителям собственного удела и крупным монастырям Московской Руси.

Связи князей Воротынских с монастырями Перемышльско-Воротынского удела прослеживаются (и то предположительно) с поколения сыновей князя Ф.Л. Воротынского. По крайней мере, монастыри, которым благотворительствовали Воротынские в их княжестве, появились не ранее рубежа XV–XVI вв., и, скорее всего, были ими же основаны или с начала существования находились под их покровительством. К числу таких монастырей архимандрит Леонид (Кавелин) отнес Воротынский Спасский «на Усть-Угры», Одоевский (Лихвинский) Анастасов Рождественский, Перемышльский Троицкий Лютиков и Перемышльский Шаровкин Успенский монастыри [26, с. 3-5; 27, с. 3, 4, 95, 96, 164, 165]. По предположению Л.А. Беляева, еще одним ктиторским монастырем князей Воротынских мог быть Архангельский Воротынский [7, с. 64]. Напрашивается предположение о вероятной причастности Воротынских и к строительству Успенского собора в Перемышле (XVI в.). Представим в виде таблицы сведения о вкладах князей Воротынских в монастыри своего удела и обязательствах этих монастырей по организации разных видов коммеморации [26, с. 3-5, 15, 16; 27, с. 22-38, 66, 67, 95, 96, 105, 106, 164-169; 42, с. 5-8, 21-23; 5, с. 100-103; 43; 44].

Таблица 1

Сведения о вкладах князей Воротынских в монастыри своего удела в XV–XVII вв.

Представитель рода	Монастырь	Вклад	Дата	Форма коммеморации
Дмитрий или Семен Федоровичи	Воротынский Спасский «на Усть-Угры»	Возможно, основатели (основатель, ?)	Конец XV в.	Синодик; погребение/перезахоронение в монастыре (предположительно, в особой палатке) (об этом см.: [7. С. 68])
Иван Михайлович	Одоевский (Лихвинский) Анастасов	Возможно, основатель обители; сельцо и деревни в родовом уделе (совместно с сыновьями В.И. и М.И. Воротынскими)	Первая треть XVI в.	Панихиды; синодик; кормы
Владимир Иванович	Одоевский (Лихвинский) Анастасов	Деревни в родовом уделе (совместно с отцом и самостоятельно)	Первая половина XVI в.	Панихиды; синодик; кормы

Представитель рода	Монастырь	Вклад	Дата	Форма коммеморации
Михаил Иванович	Одоевский (Лихвинский) Анастасов	Деревни в родовом уделе (совместно с отцом и самостоятельно), осадный двор в Одоеве	Середина XVI в.	Панихиды; синодик
Александр Иванович	Одоевский (Лихвинский) Анастасов	Деревни в родовом уделе, осадный двор в Одоеве	Середина XVI в.	Панихиды; синодик; кормы
Воротынские без имен	Перемышльский Троицкий Лютиков	Села и деревни в родовом уделе	XVI в.	Синодик; кормы
Владимир Иванович	Перемышльский Троицкий Лютиков	Возможно, основатель обители; село и деревня в родовом уделе	XVI в.	Синодик; кормы
Михаил Иванович	Перемышльский Успенский Шаровкин	150 руб., село, 2 деревни, слободу в родовом уделе, 12 книг	1557–1559 гг.	Синодик
Александр Иванович	Перемышльский Успенский Шаровкин	2 села, 5 деревень, селище, слободу, перевоз и др. земли в родовом уделе, более 70 икон, построил придельную церковь Св. Иоанна Богослова, куда пожертвовал, богослужebную утварь, 17 книг, 3 колокола, паникадила, ткани, церковные облачения, посуду, лошадей и др.	1547–1565 гг.	Синодик
Иван и Дмитрий (Логгин) Михайловичи	Перемышльский Успенский Шаровкин	Деревня	1584 г.	Синодик
Иван Алексеевич	Перемышльский Успенский Шаровкин	100 руб., жеребец ценой в 100 руб.; перестроил церковь Св. Иоанна Богослова	1660, 1670 гг.	Синодик

Указаны формы коммеморации, известные по имеющимся документам, это не исключает того, что бытовали и иные формы.

Как можно видеть, связь Воротынских со «своими» монастырями была очень тесной. Возможно, для первых поколений они являлись семейными

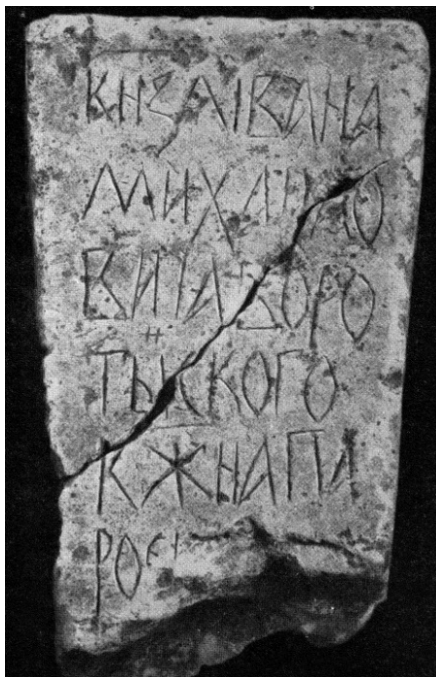
усыпальницами. Согласно предположению Л.А. Беляева, палатка, пристроенная к собору Спасского Воротынского «на Усть-Угры» монастыря (XVI в.), могла предназначаться для перезахоронения кого-то из основателей обители – князей Дмитрия или Семена Воротынских [7, с. 67, 68]. В домонгольское время и в Московской Руси XIV–XV вв. такие «вотчинные» монастыри-усыпальницы были широко распространены [48, с. 13-18, 27-29]. Обращает на себя внимание типичная для удельных правителей форма пожалования – раздача земель. Именно об этом упоминает в духовной князь М.И. Воротынский (Старший): «А которые яз земли подавал при себе к монастырем и к церквам в Одоеве и на Черни и в Новосили, и сыну моему или детям моим до тех земель дела нет» [5, с. 113]. Из этого текста также явствует, что пожалований в «вотчинные» монастыри и храмы было больше, чем нам известно. Еще одно свидетельство находится в кормовой книге Лихвинского (Одоевского) Анастасова монастыря, где сказано, что игумен Герман установил кормы по вкладчикам «повелением государей своих, князя Михаила, да князя Александра Иоанновичев Воротынских» (1558 г.) [27, с. 164, 165]. Добавим, что род Воротынских записан в синодиках этих обителей, начиная от князя Ф.Ю. Воротынского и до последнего представителя рода И.А. Воротынского (а также в синодике соседнего Николаевского Резванского монастыря) [27, с. 80, 106].

Новый статус князя И.М. Воротынского (Старшего), который являлся одновременно служилым князем и московским боярином, нашел отражение и в организации им поминовения себя и своего рода. Он сделал вклады в крупнейшие монастыри, славившиеся разветвленными системами коммеморации – Иосифо-Волоколамский, Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский: в Иосифов и Кириллов дал по 100 рублей (за это его имя внесено в синодик и совершались кормовые поминовения; в первом монастыре 21 июля на день кончины, во втором – 12 ноября на именины, день Иоанна Милостивого), в Сергиев – 50 рублей, а его супруга Анна – 30 рублей (по мнению Т.В. Николаевой – это вклады по их детям-младенцам княжне Прасковье и князю Алексею) [41, с. 22; 31, т. I, вып. II, с. 78; 2, с. 42; 14, с. 48; 30, с. 251]. При этом И.М. Воротынский погребен в Троице-Сергиевом монастыре, где обнаружена надгробная плита с его именем и датой кончины – 21 июня 1535 г. (рис. 2) [30, с. 251, 252]. Эта плита, судя по оформлению, изготовлена сильно позднее, чем умер князь Иван Михайлович, скорее всего, в последней четверти XVII в. Также при ее изготовлении перепутали дату кончины князя, указав не 21 июля, а 21 июня (дата смерти определяется по кормовым книгам). Факт погребения И.М. Воротынского в Троице-Сергиевом монастыре представляется странным, учитывая, что он умер в ссылке на Белоозере, в непосредственной близости от Кириллова монастыря, ставшего усыпальницей для его сыновей. Однако в пользу того, что перед нами не кенотаф, а позднее надгробие над настоящей могилой князя свидетельствует плита с именем княжны Прасковьи, дочери И.М. Воротынского, по палеографии и оформлению соответствующая первой половине XVI в. (рис. 3) [30, с. 251-253]. Вероятно, погребения И.М. Воротынского (Старшего), его дочери Прасковьи и жены его внука,

Феодоры, имеет в виду список надгробий Троице-Сергиева монастыря XVII в., обозначая их следующим образом: «за олтарем чудотворца Никона (т.е. Никоновского придела Троицкого собора) <...> Род Воротынскихъ знаменей и подписей никаких не знать. Вросли в земле» [38, л. 5].

*Рис. 2. Надгробие князя И.М. Воротынского (Старшего). 1535 г.
Обнаружено при раскопках на территории Троице-Сергиевой лавры
(публикуется по: [30, с. 252])*

*Рис. 3. Надгробие княжны П.И. Воротынской. Первая половина XVI в.
Обнаружено при раскопках на территории Троице-Сергиевой лавры
(публикуется по: [30, с. 252])*

Связи князей Воротынских с Троице-Сергиевым монастырем продолжались вплоть до пресечения этого рода, однако, их наивысший подъем приходится на середину XVI в. Сведения о вкладах Воротынских в Троицу сведены в следующей таблице (источники: [14, с. 48; 21, с. 220; 31, с. 284; 35, л. 175 об; 36, л. 26-26 об.]).

Таблица 2

Сведения о вкладах Воротынских в Троице-Сергиев монастырь

Представитель рода	Вклад	Дата	Форма коммеморации
Иван Михайлович	50 рублей	21 марта 1518 г.	Синодик, кормы, погребение
Прасковья Ивановна			Синодик, кормы, погребение
Анна, супруга И.М. Воротынского (Старшего)	30 рублей	9 октября 1521 г.	Синодик, кормы
Владимир Иванович	100 рублей (из них 50 совместно с братьями)	1540 г., 27 февраля (вклад по матери Анастасии); 1547 г. 5 сентября (вклад по супруге Марии)	Синодик, кормы
Михаил Иванович	150 рублей (из них 50 совместно с братьями)	1540 г., 27 февраля (вклад по матери Анастасии); 1545 г., 9 февраля	Синодик, кормы
Александр Иванович	100 рублей (из них 50 совместно с братьями)	1540 г., 27 февраля (вклад по матери Анастасии); 1554/1555 г. вклад по супруге Ирине	Синодик, кормы
Иван Владимирович		1552 г., 9 ноября вклад по кн. Василии Федоровиче Лопатине-Оболенском	?
Алексей Иванович	«Образ местной Обитель живоначалные Троицы в лицах, написан преподобный чудотворец Сергей с ученики, обложен серебром басмою золочен, у святых венцы резные золочены»	?	Синодик, кормы
Иван Алексеевич	«Жеребец сер, грива направо, сросл, немецких лошадей»	1670 г.	Синодик, кормы

В отличие от «вотчинных» монастырей, в Троице-Сергиев монастырь князя Воротынские в основном вкладывали деньги. Кроме того, князь В.И. Воротынский дал 50 рублей в Иосифо-Волоцкий монастырь [41, с. 37]. Однако главным монастырем для Воротынских стал Кирилло-Белозерский [40]. При сыновьях И.М. Воротынского (Старшего) здесь была создана родовая усыпальница, где хоронили всех мужчин вплоть до пресечения фамилии. Вклады Воротынских в Кирилло-Белозерский монастырь и формы коммеморации, связанные с представителями этого рода, отражены в таблице ниже (источники: [31, т. I, вып. II, с. 178; 2, с. 42, 43; 5, с. 113, 119; 44; 34, л. 79]).

Таблица 3

Сведения о вкладах Воротынских в Кирилло-Белозерский монастырь

Представитель рода	Вклад	Дата	Форма коммеморации
И.М. Воротынский (Старший)	100 рублей по себе и княгине Анастасии	до 1535 г.	Синодик, кормы
В.И. Воротынский	100 рублей	1548/1549 г.	Синодик, кормы, погребение; церковь Св. Владимира над погребением с ежедневной службой в ней
М.И. Воротынская, супруга В.И. Воротынского	Село, сельцо, 7 деревень, 2 пустоши в Бежецком верху по супругу В.И. Воротынскому; кабалу в 210 руб.; иконы, книги, утварь, облачения в церковь св. Владимира	1554 г.	
М.И. Воротынский (Старший)	850 рублей (950 ?) рублей	1554–1566/1567 гг.	Синодик, кормы, погребение
А.И. Воротынский	50 рублей		Синодик, кормы, погребение
И.М. Воротынский (Младший)	370 рублей	1605/1606–1622/1623 гг.	Синодик, кормы, погребение
А.И. Воротынский		1642 г.	Синодик, кормы, погребение
И.А. Воротынский		1679 г.	Синодик, погребение
М.И. Воротынский (Младший)		1677 г.	Синодик, погребение

Значительные по объему денежные и земельные вклады позволили Воротынским создать в Кирилло-Белозерском монастыре уникальный для середины XVI в. поминальный комплекс – церковь-усыпальницу во имя Св. Владимира над погребением князя В.И. Воротынского (1554 г.), так возмужавшую Ивана Грозного. Вероятнее всего, церковь Св. Владимира – первый в Московской Руси надгробный храм, при возведении которого ориентирова-

лись на существовавшие к тому времени аналогичные сооружения (например, Никоновский придел Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря). По наблюдениям И.А. Шалиной, такие палатки (или надгробные храмы) в качестве усыпальниц святых были широко распространены в XV–XVI вв. [47]. Вероятно, в этот ряд следует включить каменную палатку, пристроенную к собору Спасского Воротынского «на Усть-Угры» монастыря. Л.А. Беляев допускает, что она могла являться усыпальницей одного из Воротынских, основателей обители. Сооружение собора и «палатки» с наибольшей вероятностью относится к периоду 1558–1562 гг. [7, с. 67-68]. Следовательно, палатка построена после церкви Св. Владимира в Кирило-Белозерском монастыре и вполне могла подражать ей. В дальнейшем традиция строительства палаток распространилась и в аристократической среде [49]. Усыпальница князей Воротынских в Кирилло-Белозерском монастыре исследована археологически и эпиграфически, в результате исследования останков князей выполнены пластические реконструкции их внешнего облика по методике М.М. Герасимова [33, с. 205-208; 3].

Усыпальница в Кирилло-Белозерском монастыре служила только для погребений мужчин из этого рода. Одновременно с ней формируется усыпальница женской половины семьи в Новодевичьем монастыре под Москвой. Аристократические фамилии Московского государства придерживались разных традиций, выбирая отдельное или совместное погребение мужчин и женщин в одной обители и усыпальнице. Воротынский и их родичи князя Кубенские (за исключением погребения И.И. Кубенского, погибшего при особых обстоятельствах) демонстрируют первую модель; князя Мстиславские и Романовы-Юрьевы – вторую. Обращает на себя внимание то, что в кормовой книге Кирилло-Белозерского монастыря перечислены кормы за упокой только двух женщин – княжны Екатерины, дочери И.М. Воротынского (Старшего), и княгини Стефаниды, жены М.И. Воротынского (Старшего); в то время как упоминаются все мужчины вплоть до князя А.И. Воротынского [22, с. 116-130].

Новодевичий монастырь был избран Воротынскими, во-первых, как аристократическая женская усыпальница, а, во-вторых, по родству. Здесь были погребены И.И. Захарьина († 1533) и ее сын Г.Ю. Захарьин († 1556), бабушка и дядя княгини Анастасии Ивановны Воротынской, жены И.М. Воротынского (Старшего); а также княгиня У.А. Кубенская († 1537), мать боярина и князя И.И. Кубенского, женатого на дочери И.М. Воротынского (Старшего), Анне. Первое из известных здесь погребений женщин из рода Воротынских – княжна Екатерина Ивановна, дочь И.М. Воротынского (Старшего), скончавшаяся в 1537 г. [19, с. 299]. В дальнейшем, все княжны и княгини из рода Воротынских были похоронены в Новодевичьем, за исключением Феодоры, первой супруги И.М. Воротынского (Младшего), упокоенной в Троице-Сергиевом монастыре [39, с. 2, 3], и, возможно, Марфы Ивановны, его же второй супруги. Параллельно с этим в монастырь давались вклады на помин их душ. Общая сводка этих данных выглядит следующим образом (источник: [20, с. 173, 175, 178, 179, 187, 190, 196, 201-203, 208, 209, 231, 273]).

Сведения о вкладах Воротынских в Новодевичий монастырь

Князья, княгини и княжны Воротынские, поминавшиеся в монастыре	Вклад	Погребение в монастыре
Инока Александра, жена В.И. Воротынского	100 рублей	+
Стефанида, жена М.И. Воротынского	50 руб.	+
Инока Анастасия, жена А.И. Воротынского	50 рублей	+
Агриппина Михайловна, дочь М.И. Воротынского	100 рублей	+
Мария Петровна, жена И.М. Воротынского (Младшего)	Образ Пречистой и 250 рублей	+
Марфа Ивановна, жена И.М. Воротынского (Младшего)	Не обозначен	
Екатерина (?)*	400 рублей	+ (?)
Иван Алексеевич	50 рублей (за здравие)	
Стефанида Ивановна, дочь И.А. Воротынского	Ризы, оплечье, стихарь, оплечье, уларь	+

* Возможно, это княжна Екатерина, дочь И.М. Воротынского (Старшего).

Вкладная книга Новодевичьего монастыря не обозначает формы коммеморации, указывая только имена, даты и размеры вкладов, однако можно предположить, что речь идет о стандартном наборе – внесение в синодик и кормы, возможно, также панихиды.

Следует отдельно выделить запись о князьях Воротынских в синодике московского Успенского собора – общем помяннике московской знати. Его составление С.Б. Веселовский связывает с придворной средой, близкой к боярству, но не тождественной ей, а М.М. Бенцианов предполагает участие «кураторов» как со стороны высших иерархов, так и со стороны ближайшего великокняжеского (царского) окружения, и, возможно, влияние придворной аристократии [13, л. 88; 8, с. 22]. Таким образом, непонятно, какова роль самих Воротынских в том, что их род вписан в синодик Успенского собора. В этом помяннике род начинается от Марии, супруги Федора Львовича (он назван «Юрьевичем», но это тема отдельного исследования), и доходит до ее внука И.М. Воротынского (Старшего), а затем дополнен именами его сыновей и внуков – И.М. Воротынского (Младшего) и Д.М. Воротынского. В другом списке синодика к роду добавлены А.И. и И.А. Воротынские [37, л. 66 об; 18, с. 450, 495; 8, с. 12].

Кроме этого, известно о внесении рода Воротынских в синодики еще нескольких монастырей – Чудова, Соловецкого, Переславского Никитского, Макариевского Унженского, Успенского Свяжского, Богоявленского Старо-Голутвина и др., а также отдельных вкладов представителей этого рода в иные монастыри (всего – 13). В основном, это вклады и записи, сделанные князьями И.М. Воротынским (Младшим), его сыном А.И. и внуком И.А. Воротынскими. Можно наблюдать отличие от коммеморативной стратегии князей Щенятевых: в этой семье боярин и князь П.М. Щенятев и его мать Анна сделали за 20 лет вклады в 18 обителей и храмов Московской и Литовской Руси, стремясь охватить как можно больше центров коммеморации [6, с. 70-72]. Как представляется, князья Воротынские, напротив, сосредоточились на нескольких центрах: «вотчинных» обителях, Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском и Новодевичьем монастырях.

Крупнейшие денежные вклады князья давали в Троице-Сергиев (330 рублей), Кирилло-Белозерский (1470 рублей (1570 рублей, ?; без учета кабалы в 210 рублей)) и Новодевичий (1000 рублей). Эти цифры хорошо соотносятся с количеством погребенных в обителях: в Троице-Сергиевом три человека, в Кирилло-Белозерском – восемь, в Новодевичьем – десять. Суммы, данные в Троицу и Новодевичий сопоставимы с нижним пределом вкладов на погребение в статусном монастыре в 100 рублей [23, с. 376-380]; суммы, пожертвованные в Кириллов, выше – 183,75 рубля на человека (без учета предположительных 100 рублей вклада М.И. Воротынского (Старшего) и кабалы в 210 рублей). Это свидетельствует о гендерном неравенстве при оформлении погребения и поминовения даже в княжеско-боярской семье, где не было нужды экономить.

Организация поминовения и погребения в роду князей Воротынских прослеживается в хронологической динамике. В XV в. этот род поминали в монастырях Литовской Руси. С конца XV в. и до первой половины XVI в. князья Воротынские тесно связаны с монастырями своего удела. Однако столичные (общерусские) интересы оказались важнее: связи Воротынских с Троице-Сергиевым, Кирилло-Белозерским и Новодевичьим монастырям крепче и продолжительнее, что находит аналогию в коммеморативных стратегиях и других аристократов того времени. Тем более, что Иван IV в 1562 г. конфисковал у князя М.И. Воротынского земли его удела, возвратив только часть в 1566 г. с урезанными правами [5, с. 96-98]. Поколебавшись между Троицей, Иосифовым, Кирилловым и Новодевичьем, Воротынские в середине XVI в. определились, создав модель из двух коммеморативных центров – один для мужчин (Кириллов), другой для женщин (Новодевичий), где хоронили и поминали князей, княгинь и княжон. Общие итоги по погребениям представителей рода Воротынских в разных обителях выглядят следующим образом [7, с. 68; 30, с. 251-255; 19, с. 297-300, 302; 33, с. 205-208; 9, с. 24-26]:

Сведения о местах погребения Воротынских в XV–XVII вв.

Представитель рода	Дата смерти	Место погребения
Дмитрий или Семен Федоровичи	Конец XV в.	Спасский «на Усть-Угры» монастырь (?; гипотеза Л.А. Беляева)
Иван Михайлович (Старший)	1535 г.	Троице-Сергиев монастырь
Прасковья Ивановна, дочь И.М. Воротынского (Старшего)	Первая половина XVI в.	Троице-Сергиев монастырь
Екатерина Ивановна, дочь И.М. Воротынского (Старшего)	1537 г.	Новодевичий монастырь
Владимир Иванович	1558 г.	Кирилло-Белозерский монастырь
А.И. Воротынский, инок Арсений	1565 г.	Кирилло-Белозерский монастырь
Стефанида, жена М.И. Воротынского	1569 г.	Новодевичий монастырь
Марфа, инокиня Анастасия, жена А.И. Воротынского	1570 г.	Новодевичий монастырь
Агриппина, дочь М.И. Воротынского	1571 г.	Новодевичий монастырь
М.И. Воротынский (Старший)	1573 г.	Кирилло-Белозерский монастырь
Дмитрий (Логгин) Михайлович	1584 г.	Кирилло-Белозерский монастырь
Феодора, супруга И.М. Воротынского	1586 г.	Троице-Сергиев монастырь
Мария, инокиня Александра, жена В.И. Воротынского	1588 г.	Новодевичий монастырь
Иван Михайлович (Младший), схимник Иона	1627 г.	Кирилло-Белозерский монастырь
Мария Петровна, жена И.М. Воротынского (Младшего)	1628 г.	Новодевичий монастырь
Княжна Прасковья (?)	1632 г.	Новодевичий монастырь
Алексей Иванович	1642 г.	Кирилло-Белозерский монастырь
Стефанида Ивановна, дочь И.А. Воротынского	1662 г.	Новодевичий монастырь
Наталья Федоровна, жена И.А. Воротынского	1674 г.	Новодевичий монастырь
Михаил Иванович	1677 г.	Кирилло-Белозерский монастырь
Иван Алексеевич	1679 г.	Кирилло-Белозерский монастырь
Ксения Ивановна, дочь И.А. Воротынского	1679 г.	Новодевичий монастырь
Анастасия Львовна, жена И.А. Воротынского	1697 г.	Церковь Св. Троицы в Полях в Китай-городе, в Москве

Подробности организации коммеморативных практик, вопросы, связанные с переносом захоронений М.И. Воротынского (Старшего) и его сына Дмитрия (Логгина) в 1606 г., уточнение количества и общей суммы вкладов, анализ синодичных записей и их информативной ценности для изучения генеалогии и просопографии (см., например: [10]) – все это требует отдельного рассмотрения.

*Рис. 4. Крышка саркофага княгини А.Л. Воротынской. 1697 г.
Обнаружена при археологических раскопках некрополя церкви Св. Троицы в Полях*

Выработанная Воротынскими модель коммеморации выдерживалась вплоть до конца XVII в., когда последнюю из княгинь Воротынских – Анастасию Львовну похоронили на кладбище приходской церкви Святой Троицы, что в Полях (не вполне ясно, что стало этому причиной: небрежность наследников или упадок традиции). Ее изучение дает новые сведения по истории рода, а также для исследования мемориальной культуры в Московском государстве в целом.

Источники и литература

1. Алексеев, А. И. О складывании поминальной практики на Руси / А. И. Алексеев // «Сих же память пребывает вовеки» (Мемориальный аспект в культуре русского православия) : материалы научной конференции 29–30 ноября 1997 г. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 5-10.
2. Алексеев, А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) / А. И. Алексеев // Вестник церковной истории. – 2010. – № 3–4 (19–20). – С. 17-117.

3. Восстановление облика князей Воротынских в Лаборатории пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН / Т. С. Балужева, Е. В. Веселовская, О. М. Григорьева, А. В. Рассказова, Е. В. Пчелов // *Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития : материалы XXVII Международной научной конференции.* – Москва : РГГУ, 2015. – С. 123-124.
4. Баталов, А. Л. Сакральное пространство Средневековой Москвы / А. Л. Баталов, Л. А. Беляев. – Москва : Дизайн. Информация. Картография, 2010. – 399 с.
5. Беликов, В. Ю. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII вв. / В. Ю. Беликов, Е. И. Колычева // *Архив русской истории.* – Москва, 1992. – Вып. 2. – С. 93-121.
6. Белов, Н. В. Коммеморативные практики московской княжеской аристократии XVI в. (на примере князей Щенятевых) / Н. В. Белов // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXIII Международной научной конференции.* – Москва : ИВИ РАН, 2020. – С. 70-72.
7. Беляев, Л. А. Спасский «на Усть-Угры» монастырь в XVI в. (Археология, история, архитектура) / Л. А. Беляев // *Реставрация и архитектурная археология.* – Москва, 1995. – Вып. 2. – С. 55-72.
8. Бенцианов, М. М. Синодик Московского Успенского собора XIV–XVI вв. принципы и закономерности внесения имен / М. М. Бенцианов // *Российская генеалогия.* – 2021. – № 10. – С. 7-39.
9. Беркович, В. А. Московское белокаменное надгробие. Каталог / В. А. Беркович, К. А. Егоров. – Москва : ТМ Продакшн, 2017. – 768 с.
10. Беспалов, Р. А. О «напрасной» смерти князя Михаила Федоровича Воротынского / Р. А. Беспалов // *Вестник церковной истории.* – 2017. – № 3–4 (47–48). – С. 279-298.
11. Беспалов, Р. А. О хронологии жизни князя Федора Львовича Воротынского / Р. А. Беспалов // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология.* – 2012. – № 21 (101). – С. 24-38.
12. Будюкин, Д. А. Храмоводительство и места погребения дворян Кожиных: трансформация коммеморативных практик в XVII–XIX вв. / Д. А. Будюкин // *Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви.* – 2015. – Вып. 5 (66). – С. 23-35.
13. Веселовский, С. Б. О синодике Успенского собора / С. Б. Веселовский // *Архив РАН. Ф. 621. Оп. 1. Д. 87.*
14. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. – Москва : Наука, 1987. – 439 с.
15. Власьев, Г. А. Потомство Рюрика. Т. I. Ч. 1. / Г. А. Власьев. – Санкт-Петербург, 1906. – 667 с.
16. Голубев, С. Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.) / С. Т. Голубев // *Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Т. 6. Приложение.* – Киев, 1892. – 102 с.
17. Дергачева, И. В. Древнерусский синодик: Исследования и тексты (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VI) / И. В. Дергачева. – Москва : Круг, 2011. – 404 с.
18. Древняя российская вивлиофика. Ч. VI. – Изд. 2-е. – Москва, 1788. – 506 с.
19. Древняя российская вивлиофика. Ч. XIX. – Изд. 2-е. – Москва, 1791. – 418 с.
20. Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива московского Новодевичьего монастыря. – Москва : Институт истории СССР, 1985. – Вып. 1. – 210 с.
21. Кириченко, Л. А. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г.: (исследование и публикация) / Л. А. Кириченко, С. В. Николаева. – Москва : Индрик, 2008. – 519 с.
22. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках: Публикация: Синодичное предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой. – Санкт-Петербург, 2012. – 404 с.

23. Кошелева, О. Е. «Отходя от света сего...» Частная жизнь московской элиты через призму завещаний / О. Е. Кошелева // Человек в мире чувств: Очерки по частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. – Москва : РГГУ : РАН, 2000. – С. 339–386.
24. Кром, М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских взаимоотношений конца XV – первой трети XVI в. / М. М. Кром. – 2-е изд. испр., доп. – Москва : Квадрига, 2010. – 320 с.
25. Лаврський альманах. Спецвипуск 7. Поменник Введенської церкви в Близніх печерах Києво-Печерської лаври. Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVII ст. Київ, 2007. – 120 с.
26. Леонид (Кавелин), иеромонах. Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. – [Калуга, 1862]. – 146 с.
27. Леонид (Кавелин), иеромонах. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. – Москва, 1863. – 170 с.
28. Назаров, В. Д. Воротынские, рус. княжеский род 15–17 вв. / В. Д. Назаров // Большая российская энциклопедия. – Москва, 2006. – Т 5. – С. 728-729.
29. Назаров, В. Д. Воротынский Иван Михайлович, князь, рус. военачальник / В. Д. Назаров // Большая российская энциклопедия. – Москва, 2006. – Т. 6. – С. 729–730.
30. Николаева, Т. В. Новые находки на территории Загорского музея-заповедника / Т. В. Николаева // Советская археология. – 1957. – № 1. – С. 251-255.
31. Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. I. Вып. I. / Н. К. Никольский. – Санкт-Петербург, 1897. – 474 с.; Вып. II. 1910. – 674 с.
32. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 года. Исследование и публикация текста. – Москва, 2020. – 1072 с.
33. Папин, И. В. Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря / И. В. Папин // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века. Материалы к своду. – Москва, 2006. – Вып. 1. – С. 195–256.
34. Синодик Кирилло-Белозерского монастыря. XVI в. РГАДА. Ф. 181. Оп. 6. № 539.
35. Синодик Троице-Сергиева монастыря 1575 г. ОР РГБ. Ф. 304. III. № 25.
36. Синодик Троице-Сергиева монастыря. XVII в. ОР РГБ. Ф. 304.I.818.
37. Синодик Успенского собора. XVI в. ГИМ. Син. № 667.
38. Список надгробий Троице-Сергиева монастыря. XVII в. ОР РГБ. Ф. 304.I.820.
39. Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. – Москва, 1880. – 101 с.
40. Терехова, Л. В. Князя Воротынские и Кирилло-Белозерский монастырь / Л. В. Терехова // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Вологда – Кириллов, 5-7 сентября 2019 г.). Вып. 1. – Вологда-Кириллов : ВОНУБ, 2020. – С. 112-117.
41. Титов, А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии / А. А. Титов. – Б.м., 1906. – 240 с.
42. Троицкий, Н. И. Одоевский Анастасов Богородице-Рождественский монастырь : летописный очерк / Н. И. Троицкий. – Тула, 1910. – 31 с.
43. Усачев, А. С. Еще раз о книгах князей Воротынских в XVI в. / А. С. Усачев // «По любви, въ правду, безо всякой хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина : сборник статей. – Москва, 2014. – С. 331-340.
44. Усачев, А. С. О книгах князей Воротынских / А. С. Усачев // Вестник архивиста. – 2021. – № 3. – С. 17-28.
45. Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. – Чернигов, 1874. – 443 с.

46. Черкасова, М. С. Духовные грамоты князей М.И. и И.М. Воротынских / М. С. Черкасова // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Вологда – Кириллов, 5–7 сентября 2019 г.). Вып. 1. – Вологда ; Кириллов : ВОНУБ, 2020. – С. 8-13.

47. Шалина, И. А. Локализация погребений русских чудотворцев в монастырских храмах и их символическое значение / И. А. Шалина // *Seminarium Vulkinianum*. II. К 70-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 167–202.

48. Шокарев, С. Ю. Как формировались боярские усыпальницы Москвы: к постановке вопроса / С. Ю. Шокарев // *Российская генеалогия*. – 2018. – Вып. 3. – С. 7-38.

49. Шокарев, С. Ю. Палатки на кладбищах XVI–XVII вв. Об одном малоизвестном виде надгробных сооружений / С. Ю. Шокарев // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Вологда – Кириллов, 5–7 сентября 2019 г.). Вып. 1. – Вологда ; Кириллов, 2020. – С. 133-138.

50. Штайндорф, Л. Поминание усопших как религиозная и общественная должность монастырей Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей) / Л. Штайндорф // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России : материалы международной конференции. 29 сентября – 1 октября 1998 г. – Москва, 2000. – С. 103-116.

Ю.В. Селезнев

доктор исторических наук, профессор
Воронежский государственный университет (г. Воронеж)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА НЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ШВЕДСКИХ КОНФЛИКТОВ В XIII СТОЛЕТИИ

В работе предлагается сравнение событий биографии князя Александра Невского с жизнью и деятельностью его отца и его детей: каковы были военные события, связанные со Швецией, до активности Александра и каковы после. Сравнение значений событий в рамках деятельности 3-х последовательных поколений позволит, на наш взгляд, более взвешенно рассмотреть значение деятельности самого князя Александра и влияние его личности на изменения векторов развития различных процессов.

The paper offers a comparison of the events of the biography of Prince Alexander Nevsky with the life and work of his father and his children: what were the military events related to Sweden before Alexander's activity and what were they after. Comparing the values of events within the framework of the activities of 3 successive generations will, in our opinion, allow us to more carefully consider the significance of the activities of Prince Alexander himself and the influence of his personality on changes in the vectors of development of various processes.

Ключевые слова: Александр Невский, Ярослав Всеволодович, Андрей Александрович, Швеция, Русь, Невская битва, Ландскрона, Выборг.

Keywords: Alexander Nevsky, Yaroslav Vsevolodovich, Andrey Alexandrovich, Sweden, Rus, Battle of the Neva, Landskrona, Vyborg.

Александр Невский в нашем представлении, составленном в школьные годы и после прочтения массы литературы о нем, выглядит величайшим полководцем своего времени. Его таланты привели к разгрому шведских морских «волков» на Неве. Экспансия мощнейшей армии грозного Тевтонского ордена была властно остановлена у Вороньего камня на Чудском озере. Нарождающееся Литовское государство в своем стремлении к гегемонии в Восточной Европе также натолкнулось на волю, военное умение и удачу князя Александра Ярославича.

Его незаурядность порождает в нас закономерное ожидание: именно он должен разгромить самого грозного противника XIII столетия – монголо-татарские полчища Батыя. Однако сколько бы мы не искали в синхронных источниках хотя бы намеков на победоносное шествие дружины князя по степи, мы наталкиваемся не столько на молчание источников, сколько на явное повиновение и покорность князя завоевателям (например, поездка князя в Орду в 1252 г. [7, с. 36-42]). Этот непреложный факт все чаще вызывает к жизни обвинения в коллаборационизме, в предательстве русских интересов, в поражечестве этого гениального полководца. И объяснение, что подвиг смирения – это, быть может, значительно больший подвиг, нежели ратный, не дает нам почвы для оправданий действий, а точнее, вооруженного бездействия князя Александра Ярославича: наше сознание не позволяет нам самим смириться с тем, что столь величайший человек своего времени не поднялся на еще более высокую ступень успеха и славы.

Однако все наши ожидания не имеют никакого отношения к реальному князю Александру Ярославичу, к реальным отношениям Руси и Швеции, Руси и немецкого Ордена, русских княжеств и Ордынского государства.

При этом оценочных характеристик деятельности князя Александра Невского в исследовательской литературе избежать не удастся: ученый, как личность, продукт своего времени и соответствующих взглядов на мир и общество. Так, И.Н. Данилевский полагает, что «столкновение на Неве вряд ли можно назвать «битвой», «схватка в устье Ижоры больше напоминала партизанский рейд по тылам противника, чем большое сражение» – это «один из заурядных... эпизодов истории» [1, с. 124, 125]. Данное мнение перекликается с позицией английского исследователя Дж. Феннела, который пишет: «...“великая сеча” была не более чем очередным столкновением между шведскими отрядами и новгородскими оборонительными силами из происходивших время от времени в XIII–XIV вв.» [2, с. 143-144].

Дж. Феннел оценивает выигранные Александром Невским сражения со шведами и немцами следующим образом: «Две относительно *мелкие победы* – над шведами на Неве в 1240 году... и над немецкими рыцарями на льду Чудского озера – доведены в «Житии» до эпических размеров» [2, с. 142].

Но если указанные авторы признают наличие битв как факта истории, то А.Н. Нестеренко объявляет, к примеру, Невскую битву, «событием скорее мифологическим, чем реальным». Далее автор утверждает, что «с большей вероятностью можно предположить, что в действительности имело место не

отражение вражеского нашествия на Новгородскую землю, а разбойное нападение княжеской дружины на купеческий лагерь с целью грабежа» [5]. Впрочем, построения А.Н. Нестеренко встретили справедливую критику [4, с. 71-131].

В противовес данным мнениям, призванным уничижительно нивелировать значение личности князя Александра Ярославича, формулируется его превознесение путем идеализации всех его деяний.

Так, М.Б. Свердлов в своей статье подчеркивает, что «системный подход к анализу основного содержания жизненного пути Александра Невского позволяет раскрыть его сущность гениального стратега и тактика также» в том числе и в политике [6, с. 19, 26]. Далее автор отмечает, что «гениальное стратегическое маневрирование Александра обеспечило безопасность русских земель от нападений с запада» [6, с. 15]. Аргументирует он свои слова тем, что «гениальность Александра как политика и полководца заключалась в многообразии методов отстаивания интересов русских земель в отношениях с соседними государствами и народами» [6, с. 15]. Показательным суждением М.Б. Свердлова является заключение автора о том, что в контексте «развития отношений русских земель и Золотой Орды становится ясно, что Александр Невский не только сформировал и осуществил военно-политическую концепцию последовательного активного противодействия военными и мирными средствами агрессивной политике западных соседей с одновременным подчинением ордынским ханам, что неоднократно было отмечено в предшествующей научной литературе. Он осуществил эти действия гениально, в высшей степени проявления таланта, регулируя русско-ордынские отношения в формирующейся системе великого княжения Владимирского» [6, с. 25].

Эмоциональность и принципиальность противоположных оценок деятельности князя Александра Невского объясняется иллюзией выбора, который якобы сделал Александр Ярославич.

Так, М.В. Жеребкин пишет: «отражение натиска шведов и немцев – рубежный период в жизни и правлении новгородского князя Александра Невского. Рубежной стала и его встреча с могущественным монгольским ханом – это тоже момент выбора пути и для Александра, и для всей Руси. Князь Александр, победитель шведов и немцев, покорился Батью, покорился неизбежности, силе, которую нельзя было одолеть в тот момент» [3, с. 17].

Концентрированно накал мнений сформулировал Александр Николаевич Ужанков: «Запад (и «западники») никогда не простят России, что она предпочла «дикий Восток» «культурному Западу», а в итоге – сохранила свою самостоятельность вместо того, чтобы раствориться на периферии католического мира и стать его буфером в столкновении с тем же Востоком» [9, с. 102-143].

Между тем, при всей привычности и безупречности наличия у русских князей середины XIII в. проблемы выбора, данный постулат требует проверки: прежде чем давать оценочные характеристики деятельности той или иной личности, необходимо рассмотреть явления и процессы, в которых ему приходилось жить и действовать.

При этом, чтобы получить новые данные о достаточно хорошо изученном явлении, требуется изменение угла зрения. В данной работе предлагается сравнение событий биографии князя Александра Невского с жизнью и деятельностью его отца и его детей: каковы были события и явления до активности Александра и каковы после. Это позволит, на наш взгляд, более взвешенно рассмотреть значение деятельности князя Александра и влияние его личности на изменения векторов развития различных процессов.

Хронологически это период, занимающий чуть больше ста лет, включающий в себя весь XIII в.: от последнего десятилетия XII столетия – от года рождения отца Александра князя *Ярослава* (в крещении – *Феодора*) *Всеволодовича*, который родился по разным данным 8 февраля 1190 года или 1191 года, до смерти сына Александра князя *Андрея* – 27 июля 1304 г.

Для русско-шведских отношений в XIII в. весьма болезненной оставалась проблема разделения сфер влияния: и Великий Новгород, и шведская корона претендовали на контроль над финскими племенами и побережьем Финского залива, с удобными гаванями. Особенно важным для обеих сторон был вопрос о контроле речного пути на восток – через Финский залив в Неву и Ладожское озеро и далее в Волхов, путь «из варяг в греки», с которого и началась русская государственность.

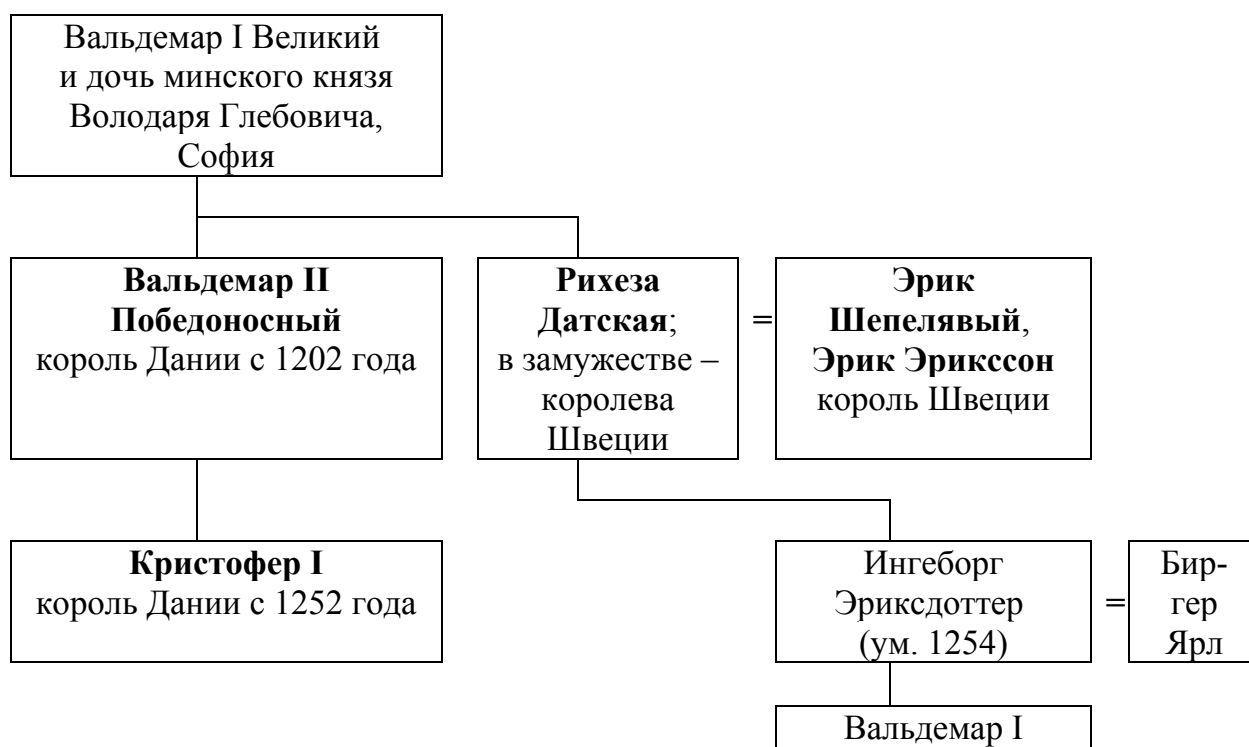

Рис. Родственные связи датского правящего дома и шведских правящих родов (организаторы вторжения на Русь в 1256 г.)

За период 1190–1310 гг. зафиксировано 8 вооруженных конфликтов [8, с. 4-13]. Из них в двух случаях победа досталась шведским войскам. Шесть раз победителями оказались русские. Причем все действия русских войск но-

сили оборонительный характер, а в двух победах шведам удалось отразить попытки новгородцев снести построенные в их сфере влияния крепости. В одном случае крепость стала опорой шведской экспансии (замок Выборг).

Все шведские экспедиции вписываются в практику традиционного морского ополчения – лейданга. Причем сведения о подготовке морских судов к такому походу ко дню Святой Троицы позволяют определить время начала той или иной экспедиции.

К примеру, в 1220 г. начало вторжения в Эстонию должно быть приурочено к 17–25 мая. Известно, что в августе шведские войска были разгромлены. В 1240 г. морской поход должен был начаться 3–11 июня – 15 июля шведы были разгромлены в устье Ижоры. Начало похода 1256 г. должно было осуществляться 4–12 июня; в 1283 г. – 6–14 июня; в 1284 г. 28 мая – 5 июня; в 1300 г. – 29 мая – 6 июня. Тогда появление шведских войск на театре военных действий выпадало на первую половину июля.

В задачу большинства отмеченных в источниках шведских экспедиций входило создание опорного пункта экспансии – крепости/замка с гарнизоном. Причем четко прослеживается устойчивая политика захвата земель, проводимая знатным шведским родом Фолькунгов. Территория, на которую была направлена экспансия рассматривалась, как «ничейная» – языческая. При этом шведские источники демонстрируют ясное представление от том, что эта сфера интересов новгородцев, а земля по берегам Невы – это Русь.

Численность войск определяется крайними обозначенными в источниках цифрами: не менее 500 и не более 1100. Вероятно, численность такого отряда должна была составлять около 1000 человек. К концу сентября (в источниках зафиксировано 29 число) большая часть войск возвращалась в Швецию. В крепости оставался гарнизон, который должен был быть усилен в следующий навигационный сезон. В случае если шведам удавалось возвести укрепления, новгородцам приходилось брать замки штурмом и срывать их или оставлять свой гарнизон (как, например, в Кореле).

В связи с этими данными действия князя Александра Ярославича в 1240 г. представляются вполне обоснованными и своевременными. Нанеся внезапный удар по лагерю противника, новгородский князь вынудил шведов отступить. Причем такие действия предотвратили возможность закрепления шведов на Неве путем постройки крепости: в случае возведения крепостных сооружений потеря при их штурме было бы значительно больше; при этом сохранялась возможность такой замок не отбить (как это случилось, к примеру, с Выборгом).

Вторжение шведов в 1240 г. первое за рассматриваемый период. Факт экспедиции в Неву показывает заинтересованность шведов в распространении своего влияния на восток в условиях ослабления Руси. При этом шведы конкурируют с немцами и датчанами и не намерены отдавать перспективы захвата земель своим компаньонам в деле крещения язычников и православных. В этой связи победа на Неве играла важную роль в ходе обороны русских границ от соседей в трудное время монголо-татарского вторжения: только спустя

16 лет шведы повторяют попытку закрепления на новгородских землях – в устье Наровы, но отступят, узнав о сборе войск и подходе дружины князя Александра Ярославича.

Сам князь Александр дважды командовал войсками в военных действиях против шведов и их союзников (один раз – в 1240 г. – как наместник своего отца). Его сын Андрей единожды возглавлял войска в походе на шведов и еще один раз распорядился выдвинуть войска во главе со своими воеводами. В иных случаях войсками командовали местные посадники – новгородские и ладожские. Однако великокняжеская власть всегда была надежной опорой и поддержкой в борьбе со шведскими вторжениями.

Таким образом, для второй половины XIII столетия именно военные действия, осуществляемые под командованием князя Александра Ярославича, являлись определяющими в установлении границ со Швецией в регионе. Инерцией достижений князя являлось то, что только в условиях внутрикняжеской борьбы между сыновьями Александра – Дмитрием и Андреем – шведская корона осмеливается возобновить морские походы в Неву и Ладожское озеро (фиксируются с 1283 г.). Только выйдя победителем из борьбы за власть, князь Андрей Александрович сумел принять действенные меры для устранения шведской угрозы, захватив и разрушив в 1301 г. замок Ландскрона.

Источники и литература

1. Данилевский, И. Н. Один из любимых героев детства / И. Н. Данилевский // Знание – сила. – 1994. – № 7. – С. 122-132.
2. Феннел, Дж. Кризис средневековой Руси, 1200–1304 / Дж. Феннел ; [перевод с англ. В. В. Голубчикова] ; вступительная статья, общая редакция А. Л. Хорошкевич, А. И. Плигузова. – Москва, 1989. – С. 143-144.
3. Жеребкин, М. В. Исторический выбор Александра Невского / М. В. Жеребкин // Наука, образование и культура. – 2017. – № 3 (18). – С. 13-19.
4. Несин, М. А. О некоторых вопросах и мифах, относящихся к невской битве 1240 г. (к 780-летию Невской битвы) / М. А. Несин, М. В. Фомичев // Novogardia. – 2020. – № 1 (5). – С. 71-131.
5. Нестеренко, А. Н. Мифологемы Невской битвы / А. Н. Нестеренко // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана: электронный журнал. – 2016. – № 4 (42).
6. Свердлов, М. Б. Александр Невский – гений стратегии и тактики / М. Б. Свердлов // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. – 2017. – № 3 (15). – С. 7-31.
7. Селезнев, Ю. В. Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции / Ю. В. Селезнев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 1 (35). – С. 36-42.
8. Селезнев, Ю. В. Из похода «придоша новгородцы с княземъ Олександромъ вси здорови». Русско-шведские конфликты в XIII столетии / Ю. В. Селезнев // Военно-исторический журнал. – 2021. – № 8. – С. 4-13.
9. Ужанков, А. Н. Меж двух зол. Исторический выбор Александра Невского / А. Н. Ужанков // Россия XXI. – 1999. – № 2. – С. 102-143.

СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ

О.М. Кузьмина

кандидат педагогических наук
Ржевское краеведческое общество (г. Ржев)

СВЯТОЙ ПОДВИЖНИК ВЛАДИМИР БЕЛОПЕСОЦКИЙ (1450–1522 ГГ.)

В статье систематизированы сведения о преп. Владимире (Белопесоцком), внесшем значительный вклад в развитие и становление Русского государства и Московского княжества. Выявлены связи, которые способствовали духовному определению и гражданскому становлению уникальной личности нашего Отечества – уроженца г. Ржева, пастыря и основателя Свято-Троицкого Белопесоцкого монастыря на порубежных территориях Московского княжества.

The article systematizes information about the Vladimir (Belopesotsky), who made a significant contribution to the development and formation of the Russian state and the Moscow Principality. The connections that contributed to the spiritual definition and civil formation of a unique personality of our Fatherland – a native of Rzhev, a pastor and founder of the Holy Trinity Belopesotsky Monastery in the border territories of the Moscow Principality are revealed.

Ключевые слова: Владимир (Белопесоцкий), Ржев, Новгородский Варлаамиево-Хутынский монастырь, Московское княжество.

Keywords: Vladimir (Belopesotsky), Rzhev, Novgorod VarlaamievKhutyn monastery, Moscow Principality.

Каждому человеку надо давать по его мерке.

Нельзя всем одинаково.

Преп. Нектарий Оптинский

Великий пастырь – Преподобный Владимир (Белопесоцкий, в миру Василий, около 1450 – 1522) родился в Ржеве. Согласно источникам, в синодике Белопесоцкого монастыря, составленном в 1645 г., был описан «род начальника обители сея преподобного игумена Владимира», насчитывающий 88 имен¹.

¹ До 2000 года старинный синодик – этот древний манускрипт – сохранялся в архиве монастыря. На сегодня он утрачен ввиду сложных перипетий организационно-административного порядка (как сообщила нам игуменья Белопесоцкого монастыря Агния: сентябрь 2018 г.). Синодик («соединяемый» с греч.) – это книга памяти или список с перечислением имен усопших и живых для поминовения во время богослужения или в частной молитве.

Согласно монастырской «Летописи 1868 г.», которая была составлена на основе документов из Троице-Сергиевой Лавры (ТСЛ), Василий происходил из родовитой ржевской боярской семьи («меньших и славных бояр»). Предполагаем, первоначально его жизненный путь складывался на военном поприще: он был воеводой [8].

Как отмечают источники, «преподобный Владимир, будучи знатного происхождения, не мог не получить в юности военных знаний и навыков. В те времена боярские дети принимали участие в боевых походах, владели оружием и знаниями по специфике крепостной архитектуры» [10, с. 14].

Василий (в будущем Владимир Белопесоцкий) свой выбор сделал в Новгородском Варлаамиевом Хутынском в честь Преображения Господня монастыре. Здесь он принял постриг монашества.

На земле древней Новгородчины Василий оказался не случайно. Ржев и Новгород на протяжении длительного времени связывали давние исторические нити. Следует учитывать тот факт, что центральное Духовное управление Ржевских земель в XVIII веке находилось в Новгороде, и все Верхневолжье с прилегающими территориями относилось к Ржевскому духовному правлению [3].

Так, среди особого почитания в Ржевском крае испокон веков считался «Животворящий крест» и икона, нареченная его именем [4], которая была обязательна в каждом ржевском храме. Это был старинный сосновый новгородский крест с распятием, рубленный топором, и принесенный еще в XIII в. в Ржев, по преданию, из Новгорода. На кресте была шифрованная надпись, к сожалению, не прочитанная и не зафиксированная документально. Крест был украшен золотом, серебром и жемчугом. Его почитали все верующие, как старого, так и нового толка. Напомним, что Ржев и поныне считается одним из важных центров старообрядчества.

Ежегодно 14 сентября в Ржевском Христорождественском храме, где сберегался крест, при огромном стечении народа отправлялась большая служба. В иные дни доступ к кресту был ограничен.

Новгородский крест – подлинник хранили в специальной часовне [6, с. 3]. Он находился в ржевском Христорождественском храме до событий 1917 г. Его дальнейшая судьба к настоящему времени по документам нигде не прослеживается.

Еще пример ржевско-новгородского исторического сопутствования. Именно в Великий Новгород, когда Ржев захватили литовские полчища в XVII в., была отослана великая святыня «Ржевская богоматерь». О ее торжественном возвращении в Ржевские земли ежегодно 12 декабря в местных храмах велись службы вплоть до начала XX в. [5, с. 324-331].

В Тверском архиве (ГАТО) сохранились документы, повествующие о принадлежности ржевской земли и ее храмов к Новгородским окраинным территориям.

Все эти обстоятельства подтверждают наличие прямых ржевско-новгородских связей и доказывают реальность опыта пребывания св. Владимира Белопесоцкого в Великом Новгороде.

Новгородский Варлаамиев-Хутынский в честь Преображения Господня мужской монастырь начиная с XV–XVI вв. являлся одним из центров церковной и политической жизни не только Новгородской земли, но и Великой Руси (расположен в 7 км от Новгорода). Сегодня это действующий женский монастырь.

В благоустройство монастыря делали вклады: царь Иоанн IV Васильевич, в 1542 г. князь В.И. Оболенский (покров с изображением прп. Варлаама), другие именитые персоны государства Российского [9, с. 204].

У обители были даже свои административные полномочия. Скажем, что в 1532 г. Василий III дал новгородскому монастырю несудимую грамоту, по которой в делах недуховных игумена мог судить только Великий князь, в духовных – Новгородский архиепископ, и освободил монастырь от уплаты пошлин за соляные варницы в Русе (г. Старая Русса)².

Согласно писцовым книгам XVI в., монастырю принадлежали крупные земельные владения в Обонежской, Водской, Деревской пятинах, соляные варницы и дворы в Русе (соль была одним из стратегических запасов), рыбные ловли в Волхове, Онежском озере.

В XIII–XVI вв. монастырь владел одним из лучших книжных собраний Новгорода³. В середине XVII в. в монастыре была устроена типография.

Сам монастырь в XV в. представлял собой уникальный архитектурный ансамбль церковных строений. Несмотря на то что после присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. монастырь утратил часть владений, он оставался одним из богатейших в Новгородской епархии. Расцвет обители связан с покровительством Великого князя Василия III Иоанновича (1479–1533), особо почитавшего прп. Варлаама (перед кончиной он принял схиму с именем Варлаам) [2].

Предполагаем, что отец князя Василия III – князь Иоанн III Васильевич (Великий, 1440–1505) стал неким «крестным отцом» (правление 1462–1505 гг.) для св. Владимира Белопесоцкого, разглядев и предопределив в этом монахе – насельнике Варлаамиев-Хутынского монастыря большие возможности в государственных нуждах России. И есть основания считать, что именно его, как практичного и опытного в военном деле, назначил для служения на южных рубежах Московии и строительства пограничных военных крепостных фортификаций под г. Каширой на берегу реки Оки, где тогда проходила оборонная «засечная черта» княжества.

Первые документы, свидетельствующие о жизнедеятельности монастыря – форпоста Московских владений, пастырем и основателем которого стал преп. Владимир Белопесоцкий, датируются рубежом XV–XVI вв. Это жалованная грамота служилого татарского князя Магомет-Амина от 16 ноября

² Согласно 2-й ред. жития прп. Варлаама, в начале XV в. в монастыре у гроба преподобного Варлаама исцелился младший брат Великого князя Василия I новгородский князь Константин Дмитриевич (восьмой сын князя Дмитрия Донского).

³ К настоящему времени в архивах сохранились отдельные древние манускрипты из этого собрания.

1498 г. В феврале 1507 г. князь Василий III Иоаннович дал Владимиру Белопесоцкому тарханную и несудимую грамоту⁴ на починки (небольшие поселения) в Ступинской, Крутовражской, Воргосовской, Туровской волостях Каширского уезда Московского княжества.

Последняя жалованная грамота, выданная игумену, датируется январем 1522 года. «Летопись 1868 г.» сообщает, что жития святому «было 72 года». Это стало историческим основанием, определяющим год его кончины.

При жизни преподобного Владимира в обители были построены деревянная церковь во имя Св. Троицы и кельи. Согласно Описной книге Каширского уезда за 1578–1579 гг., «печальник и строитель старец Володимир» был погребен «у Троицы под папертью» [7].

* * *

Святым Владимира стали почитать еще в XVII в. [10, с. 14].

В 1998 г. святого прославили в лике местночтимых. В 2008 г. по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского был издан акафист Преподобному Владимиру, игумену Белопесоцкому, празднование которого ежегодно чествуется 15/28 июля.

В 1 кондаке и икосе говорится⁵: «Избранный чудотворче и воине Христов, устроителю обители предивныя, наставниче монахов и собеседниче ангелов! Похвальное пение приносим ти, преподобне отче наш Владимире, ты же, предстоя Престолу Господа славы, моли о нас, прославляющих тя с любовью и умиленно вопиющих: Радуйся, Владимире, Белопесоцкий чудотворче.

Икос 1: Ангел земный и человек небесный воистинну был еси, преподобне отче наш Владимире, издетскабо страху Божию родители твоими наученный, в преподобии и правде во вся дни живота твоя неленостно Господеву поработал еси. Мы же, удивляющеся равноангельному житию твоему, прославляем тясице:

Радуйся, земли Тверския прозябение святое.

Радуйся, града Ржева отрасль пречестная.

Радуйся, славных родителей плод боголюбезный.

Радуйся, лучами Трисолнечнаго света озаренный» [1].

В 2018 г. монастырю исполнилось 520 лет. Мы навестили место последнего пристанища нашего земляка, свезли ему горсть отеческой ржевской земли, поклонились его великим делам на благо России. Действительно, больших и уникальных людей рождала и выпестывала ржевская провинция. Настоящих ЛИЧНОСТЕЙ, которыми прирастала средневековая Русь, становясь великой державой.

⁴ Тарханная грамота в Древней Руси – документ, который освобождал от повинностей и любого суда, кроме царского. Давался преимущественно духовным лицам и учреждениям, а иногда и мирянам.

⁵ Кондак (греч. конτάκιον) – жанр церковной византийской гимнографии в форме проповеди, посвященной церковному празднику. Икос (греч. Οἶκος – дом) – церковное песнопение, восхваляющее и прославляющее чествуемого святого и церковное событие.

Источники и литература

1. Акафист преподобному Владимиру, игумену Белопесоцкому. – URL: http://www.kistine.ru/acathisti/acathistus_vladimir_belopesotskiy.htm. (дата обращения: 12.09.2018). – Текст : электронный.
2. Владимир Белопесоцкий. – URL: <http://www.sedmitza.ru/text/520483.html>. (дата обращения: 12.06.2018). – Текст : электронный.
3. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1071. Оп. 1. Д. 56. Ведомость о количестве церквей и церковнослужителей, находящихся в ведении Ржевского Духовного правления Новгородской губернии, 1763–1765 гг.; Д. 57. Ведомости и списки монахов и монахинь, находившихся в монастырях Ржевского уезда, 1763 г.; Д. 103. Сведения об иконах, находившихся в монастырях и церквях Ржевской епархии.
4. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15840. Л. 23.
5. Забелин, И. Е. История города Москвы. Незданные труды / И. Е. Забелин. – Москва, 2003. – 381 с.
6. Моряков, С. В. О древних монастырях Ржева / С. В. Моряков // Быль нового Ржева. – 1998. – 20 мая.
7. Национальная Российская государственная библиотека (НРГБ). Ф. 303/І. № 476. 1664 г.
8. Преподобный Владимир Белопесоцкий. – URL: // http://www.svtbm.ru/1/s_rad_v_bel.html. (дата обращения: 12.10.2017). – Текст : электронный.
9. Святые Новгородской земли или история святой Северной Руси в ликах X–XVIII вв. Т. 1. X–XV вв. – Великий Новгород, 2006. – 735 с.
10. Святыни Подмосковья. Свято-Троицкий Белопесоцкий женский монастырь. – Москва, 2017.

А.Г. Едовин

кандидат исторических наук, ученый секретарь
Архангельского краеведческого музея (г. Архангельск)

ХРОНОЛОГИЯ ДВИНСКОГО ПОХОДА НОВГОРОДЦЕВ 1398 ГОДА

В статье на основе летописных сведений и климатических параметров реконструируется хронология так называемого «Двинского похода» войска Великого Новгорода на великокняжеские и мятежные двинские земли, совершенного в 1398 г. Полученные выводы позволяют отвергнуть недавно высказанную в научной литературе версию о двух походах новгородцев на Двину, соответственно в 1397 и 1398 гг.

The article reconstructs the chronology of the so-called «Dvinsky campaign» of the army of Veliky Novgorod on the grand-princely and rebellious Dvinsky lands, committed in 1398, on the basis of chronicle information and climatic criteria. The obtained conclusions allow us to reject the version recently expressed in the scientific literature about two campaigns of the Novgorodians to the Dvina, respectively in 1397 and 1398.

Ключевые слова: Великий Новгород, Двинский поход, хронология.

Keywords: Veliky Novgorod, Dvinsky campaign, chronology.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена появлением в научной литературе последних лет ряда высказываний, которые напрямую касаются оценки событий апогея «Двинских войн» XIV–XV столетий – новгородского похода на Двину 1398 г. Эта тема давно поднята в историографии [1; 4, с. 40-43; 5, с. 180-187; 7; 12], но долгое время не привлекала внимание исследователей, однако недавно к ней вновь вернулись, главным образом в связи с увеличением археологической базы [3, с. 13-31]. Появляются и новые трактовки упомянутого летописного события. В частности, А.А. Ручкиным недавно была предложена точка зрения, согласно которой новгородцы дважды приходили на Северную Двину в 1397–98 гг. По мнению исследователя, сначала они в конце 1397 г. пришли к Орлецу без ведения военных действий, и только после встречи с волостелем Вельского погоста Исайей, который рассказал новгородским посадникам о притеснениях со стороны двинских бояр и людей великого князя, они решились на широкомасштабные военные действия как с двинянами, так и с жителями великокняжеских земель [10, с. 47-57].

В своих рассуждениях, А.А. Ручкин опирается на Комиссионный список Новгородской первой летописи младшего извода [6], Никоновскую летопись [8] и, в меньшей степени, на Архангелогородский [11] и Устюжский летописцы [9]. В данном случае для прояснения порядка событий нам и понадобится восстановление хронологии событий. Для этого воспользуемся теми же источниками, а также климатическими данными по региону, которые позволяют оценить возможность продвижения больших групп (около 8000 человек) по территории Русского Севера в тот или иной сезон.

Вернемся к причине новгородского похода, событиям предшествующего 1397 г.: «Того же лета насл князь великий Василий Дмитриевич за Волок на Двину бояр своих Андрея Албердова с други, по всей Двинской слободе, а повествуя им тако «чтобы есте задалися за князь великий, а от Новгорода бы есте отнялися, а князь великий от Нолвгорода хочет вас боронити, а за вас хочет стояти». И двиняне, Иван Микитин и бояре двинские и вси двиняне за великий князь задалися, а ко князю великому целовали крест, и князь великий на крестном целовании у Новгорода отнял Волок Ламский и с волостями Торжок с волостями и Вологду и Бежечкий верх и потом к Новгороду с себе целование сложил крестную грамоту скинул, а новгородцы с себе целование сложили и грамоту крестную князю великому вскинули...» [6, с. 389]. Как видим, никакого упоминания Орлеца в данной записи новгородской летописи нет, указаны Двина и Двинская слобода. Иван Микитин, названный в летописном сообщении «двинянином», на самом деле был новгородцем, внуком посадника Матфея Козки и внучатым племянником Луки Варфоломеева. Отсюда вытекает его особый интерес к землям на Двине, которые начал захватывать с 1342 г. его двоюродный дед.

Далее в летописи в начале 1398 г. говорится следующее: «По велице дни на весне новгородцы ркоша своему господину отцу архиепископу владыке Ивану: «не можем господине отче, сего насилья терпети от своего князя великого Василия Дмитриевича, оже отнял у святей Софии и у великого Новгоро-

да пригороды и волости, нашу отчину и дедину, нь хотим поискати святей Софии пригородов и волости, своя отчины и дедины; и целоваша крест за один брат, како им святей Софии и великого Новгорода пригородов и волости поискати». И биша челом посадник Тимофей Юрьевич, посадник Юрий Дмитриевич, Василии Борисович и бояри и дети боярские, и житии люди и купечкие дети, и вси их вои: «благослови господине отче владыко, поискати святей Софии пригородов и волостей: или паки изнайдем свою отчину к святей Софии и к великому Новгороду, паки ли свои головы положим за святую Софию и за своего господина за великий Новгород. И владыка Иван благослови своих детей и воеводы новгородчкыи и вих вои; а Новгород отпусти свою братью, рек им тако: “пойдите, святей Софии пригородов и волости поищите а своей отцыне”» [6, с. 391].

Итак, еще не упоминается вельский владычный волостель, а уже имеется весома причина именно для военного похода новгородцев. Судя по всему, решение о походе было принято 15 апреля 1398 г., именно на это число выпадает Пасха («велиц день»). Напомним, что новый 1398 год начался 1 марта. Для того чтобы предпринимать водный поход с таким большим количеством рати, необходимо было дожидаться ледохода, который на Северо-Западе приходится на конец апреля – начало мая. Так как поход планировался на Двину, то первоначально в планах новгородцев маршрут должен был пролегать по Волхову, Ладогге, Свири, Онежскому озеру, с выходом на реку Онегу и далее через Емцу на Двину. Однако дальнейшие события изменили первоначальные замыслы.

Речь идет об уже упомянутом эпизоде с вельским волостелем Исайей: «Воеводы же новгородскыи: посадник Тимофеи посадник Юрьи и Василии и вси вои поидоша за Волок на Двину к городу к Орлецу. И стрете их с Вели владычень волостель Исай, рек им тако: “господо воеводы новгородскыи, наихавъ, господо, князя великаго боярин Андрей с Ываном с Микитинымъ и съ двиняны на святой Софеи волость на Вель в сам велик день, святей Софеи волость повоеваша, а на головах окуп поимаша; а от князя великаго приихаль на Двину в засаду князь Федор Ростовскыи городка блюсти и судити и пошлинь имати с новгородских волости; а двиньскыи воеводы Иванъ и Кононь съ своими другы волости новгородские и бояр новгородских поделиша себе на части”» [6, с. 391-392].

Можно таким образом толковать данные события – после притеснений двинян на Вели, Исайя вынужден был бежать в Новгород, по пути он и встретил двигающуюся из Новгорода рать. Судя по тому, что после их встречи первыми на пути новгородцев оказались белозерские волости, эта встреча произошла между Онежским и Ладожским озерами, куда новгородцы могли попасть не ранее середины мая. Интересен факт упоминания князя Федора Ростовского, посланного «блюсти городок» – это прямое указание на укрепление оборонительной мощи Орлеца, который обзавелся каменными крепостными стенами только к описываемым событиям. Этот аспект отдельно нами рассматривался в специальном исследовании [2, с. 3-8]. Как верно отметил

А.А. Ручкин, действия двинских бояр и великокняжеских наместников в Заволочье еще более подогрели воинственный запал новгородцев [10, с. 56]. Вот как описаны дальнейшие события:

«Се же слышавши воеводи новгородские, и ркоша своей братии воеводам: «дажь, братие, тако сдумалъ нашъ господинь князь великый съ крестопреступники съ двиньскими воеводами, лучши, братие, нам изомрети за святую Софею, нежели в обиде бити от своего князя великаго». И поидоша на князя великаго волости на Белоозеро, и взяша белозерский волости на щить, повоевавъ, и пожгоша и старый городок Белозерский пожгоша, а из нового городка вышедши князи белозерский и воеводы князя великаго, и добиша челом воеводам новгородцкым и всим воям. И взяша у них окупа 60 рублей, а полона поимаша буцисла, и животов поимаша бещисла...» [6, с. 392]. По нашим представлениям, эти события происходили в конце мая.

Дальше летопись описывает разграбление Кубенских волостей, Вологды, Устюга и окрестностей Галича: «...и Кубенские волости повоеваша, и около Вологды воеваша, и Устюг город повоевав и пожгоша и стояша на Устюге 4 недели». Осада Устюга (по УЛС – Гледена) [11, с. 66]) осуществлялась в течение июня, в ходе нее часть новгородских войск в количестве 3000 человек для нанесения большего ущерба великокняжеским владениям были отправлены на Галицкие земли: «И в то время воеводы послаша Дмитрия Ивановича, Ивана Богдановича, а с ними дети боярские, воеваша волости князя великаго, толко за днище Галича не доходиша, а волости повоевав и пожгоша, и полон поимаша бещисла, а на полону окуп поимаша, зане суды не подоимут, а иный полон пометаша» [6, с. 392].

Примерно в начале июля, после осады Устюга, новгородская рать в количестве около 3000 человек (напомню, что из 8000 первоначальных воинов, 3000 ушли на Галич, еще какая-то часть осталась под Устюгом) двинулась в нижнее Подвинье для штурма главного оплота двинян – крепости Орлец, расположенной в 120 км от устья Северной Двины, несколько выше Холмогор. «И оттуда поидоша по Двине к Орлецу городку, воюючи волости князя великаго, и приидоша к Орлецу городку и стояша под городком 4 недели, поставиша пороки и оступиша городок, и начаша бити пороки» [6, с. 392].

Таким образом, учитывая временные затраты на продвижение вниз по Северной Двине, осада Орлеца могла происходить с конца июля по конец августа, когда крепость была сдана ее защитниками. «И вышедши двиняне ис городка, и начаша бить челом с плачем воеводам и всем воем новгородцем, и воеводы новгородчкые, и вси вои по своего господина по новгородчкому слову, челобитье прияша двинян, а нелюбья им отдаша, а воевод заволочкых Ивана и Конана с другы изымаша, овых смертию казниша, а Ивана и брата его Алфана, Герасима, Родивона исковаша, кто водил Двинскую землю на зло; а у князя Федора Ростовскаго взяша присуд или пошлины, что поимал, а самому с другы живот даша, а у гостии князя великаго взяша с голов окупа 300 рублей, а у двинян за их преступление и за их вину воеводы и вси вои новгородци взяша 2000 рублей, а 3000 конев: бяше всех новгородцев 3000 или мене. Оле

божие милосердие, селко прошед Руской земли, и у сель твердаго городка не бысть пакости в людех, токмо с городка одиного человека убиша дичьского Левушку Федорова посадника, а городок разгребоша» [6, с. 392-393].

Итак, осада была вовсе не кровопролитной, по большому счету дело решилось миром, пострадали только зачинщики мятежа, кроме того, городок был разрушен. На последнее мероприятие должно было уйти какое-то время, поэтому в течение сентября – октября 1398 г. новгородцы должны были все еще находиться на Двине. Учитывая, что они вернулись в Новгород зимой, которая календарно начиналась спустя два месяца, можно предполагать, что они двинулись в обратный путь только в ноябре – декабре, когда произошел ледостав и можно было на лошадях успешно преодолевать водные преграды. «Тои же зиме приехаша из Заволочья воеводы новгородские в Новгород: посадник Тимофей, посадник Юрья, Василии, и бояре и дети боярские, и все добры и здравы, и рады быша новгородцы своей братии, а переветника Ивана Микитина скинуша с мосту; а Герасим и Родивон с плачем добиша своеи господе Великому Новгороду, и Новгород даша им живот, и постригошася в мнишеский образ; а Алфан избежа на путе» [6, с. 393]. В Никоновской летописи описан эпизод с погоней Якова Прокофьевича с 700 воинами за убежавшим Анфалом, однако к теме данной статьи он уже отношения не имеет [8, с. 171].

Исходя из представленной хронологии событий 1398 г. становится ясно, что новгородцы, вопреки мнению А.А. Ручкина, никак не могли быть дважды в течение года на Двине у Орлеца. Вся логика их похода строилась на изначальном желании вернуть двинские владения, не втягивая в военные действия великокняжеские территории. Однако после встречи с волостелем Вельского погоста Исайей масштаб войны резко возрос, и в нее оказались втянуты и земли великого князя – Белозерье, Устюг и Галич.

Нам понятно и происхождение ошибки А.А. Ручкина – это опора на достаточно поздний Устюжский летописец, где говорится о том, что первоначально новгородцы действительно пришли к Орлецу, а потом встретили владычного волостеля. Однако здесь имя Исайя даже не упоминается, он назван «властелином Великаго Важеского погоста» (поздний Шенкурск) [9, с. 105], что указывает на явные искажения первоначальных данных ранних летописей.

Источники и литература

1. Бернадский, В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке / В. Н. Бернадский. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1961. – 395 с.
2. Едовин, А. Г. История исследований Орлецкого городка 1342–1398 гг. / А. Г. Едовин // Защитники Отечества. Вып. 14. – Архангельск, 2016. – С. 3-8.
3. Едовин, А. Г. Борьба за богатства Севера в эпоху древнерусской колонизации XII–XV вв. / А. Г. Едовин // Студеное море – северные рубежи. – Москва : РОССПЭН : Политическая энциклопедия, 2019. – С. 13-31.
4. Едовин, А. Г. Двинские войны 1323–1417 г. / А. Г. Едовин // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков. – Вологда, 2020. – С. 40-43.
5. Зарубин, Л. А. Важская земля в XIV–XV вв. / Л. А. Зарубин // История СССР. – 1970. – № 1. – С. 180-187.

6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. – 640 с.
7. Овсянников, О. В. Люди и города Средневекового Севера / О. В. Овсянников. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1971. – 81 с.
8. Полное собрание русских летописей, том XI, Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. – Санкт-Петербург, 1897.
9. Полное собрание русских летописей, том XXXVI, Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. – Ленинград, 1982.
10. Ручкин, А. А. К вопросу о роли Вельского погоста в московско-новгородской борьбе 1397–1398 годов / А. А. Ручкин // Поморские чтения. Вып. III. – Мезень, 2021. – С. 47-57.
11. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). – Москва ; Ленинград, 1950.
12. Янин, В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода / В. Л. Янин. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 395 с.

А.В. Коноплев
независимый исследователь
(г. Вологда)

ЯМСКАЯ ГОНЬБА МЕЖДУ ВОЛОГДОЙ И АРХАНГЕЛЬСКОМ В XVI–XVII ВВ.

На основе анализа источников показано состояние ямской гоньбы между Вологдой и Архангельском в XVI–XVII вв. Определены маршруты гоньбы в зависимости от сезонности и их эволюция.

The state of the yamskaya chase between Vologda and Arkhangelsk in XVI–XVII centuries is shown based on the analysis historical sources. Defined routes of yamskaya chase depending on the season and their evolution.

Ключевые слова: ям, ямская гоньба, история почты, Сухоно-Двинский путь.

Keywords: yam, yamskaya chase, history of post, the way along Sukhona and Dvina rivers.

Одним из важнейших признаков централизованного государства является наличие механизма, обеспечивающего связь столицы с окраинами. В средневековой России таким механизмом являлась ямская гоньба, включающая в себя пути сообщения и инфраструктуру, обеспечивающую движение по этим путям. Для финансового обеспечения ямской гоньбы существовали специальные налоги и натуральные повинности.

Вопросам истории ямской гоньбы посвящен целый ряд исследований. Сюда, прежде всего, надо отнести работы И.Я. Гурлянда [5], И.П. Козловского [6] и А.Н. Вигилева [3]. Однако все эти работы мало касаются такого момента, как маршруты ямской гоньбы и истории образования инфраструктуры ямской гоньбы на отдельных участках.

Считается, что наиболее ранним документом, свидетельствующим о наличии в государстве системы ямской гоньбы, является Указ о езде, входящий

как 30 статья в Судебник 1497 г. [9, с. 23]. Однако о маршрутах движения в Указе о езде ничего не говорится.

В 20-х гг. XVII в. появляется Поверстная книга, в которой указаны, в отличие от Указа о езде, как расстояние от Москвы до населенного пункта, так и расстояние между промежуточными пунктами. Анализу Поверстной книги посвящена работа В.А. Петрова [8], которая является на сегодня основной в части маршрутов ямской гоньбы. Одним из результатов этой работы стала карта, показывающая перечисленные в книгах населенные пункты с возможными путями движения.

Однако анализ текста книги и карты показывает, что, с одной стороны, они не учитывают возможную разницу в летних и зимних маршрутах, что характерно для северного региона, а также не приводят полных сведений о промежуточных пунктах. В полной мере это относится и к путям от Вологды до Холмогор – Архангельска, которых на карте показано два: сухопутный – через Вельск и Шенкурск и речной – Сухоно-Двинским путем через Шуйский городок, Тотьму и Великий Устюг. В тексте же на сухопутном пути указана Вага, а не Вельск и Шенкурск. При этом в VI, более поздней редакции Поверстной книги, датируемой XVIII в., расшифровывается, что под Вагой понимается Верховажье. Расстояние же от Москвы до Архангельска приводится по водному пути.

Попробуем рассмотреть более подробно маршруты ямской гоньбы между Вологдой и Архангельском в XVI–XVII вв.

С организацией торговли с Европой через Белое море в 1553 г. между Москвой и устьем Северной Двины возник поток товаров, посольства и коммерсантов из европейских стран. Эти европейцы оставили ряд описаний России, в т.ч. маршрутов движений.

Первые сведения о маршруте между Холмогорами и Вологдой принадлежат английскому агенту Московской компании Антонию Дженкинсону и относятся к 1557 г. Дженкинсон отправился из Холмогор вверх по Северной Двине в Вологду водным путем [1, с. 75]. Подробности плавания весьма ограничены, и сведений о ямах на водном пути Дженкинсон не приводит.

В приложении к своим письмам Томасу Никольсу, секретарю Московской компании, Артур Эдуардс, совершивший в 1565–67 гг. путешествие в Персию, приводит следующие сведения о пути от гавани у Святого Николая до Вологды: «Если вы поедете от св. Николая прямо к Каспийскому морю, то нужно ехать до Вологды водой – это самая легкая дорога. Едучи днем и ночью, можно покрыть этот путь в 14 дней и 14 ночей в лодках. Всего тут 1100 верст. Зимой по санному пути можно проехать в 8 дней. Летом этот путь опасен вследствие болот и топей; безопасно по нему не проехать» [1, с. 236-237].

В 1675 г. Бальтазар Койет сообщает, что из Холмогор в Москву можно попасть через Важскую область, т.е. сухопутным путем [7, с. 312-313]. Отправляется же посольство Кунраада фан-Кленка из Холмогор водным путем. Койет приводит сведения о наличии на водном пути от Холмогор до Великого Устюга двух ямов – в Осиновом и Ягрыше. Из Устюга посольство отправляет-

ся к Вологде санным путем по речному льду и только от Шуйского до Турундаева и Вологды путь проходил по суше. От Устюга до Вологды Койет упоминает ямы в Бобровском, Тотьме, и Шуйском.

Документов XVI в. о путях движения между Вологдой и Архангельском выявлено не было, но о развитии ямской гоньбы между Вологдой и Архангельском в XVII в. свидетельствуют как документы, так и соответствующие исследования.

Например, среди указных грамот городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. мы находим сведения о следующих ямах на Сухоно-Двинском пути: Вологодском [10, с. 529], Шуйском [10, с. 195], Тотемском [10, с. 158], Бобровском на Сухоне [10, с. 218] и Ягрышском яме на Северной Двине [10, с. 218].

В свою очередь, М.С. Черкасовой при изучении роли Тотьмы в системе ямской гоньбы на Севере был подробно рассмотрен ям в Тотьме, и приведены сведения о существовании ямов в Шуйском городке, Бобровского яма, а также прекратившего свою деятельность яма в Коченьге [11].

М.М. Богословским при изучении тяглых повинностей в Поморье приводится отрывок из ходатайства двинского земства 1634 г., из которого следует, что среди прочих повинностей уезд: «...3) поставлял суда под стрельцов, вино и хлебные запасы, отправляемые в Колу 4) отпускал суда для перевозки служилых людей в Кевролу, на Мезень, в Пустозерск и вверх по Двине до Осиновского яма» [2, с. 21-22]. Помимо данных об Осиновском яме, у М.М. Богословского мы находим сведения о существующих в XVII в. ямах на Северной Двине в Устюжском уезде – Ягрышском и Усть-Евдском, при впадении в Двину реки Евды, а также ямах на Сухоне – Тотемском, существовавшем с XVI в., Бобровском, и Шуйском [2, с. 35]. В Великом Устюге, пишет М.М. Богословский, яма не было, а население отбывало ямскую повинность непосредственно.

Таким образом, мы видим, что ямская гоньба по Сухоно-Двинского пути в XVII в. носит организованный характер и включает в себя систему ямов как на Сухоне, так и на Северной Двине. При этом в летний период движение между Архангельском и Вологдой осуществляется водным путем, а сухопутная дорога считается непроезжей.

Видимо состояние сухопутного тракта от Москвы до Холмогор полностью не устраивало государственные власти, что привело к тому, что в Судебник 1589 г. была включена отдельная, 51 статья: «А дорога от Москвы и до Колмогор, куде были дороги преже сего, и ныне бы те дороги были чисты, и через реки бы перевозки были по государеве дороги бы, а через ручьи мосты были вново добры» [9, с. 364]. Однако в мемуарах иностранцев этого улучшения отмечено не было.

Вопросы организации сухопутного почтового сообщения в летний период между Москвой и Архангельском через Вагу были подняты тогдашним главой Ямского приказа А.Л. Ординым-Нащокиным в августе 1668 г. и апреле 1669 г., а также управляющим московской почтой Л.П. Марселиусом в 1669 г., но не удачно [6, т. I, с. 135-138].

Возвращение к вопросу организации регулярной почты от Москвы до Архангельска последовало в 1693 г. Этому способствовало, с одной стороны, новое обращение иностранных купцов, а с другой – подготовка к первому визиту Петра I в Архангельск. В своей работе И.П. Козловский рассмотрел эту тему [6, т. I, с. 419-471] и в Приложениях [6, т. II, с. 207-431] опубликовал среди прочих пакет документов по организации почтового сообщения между Москвой и Архангельском. Но состояния ямской гоньбы на этом участке до 1693 г. Козловский не касался.

Итак, с целью организации почтового сообщения 8 июня 1693 г. (1693) был издан указ и для непосредственного руководства на местах был послан подъячий Посольского приказа Степан Часовников [6, т. II, с. 211-213]. В результате исполнения царского указа Степаном Часовниковым были организованы почтовые ямы по уездам, через которые проходила дорога от Москвы до Архангельска.

Официальные отчеты об исполнении указа последовали 31 июля 1693 г. от Двинского, Важского и Вологодского уездов, поэтому рассмотрение будем вести в этой последовательности.

В Двинском уезде от Архангельска до границы с Важским уездом было создано 9 ямов: 1-й – Архангельск; 2-й – Лявля; 3-й – Холмогоры; 4-й – Копачевская; 5-й – Великодворская (Ракульская вол.); 6-й – Сиская (Сийская); 7-й – Заболотская; 8-й – Звозкая; 9-й – Моржегорская. Моржегорский ям был последним на территории Двинского уезда, на котором стояли холмогорские ямщики. Помимо организации ямов в Двинском уезде были созданы в семи местах перевозы, в том числе через Двину, напротив деревни Бобровской и построен один мост [6, т. II, с. 291-292].

Далее начинался Важский уезд на территории которого было создано 15 ямов. 10-й ям от Архангельска и первый, который обслуживают важские почтари расположен в Березнике, на расстоянии 30 верст от Моржегорской; 11-й – Усть-Вага; 12-й – Маремина; 13-й – Керчела; 14-й – Золотиловы; 15-й – Шенкурск; 16-й – Усть-Паденьга; 17-й – Усть-Пуя; 18-й – Слобода; 19-й – Судрома; 20-й – Вельск; 21-й – Низовье; 22-й – Вакомино; 23-й – Липки; 24-й – Жихово. Ям в Жихово последний в Важском уезде [6, т. II, с. 292-293].

Вологодский уезд отчитался о создании трех почтовых ямов. Со стороны Архангельска первым ямом (25-м от начала) стал ям в деревне Горка в Сямженской волости, в поместье Рогуновских на расстоянии 40 верст от Жихова, вторым ямом (26-м) – ям в деревне Кобылкино, Двиницкой волости, в поместье Я.Т. Малого в 50-ти верстах от Горки и в 50-ти верстах от Вологды. И третьим почтовым ямом назван Обнорский ям, стоявший в 60 верстах от Вологды в сторону Ярославля [6, т. II, с. 293-294]. Надо отметить, что Обнорский ям существовал задолго до этого момента, как и ям в Вологде, причем имевший две ямские слободы – Московскую и Кирилловскую.

За решением властей: «... а от Архангельского города и Колмогорским и Вожским (Важским) и Устьянских волостей уездами до Вологды гонять по прежнему бес прогонов для того что теми уездами и преж сего гоняли без

прогонов» [6, т. II, с. 295] последовали челобитные от Устьянских волостей и Двинского уезда. В первой среди прочего говорилось, что важане осуществляли еще в 1670–71 гг. ямскую гоньбу «...вверх до Вологды и вниз до Пречистые Богородицы Верховажские...» [6, т. II, с. 351-354]. Во второй же утверждалось, что «... а в прошлых государи годах до 201-го году (1693) на Двине ни каких ямов и почтовой гоньбы не бывало... К Москве же, Кольскому и Пустозерскому острогам отпуска, они выполняют летом судами по воде, а зимой санями» [6, т. II, с. 324]. Из распоряжения об оплате и челобитных следует, что ямская гоньба от Архангельска к Вологде существовала и до 1693 г., летом речным путем, а только зимой по суше, а в Важском уезде осуществлялась ямская гоньба по ямам от Вологды до Верховажья.

Патрик Гордон, возвращавшийся осенью из второй поездки Петра I в Архангельск в 1694 году сухопутным путем из Пенды через Важский уезд к Вологде, оставил следующие сведения о ямах и местах смены лошадей на этом маршруте: 1. Деревня Кицкая, на месте переправы через Вагу; 2. Золотилово; 3. Шенкурск; 4. Шолошский ям; 5. Усть-Паденьга; 6. Ям Усть-Пуя; 7. Слободской ям; 8. Шудринский (Судромский) ям; 9. Вольский (Вельский) ям, 10. Верховажский ям; 11. Устинский (Усть-Янский?) ям; 12. Ям Яхреньга; 13. Волховский ям; 14. Ям в 10 верстах не доезжая Сухону; 15. Вологда.

Если сравнивать перечень ямов, по Гордону, с вновь организованными, то мы видим отдельные несовпадения. Например, Верховажский ям, а Гордон пишет, что он расположен в большом селе: «...далее 10 верст до Верховажского Яма – большого села, где обедали и получили свежих лошадей» [4, с. 293], в почтовых ямах отсутствует, а числятся ямы в Низовье (не доезжая до Верховажья) и Вакомино (после Верховажья).

Разницу в составе почтовых ямов, организованных в 1693 г. и приведенных у Гордона, можно объяснить тем, что ямы, по Гордону, отражают сложившуюся до 1693 г. организацию ямской гоньбы через Важский и Вологодский уезды. В 1694 г. слияние старых функций ямов (обеспечение транспортом) и новых функций (почтовых) еще не произошло. Впоследствии функции перевозки корреспонденции и предоставление транспорта слились вместе и ямы были преобразованы в почтовые станции.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В XVI–XVII вв. ямская гоньба между Вологдой, Холмогорами и Архангельском осуществлялась в период навигации Сухоно-Двинским водным путем, а в зимнее время по суше, через Важский уезд, дорогой, идущей вдоль реки Ваги от границы Двинского уезда до Верховажья и далее к Вологде. В летнее время по суше осуществлялась ямская гоньба от Вологды до Верховажья. Сквозное движение по суше в летнее время стало осуществляться от Вологды до Архангельска (через Верховажье) только начиная с 1693 г., когда была организована сеть почтовых ямов и приведена в относительный порядок дорога.

Источники и литература

1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю. В. Готье. – Ленинград : [б. и.], 1941. – 306 с.

2. Богословский, М. М. Тяглая организация Поморья в XVII веке / М. М. Богословский. – Москва : Печатня А. И.Снегиревой, 1913. – 45 с.
3. Вигилев, А. Н. История отечественной почты / А. Н. Вигилев, [Всесоюз. о-во филател.]. – Москва : Связь, Ч. 1. – 1977. – 152 с.; Ч. 2 – 1979. – 159 с.
4. Гордон, Патрик. Дневник, 1690-1695 / Патрик Гордон ; пер., ст. и примеч. Д. Г. Федосова ; [РАН, Федер. архив. служба России, Рос. гос. военно-ист. арх.]. – Москва : Наука, 2014 – 620 с.
5. Гурлянд, И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века / И. Я. Гурлянд. – Ярославль : Тип. Губ. Правления, 1900. – 339 с.
6. Козловский, И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве : Т. 1-2 / И. П. Козловский. – Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1913. Т. I: Текст исследования. – 536 с.; Т. II: Прилож. к исследов. – 524 с.
7. Койэт, Б. Посольство Кунраадафан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу / Б. Койэт ; [подгот. к изд. Цепковым А. И.]. – Рязань : Александрия, 2008. – 640 с.
8. Петров, В. А. Географические справочники XVII в. / В. А. Петров // Исторический архив. – Москва ; Ленинград, 1950. – Т. 5. – С. 74-165.
9. Судебники XV–XVI вв. / под общ. ред. [и с предисл.] Б. Д. Грекова. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1952. – 619 с.
10. Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. / РГАДА. – Москва : Кругъ, 2012. – 591 с.
11. Черкасова, М. С. Тотьма в системе ямской гоньбы на севере в XVI–XVII вв. / М. С. Черкасова // Русский Север – 2020 : сборник работ IV Всероссийской научной конференции. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2020. – С. 48-57.

М.С. Черкасова

доктор исторических наук

Вологодский государственный университет (г. Вологда)

СПАСО-ПРИЛУЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В ГОДЫ СМУТЫ

В статье рассмотрено хозяйство вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в первом десятилетии XVII в. Работа основана на нескольких хлебных книгах 1601–1607 гг. Несмотря на голод, это были годы сравнительно благополучного экономического положения корпорации, что позволило в дальнейшем вынести тяжелые потрясения 1612–1618 гг.

The article considers the economy of the Vologda Spaso-Prilutsky Monastery in the first decade of the XVII century. The Work is based on several bread books of 1601–1607 Despite the famine, these were the years of relatively prosperous economic situation of the corporation, which allowed in the future to endure severe shocks of 1612–1618.

Ключевые слова: смута, голод, хозяйство, Спасо-Прилуцкий монастырь.

Keywords: turmoil, famine, economy, Spaso-Prilutsky monastery.

О трех польско-литовских и казачьих разорениях Спасо-Прилуцкого монастыря в 1612–1613 и 1618 гг. имеется новейшая, весьма фундированная статья Ю.Д. Рыкова [11, с. 583-669], поэтому на этом сюжете останавливаться

нет необходимости. Здесь же отметим и новаторскую статью О.Н. Адаменко о росте уголовной преступности в прилуцких вотчинах в 1610–1620-е гг. [1, с. 307-313]. Менее разработано в литературе состояние хозяйства самого монастыря и его крестьян в 1601–1607 гг. накануне суровых испытаний второго десятилетия XVII в. Попытаемся это сделать, опираясь на небольшой комплекс неопубликованных «мельничных» и хлебных приходо-расходных книг из Пискаревского собрания Отдела рукописей Российской государственной библиотеки [9].

Мельничные книги 1601–1603 гг. были составлены двумя старцами, отвечавшими за данное ведомство, – Феодосием Великорецким и Евфимием. В первой был учтен «относ с мельницы в казну большому казначею старцу Феодосию вымолотым денгам» и приход хлеба с монастырского житного двора на мельницу [9, л. 1-10]. Во второй книге был учтен отвоз хлеба с мельницы в разные хозяйственные службы – хлебню, сушила и на солодяной двор [9, л. 11-18]. За несколько последующих лет сохранились четыре приходо-расходные книги житного двора: 1603/04 г. – старца Ионы, 1604/05 и 1605/06 гг. – старца Селивестра, 1606/07 г. – старца Кирилла [9, л. 1-52, 92-142, 143-165].

Указанные источники представляют несомненный интерес с учетом поразившего страну голода 1601–1603 гг. Уточнение его хронологии и порайонно-географической дифференциации по-прежнему остается актуальной научной задачей [15, с. 83-98]. Данная документация важна также и для изучения организации вотчинного хозяйства и его особенностей у одного из значительных монастырей Русского Севера, структуры его хлебного бюджета (понимаемого как некий «баланс» прихода и расхода), соотношения господского и крестьянского производства в его формировании, потребительского и рыночного направлений в нем. И все это – на фоне острого социально-политического кризиса, начавшегося в стране.

В первой мельничной книге, разделенной на две приходо-расходные части – денежную и хлебную, отмечено поступление «вымолотых денег» с ноября 1602 по апрель 1603 г. в казну Спасо-Прилуцкого монастыря – 27 руб. 23 алт. 4 ден. Другая часть «вымолотых денег» шла на поддержание работы мельницы – оплату труда мельников, муковозов, наемных работников для сооружения запруды, приобретение холщевых мешков, некоторых материалов (железного уклада «на клевцы», дегтя), обустройство жилых помещений («купил оконницу на келью»). Расход на все выше сказанное составил 12 руб. 14 алт.

В записях о привозе с житного двора ржи на мельницу с сентября 1602 по июль 1603 г. отмечено общее ее количество – 1287 четв., из которых 19 % (в абс. 245 четв.) предназначалось для выдачи «наемным казаком и всяким деловым людям», а остальная – на потребление самой корпорации («про монастырской обиход»). Существенно меньше в структуре хлебных поступлений на мельницу составляла идущая с солодяного двора «ржаная роща», необходимая для кваса, – 100 четв., а пшеницы лишь 26 четв., предназначенной главным образом на приготовление просфор и сухарей. Более значительные пози-

ции занимал ячмень: на мельницу его поступило 80 четв. плюс 100 четв. «солоду ячного молоть про монастырской обиход». Объем же привоза овса – 1187 четв. – немногим уступал указанному выше количеству ржи.

Во второй мельничной книге показано «обратное движение» с мельницы в монастырь хлеба уже в виде муки, называемой обычно «брацкой», «смесной», «ячной», овсяной, – всего 2503 четв., а еще ряда хлебопродуктов – крупы-ядрицы, толокна и др. Мука направлялась в *хлебню* большому хлебному старцу Иоасафу, пшеница – в *сушило* подкеларнику старцу Илье. Часть ее принимал старец-проскурник Боголеп (тогда как в церквях за пределами монастырей выпекавшие просфоры проскурницы были обычно вдовами). Присланную в ноябре в *поварню* пшеницу берегли к Рождеству Христову («на два соцелника»), к празднику чудотворцеву (дню памяти преп. Димитрия Прилуцкого 11 февраля), а еще посылали в приписной женский монастырек Николы на Валухе на просфоры и кутью.

В целом картина повседневной и праздничной еды/питья (квас, пиво, мед) в монастыре, порядок хранения и приготовления продуктов и напитков – все это предстает вполне детально, и ценность подобных источников несомненна. В современных работах по монастырской повседневности пишется, что основу питания в обителях составляли блюда из овса – более 50 %, из ржи – чуть более трети, из ячменя – чуть более 9 % [8, с. 421]. В мельничных и житных книгах подробно прописан также административно-хозяйственный организм вотчины, в обилии представленный живыми людьми с их конкретными функциями в сложившейся системе управления.

В солодяной амбар, обслуживаемый двумя чашниками, старец Иона Копоруля принимал смолотые ячный солод и ржаную рощу, а старец Ияков – смешанный овсяно-ржаной солод. Отдельный раздел во второй мельничной книге показывает «рассылку» смолотого хлеба в качестве годового запаса в вотчинные села монастыря: Софоново (трем работавшим там приказным старцам), Семенково, Васильевское, Домшино, Сергиево, Богородское, Бурдуково, Великую Реку, Лоптуново – всего 189 четв.

Вотчинные комплексы – «ключи» компактно располагались вокруг монастыря к северу, югу и востоку от него. Наиболее отдаленным было село Домшино-Ермолино (Домшинский ключ) – на запад от Вологды в верховьях р. Тошни. Сам же монастырь по местоположению может считаться ближайшим предместьем Вологды, что тесно связывало его с местным посадским миром и городским рынком.

В последнем разделе мельничной книги был учтен объем смолотого «безденежно дарового хлеба» – 214 четв. Он принадлежал различным лицам – служилым людям (включая некоторых иноземцев), вологодскому архиепископу Ионе и его детям боярским (ровно половина – 107 четв. ржи и ячменя), городовым дьякам, таможенным подьячим, игумену и старцам Соловецкого монастыря, имевшего в Вологде свое подворье [9, л. 137], стройщику ямских слобод Курдюму Кафтыреву, губному старосте Илье Вечеслову [14, с. 394], посланникам, приезжавшим «по ратных людей» и др.

Мельничные книги показывают, что хлебный приход Спасо-Прилуцкого монастыря в голодном по всей России 1602/03 году составил не так уж мало – 2023 четв., из которых львиную долю – 89 % – дало именно господское хозяйство (в абс. 1763 четв.) и лишь 11,0 % – крестьянский оброк (в абс. 223 четв.). В 1604–1605–1606 гг. монастырь получил со своего домена и собрал в качестве оброка с крестьян еще больше – соответственно 3069–3404–4577 четв. ржи и овса. Доля же оброка в этой совокупности в разные годы составляла от 14 до 20 %.

За несколько последующих лет сохранились четыре прихода-расходные книги житного двора: 1603/04 г. – старца Ионы 1604/05 и 1605/06 гг. – старца Селивестра, 1606/07 г. – старца Кирилла [9, л. 31-52, 92-142, 143-165]. Прихода-расходные хлебные книги старцев-житников за 1603–1607 гг. делились на две части, а внутри них – на совокупность записей по видам зерновых культур (рожь, пшеница, ячмень, овес). Для изучения зернового производства в прилуцкой вотчине важны сведения этих книг о количестве посева и умолта разного хлеба в трех местах: 1) на подмонастырском поле, 2) на господских «делянках» в селах и 3) в большой совокупности оброчных крестьянских хозяйств.

У Прилуцкого монастыря в рассматриваемое время окончательно еще не сложилась десятинная система полевой барщины, когда все связанные с нею виды работ верстались между крестьянскими дворами по окладным единицам-вытям или плугам. В окладной книге сц. Сергиева 1599 г. был указан годовой норматив трех видов работ на господской земле: вывоз навоза на пашню, жатва и сенокошение – по 4 дня с плуга [3, с. 392]. Непосредственный же норматив пахоты домениальной земли не был еще закреплен в рамках плужного оклада крестьянских тяглых дворов, и на нее корпорация привлекала наемных работников – «казаков, деловых людей, детенышей». Возможно, имела место и более архаичная форма обработки домена крестьянами, как «пахать взгоном», «все сполна», сообща. На смешанную форму ренты в Сергиевском ключе указывает отмеченный в окладной оброчной книге 1598 г. норматив хлебного оброка – по 3 четв. ржи и 6 четв. овса с плуга [3, с. 372-375]. Таким же был этот норматив в ряде других ключей, что отражает процесс унификации натуральной ренты, включая также разнообразное «изделье» в виде обязанности делать по 1 четв. крупы и по 1 четв. «ядрец на плуг», а остальной хлеб с домениальной земли везти (это, опять-таки, старинный «повоз») в монастырь.

Смешанная крестьянско-бобыльская форма эксплуатации была в с. Бурдукове. Крестьяне здесь вносили хлебный оброк (те же 3 четв. ржи и 6 четв. овса с плуга), а семи бобыльским дворам, не обложенным тяглом, из состава монастырской земли было выделено 7 четв. в ржаном и 14 четв. в овсяном поле плюс луга на 70 копен. За это бобыли выполняли «изделье» на монастырь: каждый человек по неделе в год привлекался к сенокошению, жатве на ржаном и овсяном поле. Кроме того, на монастырском дворе в с. Бурдукове бобыли готовили 12 четв. толочна и 6 четв. круп, а еще городили по 100 прясел (особых устройств из жердей) изгороди на человека. На случай приезда приказчика в село бобыли давали по 2 ден. «въезжего» с человека [3, с. 384-385].

В приходных частях анализируемых книг говорится о привозе хлеба на житный двор монастыря в порядке перечисления его видов. Реже отмечен невянный хлеб в овинах с указанием ориентировочного выхода из них чистого зерна в четвертном измерении. Попутно можно вывести средний объем одного овина – примерно 8,3 четв. зерна. В расходных частях книг также по видам хлебных культур показано количество высеваемого на монастырском домене зерна, а еще – семян, посланных в вотчинные центры посельским старцам. Сопоставление этих сведений ориентировочно показывает соотношение посева и урожая (точнее, умолота) в ближайшей в подмонастырском поле и сельских «ключках».

Озимая рожь и яровой овес составляли основу земледельческого производства и в монастырском, и в крестьянском его сегменте, определяя тем самым структуру питания/потребления локального монашеского сообщества и группы слуг – служебников – детенышей – деловых людей, и крестьянского населения. Записи в расходных частях книг рисуют ритмы земледельческих работ в рамках традиционного для аграрной культуры тогдашней России трехполья. Имеются данные по Подмонастырному полю: в мае 1604 г. посев на нем ярового овса (313 четв.) и пшеницы (22 четв.), в июле – озимой ржи (115 четв.). В апреле 1605 г. яровых: 20 четв. пшеницы, 35 четв. ячменя и 216 четв. овса. В мае 1606 г. было засеяно 38 четв. ячменя и 354 четв. овса, а в июле – 123 четв. озимой ржи. В мае 1607 г. – 271 четв. ярового овса, а в августе 126 четв. озимой ржи [9, л. 156, 163 об.]. Мы видим колебания календарных сроков ярового (апрель – май) и озимого (июль – август) сева; пропорций зерновых культур (ярь – озимь) примерно в сопоставимых пределах.

В конце двух из рассмотренных нами приходо-расходных книг (1604/05 и 1605/06 гг.) имеются заключительные записи о проведенном данному житнику «счете», т.е. ревизии-проверке его деятельности за год. Ревизию осуществляла группа из игумена, келаря, казначея и нескольких соборных старцев, чьи подписи скрепляли по листам данную книгу. В тексте «счета» по книге 1604/05 г. сравнивались цифры прихода и расхода хлебов и было отмечено, что приход с расходом «сошелся». В книге 1605/06 г. он «сошелся» по всем зерновым, кроме овса, которого за *расходом* (т.е. сверх него) оставалось 709 четв.

Какие же статьи расхода чаще всего фигурируют в книгах? Регулярно отмечается поступление овса «на конюшно на конской обиход» (не менее 100 четв.). В зависимости от величины конского стада монастыря годовые расходы овса на корм лошадям могли возрасти до 149 четв. Овса [4, л. 50, 111, 140]. Часть хлеба шла на коровий двор двум служебникам-коровникам Пятуне и Матфею – по 2 четв. ржи и овса каждому в качестве натуральной выплаты за работу. Кроме того, овсом на коровьем дворе кормили телят. Посылали хлеб и в Вологду на прилуцкий соляной торговый двор. Учтен также хлеб, отправляемый «городовым мостовщикам», разным приказным старцам и слугам на их поездки по делам монастыря – на Белоозеро, в волость Сяму «по рыбу», в Москву, в Тотемский и Унский соляные промыслы, в отдаленный

вотчинный комплекс на озере Глубоком в Троицкой трети («Верховские станки») Заозерской половины Вологодского уезда, на границе с Вельском.

С общерусским походом против первого Самозванца в 1604 г. и военными обязанностями Спасо-Прилуцкого монастыря связаны расходные записи о выдаче монастырским слугам 18 четв. овса для их коней. В Росписи русского войска 1604 г. из Прилук отмечено 9 конных слуг «да 6 лошадей, а с ними для береженья и корму 1 человек». По именам они указаны в ноябрьской записи 1604 г. прихода-расходной денежной книги казначея-старца Иринарха [4, л. 24]. В целом расход хлеба за 1604/05 г. оказался равным приходу: 1544 четв. ржи, 91 четв. пшеницы, 402 четв. ячменя и 1860 четв. овса – всего 5411 четв., это немного меньше, чем по описи 1593 г. – 5707 четв. [9, л. 116-117]. С учетом природно-климатических факторов особая роль овса как наиболее морозоустойчивой культуры уясняется вполне отчетливо, отсюда крупные площади его посевов и запасов во владельческом и крестьянских хозяйствах.

В отношении прихода хлеба следует отметить такую его статью, как вклады и возврат зерна по хлебным кабалам. В книге 1603/04 г. отмечено поступление 18 четв. разного хлеба по трем вкладам и 19 четв. возврата выданного прежде кабального хлеба. Иногда хлебные вклады были довольно крупными: в июле 1606 г. некий Коптел Иванов дал 24 четв. ржи и 76 четв. овса, отвезенных на житный двор [9, л. 116-117].

Возвращаемый кабальный хлеб порою составлял примерно половину от хлеба оброчного. В марте 1607 г. из дер. Сычевой и сц. Лаврентьевского Велюкорецкого ключа было привезено 33 четв. оброчного и 17 четв. кабального овса, а еще 60 четв. «старого оброчного и кабального овса». И это не единственный случай суммарной фиксации оброчного и кабального хлеба – «старого», «достального», прошлых лет [9, л. 95 об., 151 об.-152]. Подобные ремарки явно отражают факт крестьянской задолженности монастырю по выплате годовых оброков и возврату хлеба из долгов за предшествовавшие годы.

Иногда допускались своего рода «взаиморасчеты», когда хлебная кабала погашалась хлебом другого вида: «...взяли на Осифе Палехове за две четверти за овес четверть ржи». И хотя эти показатели не имели прямого отношения к зерновому производству в данном году, при выведении пропорций хлебного бюджета и их следует учитывать. То же самое можно отметить и по поводу купленной в январе и марте 1604 г. ржи (301 четв.), дополнявшей хлебный приход. Значит, как ни велики были ее посевы и запасы, какую-то часть монастырю приходилось покупать на городском рынке, направляя затем и на потребление, и на посев.

Еще удивительнее продажа монастырем в июле 1604 г. 4 четв. пшеницы на сумму 3 руб. 8 алт., что показывает немалую цену за четверть – 81 коп. Вырученные деньги поступили в казну к большому казначею старцу Феодосию [9, л. 47 об.]. Много это или мало? В литературе приведены сильные колебания хлебных цен в голодные годы начала смуты в разных районах России (Поморье, Центр, Поволжье), когда дороговизна доходила до 1,5–2–3 руб. за четверть. В.И. Ульяновский отмечает продажу Спасо-Прилуцким монастырем

в 1601 г. 200 четв. овса на сумму 15 руб., т.е. по цене 75 коп. за четверть. В 1602 г. в его закромах числилось свыше 5,2 тыс. четв. овса, что ученый склонен рассматривать как придерживание монастырем хлебной массы в ожидании роста цен [15, с. 91].

В литературе указаны случаи, когда, например, Соловецкий монастырь в 1601–1602 гг. покупал овес по 72 коп. за четверть, а своим крестьянам продавал его за 1,3 руб., т.е. почти вдвое дороже. Хлебные спекуляции Авраамия Палицына на посту соловецкого келаря в 1602–1604 гг., зафиксированные в его приходо-расходных книгах, как заметил Я.Г. Солодкин, явно противоречат заклеянной в его «Сказании» практике хлебных махинаций [7, с. 235–236; 12, с. 51]. Но есть и другая точка зрения: З.В. Дмитриева показала, что Кирилло-Белозерский монастырь продавал в голодные годы своим крестьянам хлеб по сравнительно невысоким ценам (50–60 коп. за четверть), поэтому мнение В.И. Корецкого о хлебных спекуляциях монастырей она считает преувеличенным [5, с. 15 и прим. 28].

По наблюдениям Л.С. Прокофьевой, наибольшее число взявших хлеб в долг у монастыря – 84 чел. – относится к 1601 г. (185 четв.) [10, с. 107 и табл. 27]. Даже в 1602 г., когда центр России был поражен хлебным недородом, Спасо-Прилуцкий монастырь отправил в Холмогоры 303 четв. ржи, 80 четв. ржаной муки, 100 четв. овса, 10 четв. запарной муки, 10 четв. толокна, 3 четв. овсяной муки на общую сумму 424 руб. 21 алт. [10, с. 89]. Покупки хлеба Спасо-Прилуцким монастырем известны и в последующие годы. В январе 1605 г. на житный двор поступило 231,5 четв. купленного в Вологде овса. В том же году купленный овес (всего 131 четв.) рассылался на семена в ряд вотчинных сел, но в целом купля-продажа хлеба корпорацией в указанные годы не была слишком значительной. Значение промыслов в монастырской экономике с учетом рискованного характера земледелия, тем более на севере, неоспоримо. Заслуживает внимания мысль Л.С. Прокофьевой, что острой нужды в деньгах монастырь в начале XVII в. не испытывал благодаря хорошо налаженному промысловому производству и энергичной торговой деятельности, развернутой на вологодском рынке [9, л. 114]. Это служило некоторым сдерживающим фактором в развертывании денежной ренты в аграрном секторе прилуцкой экономики.

Помимо вологодских селений, источником поступления хлеба в монастырь были его немногочисленные владения в соседнем Тотемском уезде, из двух деревень – Галецкой и Углецкой, с участков господской пашни. В июле 1606 г. старец Исая привез с них на житный двор 279 четв. овса [9, л. 121, 127]. Интересно еще и то, что промыслово-земледельческим комплексом монастыря на Тотьме управлял приказной старец соляного двора. Это как раз подчеркивает «бюджетообразующую» роль в нем производства и продажи соли.

Имеется ряд свидетельств о частичной коммутации натуральной ренты. Крестьяне Спасского прихода Глубоковского ключа в феврале 1600 г. заплатили за 28 четв. оброчной ржи 5 руб. 29 алт. 2 ден. В марте 1600 г. с крестьян Ильинского прихода было взято 10 руб. «за прикащиков доход и монастыр-

ской оброчной хлеб и за всякое монастырское изделие». В феврале 1606 г. крестьяне Спасского прихода привезли на житный двор монастыря 9 четв. оброчной ржи, а за 6 четв. и 15 четв. овса ими были внесены деньги в прилуцкую казну [3, с. 354, 356; 9, л. 120 об.-121]. В марте 1607 г. с крестьян обоих приходов Спасского и Ильинского приходов одновременно с оброчной рожью было взято «за овес рожью же, а за полторы чети за рожь взято в казну денгами» [9, л. 147]. Правда, их конкретная сумма в источнике не указана. В практике хлебного оброка действительно допускались «взаиморасчеты»: из села Домшина старец Петр Роспопин привез полпята (4,5. – М. Ч.) четв. ячменя, «что взято у крестьян за оброчную рожь» [9, л. 123]. Вероятно, описанные случаи объясняются колебаниями урожайности разных зерновых культур в отдельные годы, с чем могли быть связаны, в свою очередь, и колебания хлебных цен.

Разновидностью оброчного хлеба можно считать ту его часть, которая называлась «приказчиков указной хлеб». Это взимание также не избежало некоторой коммутации. В починке Давыдовском Пятницкой слободки в Мотырях на р. Сухоне в 1600 г. «за прикащиков годовой хлеб 3 четв. ржи и 6 четв. овса» было взято 36 алт. С Оларевского же ключа были собраны «прикащиковы» 3 четв. ржи и 6 четв. овса и привезены на житный двор монастыря в январе 1606 г. [9, л. 120, 125 об.]. Какими нормативными актами регулировались подобные взимания в Оларевском ключе, неизвестно, тогда как по Лоптуновскому и Богородицкому селам в 1599 г. прилуцкие власти оформили наказную-уставную память об «осеннем поборе» для приказчиков «по четвертке ржи да по осмине овса» [6, с. 75]. В 1655 г. наказной уставной памятью крестьянам сел Сергиева и Пареницына предписывалось сеять на приказных старцев по 2 десятины овса в каждом селе [6, с. 53-54].

Весьма редкими были случаи взимания оброчного хлеба в качестве арендной платы за пустоши. В Домшинском ключе с пуст. Давыдовой старец Илинарх взял «оброку ячмени 4 четверти». О тщательности учета хлеба говорит детальная метрологическая терминология анализируемых книг, использование в них, наряду с четвертями (вмещающими обычно по 6–8 пудов зерна), более мелких единиц – «мер» и «четверток». «Мера», как широко распространенная на севере (особенно в Двинско-Важско-Устюжском регионе) единица, вмещала обычно 3–4 пуда хлеба, а четвертка – это четверик, составлявший 1/8-ю (0,125) часть четверти. Если в четверти принять 8 пудов, то четвертка, четверик – это 1 пуд; если принять четверть, равную 6 пудам, то четвертка/четверик составит 0,75 пуда. По мнению Ю.С. Васильева, четвертка была сопоставима с «пузом», равняясь 1,5–2 пудам [2, с. 75].

Таким образом, земледельческое хозяйство Спасо-Прилуцкого монастыря в первом десятилетии XVII в. находилось в сравнительно благополучном состоянии, накопленный им потенциал (прежде всего зерновой, порядка 4–5 тыс. четв.) помог вынести тяжелые испытания последующих лет – 1612–1619 гг., а затем преодолеть их разорительные последствия – экономические и демографические [12, с. 103-115].

Источники и литература

1. Адаменко, О. Н. Документы о разбоях в Вологодском уезде в 1610–1620-х гг. (По архиву Спасо-Прилуцкого монастыря) / О. Н. Адаменко // Изучение и сохранение историко-культурного наследия Русского Севера : сборник науч. статей и материалов Межрегионал. науч. конф. с международ. участием, посвященной 80-летию профессора А.А. Куратова. – Архангельск, 2016.
2. Васильев, Ю. С. Четверть и меры сыпучих тел на севере России в XVI–XVII вв. / Ю. С. Васильев // Избранные труды по истории Европейского Севера России в XII–XVII вв. / Ю. С. Васильев. – Вологда, 2013. – С. 72-78.
3. Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. Вып. 2. / сост. Л. С. Прокофьева ; под ред. А. Г. Манькова. – Москва ; Ленинград, 1979.
4. ГАВО. Ф. 512. Оп.1. Кн. 7.
5. Дмитриева, З. В. Хлебный «бюджет» Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. / З. В. Дмитриева // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков. – Санкт-Петербург, 2015.
6. Источники по истории русской православной церкви XVI–XVII вв. / сост. А. Н. Красиков, М. С. Черкасова. – Вологда, 2020. – 118 с.
7. Корецкий, В. И. Голод 1601–1603 гг. в России и церковь / В. И. Корецкий // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 7. – Москва, 1959. – 422 с.
8. Кустова, Е. В. Мир повседневности средневекового уральского монастыря / Е. В. Кустова. – Москва : Неолит, 2020. – 688 с.
9. ОР РГБ. Ф. 228. Оп.1. Кн. 188.
10. Прокофьева, Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в. (по материалам Спасо-Прилуцкого монастыря) / Л. С. Прокофьева. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1959. – 177 с.
11. Рыков, Ю. Д. Три малоизвестные подлинные указные грамоты царя Михаила Федоровича из архива Спасо-Прилуцкого монастыря / Ю. Д. Рыков // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 8: Памяти Александра Александровича Амосова (1948–1996) / составители и редакторы Ф.В. Панченко ; О.С. Сапожникова. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 587-669.
12. Солодкин, Я. Г. Материалы к биографии Авраамия Палицына / Я. Г. Солодкин // Церковь и ее деятели в истории России : межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 1993. – С. 48-56.
13. Станиславский, А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – Москва : Мысль, 1990. – 270 с.
14. Станиславский, А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII вв. / А. Л. Станиславский. – Москва : РГГУ, 2004. – 506 с.
15. Ульяновский, В. И. Земледельческое производство и положение крестьянства Европейского Севера в период голода начала XVII века / В. И. Ульяновский // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (Дооктябрьский период) : межвузовский сборник научных трудов. – Вологда : ВГПИ, 1985.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОЛОГДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПО АДРЕСУ УЛ. ЛУГОВАЯ, 5А)

В статье рассматриваются материалы археологических раскопок в северо-восточной части памятника археологии «Городище, место основания г. Вологды. XII–XV вв.». Они представляют значительный интерес для понимания исторической топографии и характеристики материальной культуры средневековой Вологды.

The article considers the materials of archaeological excavations in the north-eastern part of the archaeological monument «Gorodishche, the place of foundation of Vologda. XII–XV centuries». They are of considerable interest for understanding the historical topography and characteristics of the material culture of medieval Vologda.

Ключевые слова: Вологда, городище, культурный слой, находки, кожевенное ремесло.

Keywords: Vologda, ancient settlement, cultural layer, finds, leather craft.

Важными задачами исследования исторической топографии Вологды являются определение местоположения и границ исторического ядра города, его укрепленной части, посадов. Локализация древнейшей части города в районе улиц Бурмагиных, Воровского, Ударников, Луговой, Паркового переулка не вызывает у исследователей разногласий, есть опыт определения границ средневековой Вологды и ее частей на различные хронологические периоды [3, с. 36-46; 4, с. 166-168; 7, с. 7; 8]. Но скудость письменных источников, сравнительно незначительные объемы археологических работ не позволяют проследить динамику изменения границ, планировку древнего городского поселения. В связи с этим большую роль играют археологические работы на ранее необследованных участках, результаты которых позволяют корректировать и детализировать имеющиеся реконструкции.

В 2015 г. был исследован участок в северо-восточной части памятника «Городище, место основания г. Вологды. XII–XV вв.» по адресу ул. Луговая, 5а, расположенный в квартале домов 1–7 по ул. Луговой. Квартал с северо-востока примыкает к реконструируемой границе укреплений Вологодского городища [3, с. 37, 42-44]. Он расположен на первой надпойменной террасе, ограничен с юга р. Вологдой, с запада и востока течениями Хрулева и Кайсарова ручьев (в настоящее время Кайсаров ручей заключен в закрытый дренаж), на севере поймой Хрулева ручья (рис. 1).

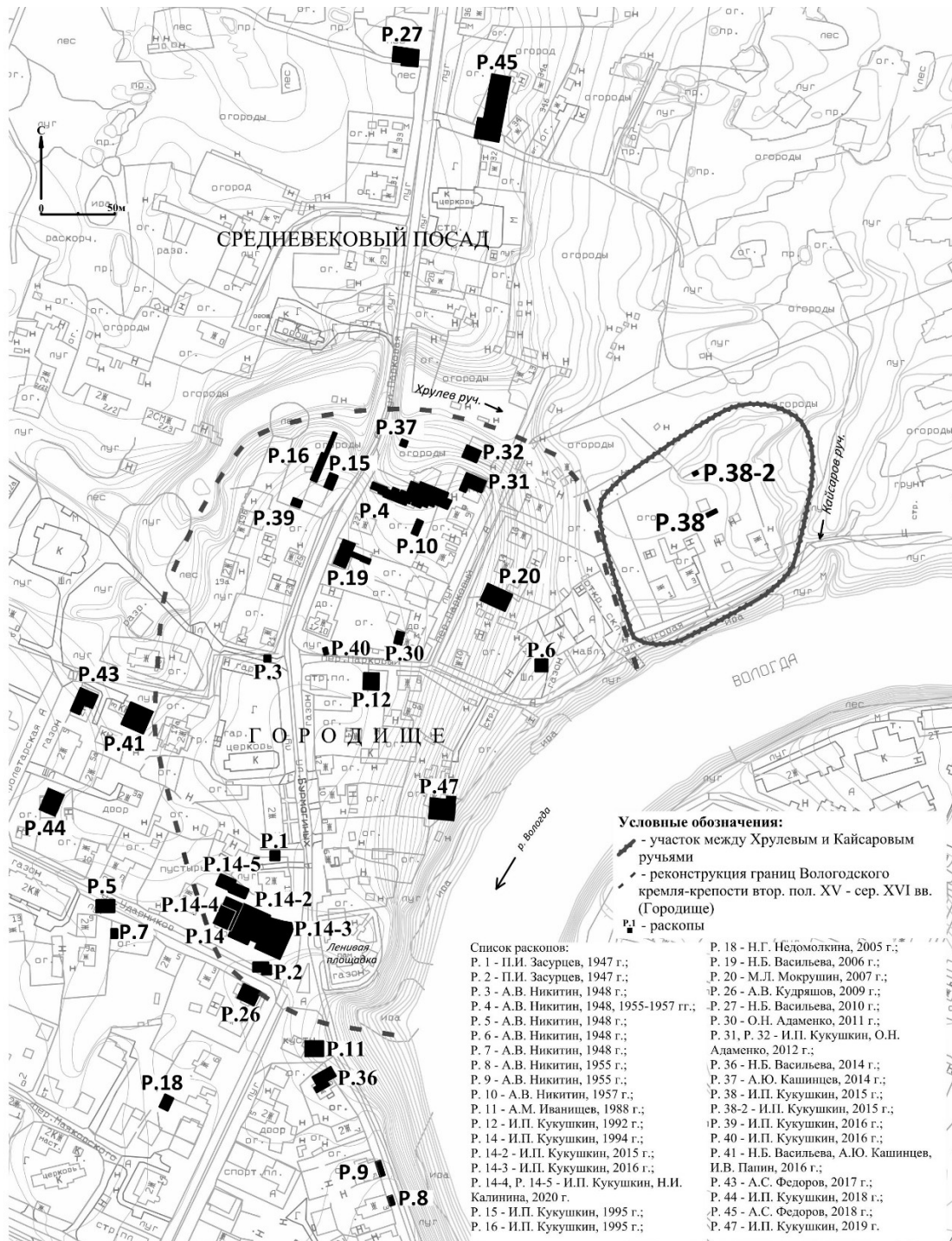

Рис. 1. Раскопы 38, 38-2 на плане археологических исследований Вологодского городища.
 Рис. Н.И. Калининой

Эта территория ранее археологически не исследовалась, считалась бесперспективной для археологических изысканий в связи со сравнительно низким ее положением относительно основной территории городища.

Ближайшие археологические исследования осуществлялись преимущественно в границах укреплений Вологодского городища. В 1948 г. А.В. Никитин в начале ул. Луговой (адресная привязка ул. Луговая, 1а) были обнаружены хорошо сохранившийся влажный культурный слой, деревянная постройка, по

находкам интерпретированная как жилище ремесленника-кожевника XV–XVI вв. [6, с. 103-104]. В 2007 г. году М.Л. Мокрушиным в Парковом пер., 12 обнаружено средневековое кладбище [5]. В 2012 г. О.Н. Адаменко, И.П. Кукушкиным в Парковом пер., 11 обнаружены следы построек, находки датированы XIII–XIV вв. [1, с. 119-126]. Вне границ укреплений в 1992 г. И.П. Кукушкиным на левом берегу Кайсарова ручья разведочными работами зафиксирован культурный слой позднего средневековья, Нового времени [2].

Южная граница исследованного земельного участка по адресу ул. Луговая, 5а находится в 68 м к северо-западу от склона правого берега р. Вологды. На территории располагается жилой дом. По свидетельствам очевидцев, грунт на участке, за исключением полосы вдоль его северо-западной границы, был срезан в 2014 г. на глубину 0,1–0,4 м. Археологические работы проводились с охранными целями, было заложено два раскопа на площади проектируемых хозяйственно-бытовых построек. Согласно порядку нумерации раскопов на территории г. Вологды, раскопам присвоены номера 38, 38-2.

Раскоп 38 расположен в юго-восточной части земельного участка, в 68 м к северо-западу от склона правого берега р. Вологды. Его размеры – 7x2 м, вытянут по линии северо-восток – юго-запад. Всего было снято 8 пластов. 1–4 пласты – перемешанный огородный слой, представляющий темно-серый, коричневый суглинки с включениями колотого кирпича, угольков. В нем найдены индивидуальные находки: крестик нательный из цветного металла с изображением на лицевой стороне креста на Голгофе; пуговица костяная, плоская, круглая, с пятью отверстиями; железный сильно корродированный нож; железная скоба П-образной формы; железный предмет клиновидной формы; гвоздь 4-гранный кованый с полусферической шляпкой; предмет из цветного металла оплавленный, каплевидной формы. Также в 1–4 пластах найдены керамика Нового времени, кости животных.

Начиная с пятого пласта отмечен более плотный слой, составленный темно-коричневым и темно-серым суглинками, насыщенными щепой, древесным тленом, включениями углей. Из слоя происходит значительное количество находок из кожи (обрезки, детали бывшей в употреблении обуви). В 6–8 пластах зафиксированы вертикально поставленные колья, образующие две параллельные линии частоколов. Частоколы проходят через раскоп, направлены северо-восток – юго-запад, их линии расположены на расстоянии 0,2 м друг от друга. В линиях расстояние между колами различно – от постановки вплотную до 1,1 м. Диаметр колеьев 8–10 см. Они сохранились на высоту до 0,6 м. Нижние концы колов заострены, некоторые из них заглублены в материк. В 5–7 непотревоженных пластах найдены: 234 фрагмента средневековой керамики, 110 обрезков кожи и фрагментов бывших в употреблении деталей кожаной обуви, 92 единицы костей животных (КРС, МРС, свинья, птица), а также рыб и лесного животного из семейства куньих (*Mustelidae*)¹.

¹ Остеологический анализ материалов из раскопок проведен научным сотрудником ВГИАХМЗ Т.А. Пантелеевой, за что выражаю ей признательность.

Раскоп 38-2 расположен у северо-западной границы земельного участка, в 95 м к северо-западу от склона правого берега р. Вологды, за задним фасадом дома. Его размеры – 3х2 м, вытянут по линии юго-запад – северо-восток. Было снято 10 пластов. 1–5 пласты – перемешанный огородный слой, представляющий темно-коричневый гумусированный суглинок с включениями мелких угольков, кирпичной крошки, с корнями деревьев и кустарников. На границе 5 и 6 пластов зафиксирована прослойка угля и золы, мощностью 3–6 см, выход деревянных конструкций. После снятия 6 пласта вырисовалась линия частокола, проходящая по диагонали раскопа – с запада на восток. Частокол составлен из вертикально поставленных кольев диаметром 10–15 см, вплотную примыкающих друг к другу. Высота кольев 0,8–1 м, своими нижними заостренными концами они доходили до материка. По сторонам линии колов зафиксированы горизонтально расположенные бревнышки длиной от 0,55 м до 1 м диаметром 15–18 см (рис. 2).

Слой, в котором залегала конструкция частокола (6–10 пласты), составлен плотным темно-коричневым суглинком с включениями щепы, навоза, торфа, насыщен обрезками кожи, отдельными фрагментами бывшей в употреблении обуви. На материке прослежена канавка от нижних концов кольев, повторяющая направление линии частокола. Индивидуальные находки из раскопа: 5 пласт – шарик из белого камня диаметром 16 мм; 6 пласт – заготовка рукояти из рога; 7 пласт – фрагмент плетеного шерстяного пояса. В 5–10 непотревоженных пластах найдено 150 фрагментов керамики, 980 находок из кожи, кости домашних животных (КРС, МРС, свинья, птица) и рыб.

Керамика из нижних пластов раскопов круговая, преимущественно серого цвета в изломе, тесто с примесями к глине дресвы, шамота, песка, в значительном количестве случаев слюды. По профилям верхней части сосудов значительную часть занимают венчики с отогнанной наружу изогнутой шейкой, оформлением внутренней части края венчика в виде валика или утолщения. Кроме этого типа присутствуют венчики с отогнутой наружу шейкой, оформлением внешнего края венчика в виде валика, оформлением среза венчика раструбом. Встречаются венчики с прямо поставленной шейкой без дополнительного оформления края. Орнаменты на керамике – линейный, волнистый, линейно-волнистый, тычковый, линейный+тычковый, линейный+нарезной. В целом набор керамики типичен для культурного слоя г. Вологды XIII–XV вв. и представляет безусловный интерес для специального исследования и разработки типологии, так как происходит из непотревоженного культурного слоя.

По спилам с кольев частоколов обоих раскопов проведен дендрохронологический анализ². На образцах из раскопа 38 подкорковых колец не сохранилось, календарные даты последнего измеренного годичного кольца – 1445, 1457 гг. У одного из образцов из раскопа 38-2 подкорковое кольцо зафиксировано, датировка – 1519/1520 г., датировка образца с разрушенным теской краем – 1503 г.

²Анализ проведен экспертом ООО «Здоровый лес» Ю.М. Жаворонковым, за что выражаю ему признательность.

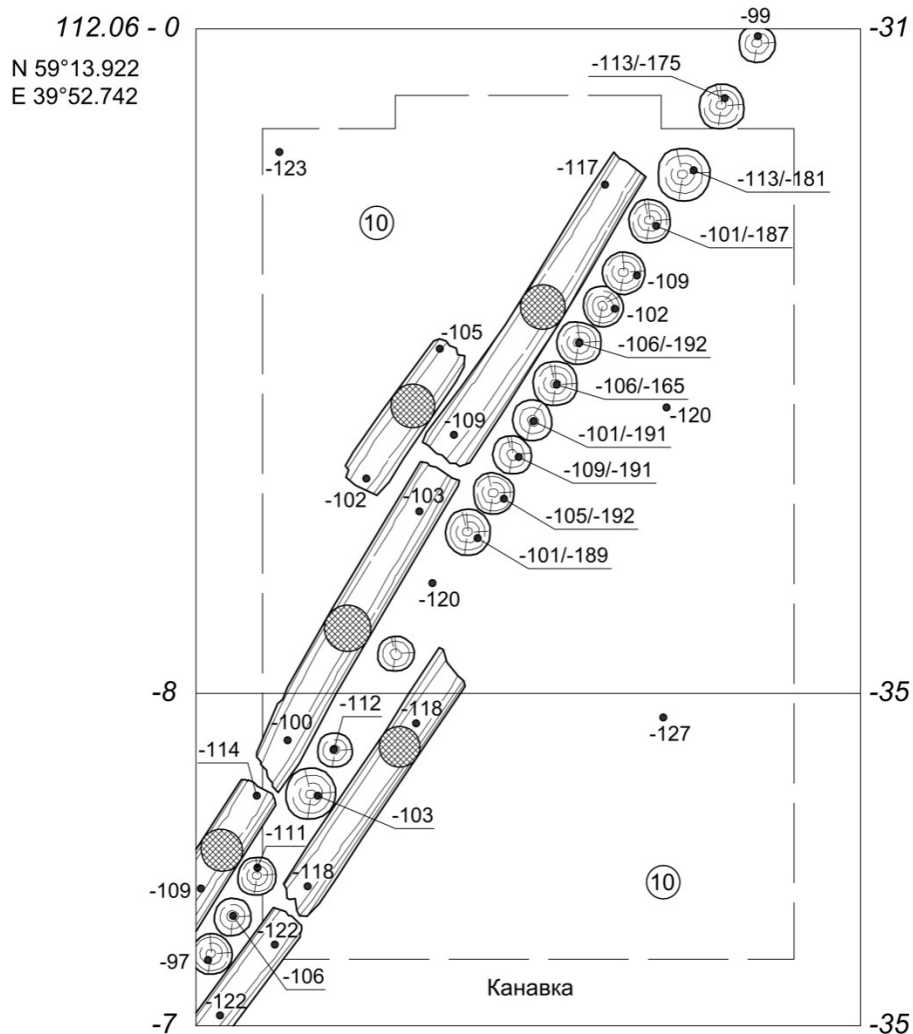
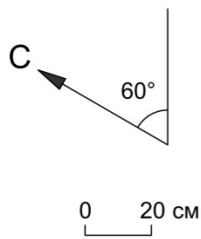

Рис. 2. План частокола в раскопе 38-2. Рис. Н.И. Калининой

Стратиграфия показывает, что частоколы были сооружены на уже отложившемся культурном слое мощностью до 0,6 м, соответственно время освоения обследованного участка предварительно следует отнести к периоду не позднее XV в. Этой датировке не противоречит анализ керамического материала.

Обращает внимание значительное количество обрывков кожи, деталей обуви, найденных при раскопках. С учетом интерпретации А.В. Никитиным обнаруженной им постройки в начале ул. Луговой как принадлежащей ремесленнику-кожевнику, можно предположить, что одним из основных занятий

горожан, проживавших на этой территории, были выделка кож, изготовление и ремонт кожаных изделий. Этим ремеслам способствовала близость воды. Также нельзя исключать, что участок между Хрулевым и Кайсаровым ручьями входил в границы средневековых укреплений Вологды.

Хорошая сохранность культурного слоя, деревянных конструкций, находок из органики свидетельствуют о перспективности проведения на участке археологических исследований широкими площадями с целью изучения раннего периода истории г. Вологды.

Источники и литература

1. Адаменко, О. Н. Археологические раскопки на Вологодском городище в 2012 г. (Парковый пер., 11) / О. Н. Адаменко, И. П. Кукушкин // Археология Севера. Вып. 6. – Череповец, 2015. – С. 119-126.
2. Кукушкин, И. П. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Вологде, разведках в Вологодском и Грязовецком районах Вологодской области в 1992 г. / И. П. Кукушкин. – ИА РАН.
3. Кукушкин, И. П. Вологодское городище / И. П. Кукушкин // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда, 1997. – С. 36-46.
4. Кукушкин, И. П. Аспекты ранней истории города Вологды / И. П. Кукушкин // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства. – Вологда : Древности Севера, 2012. – С. 163-171.
5. Мокрушин, М. Л. Заключение о выполнении охранных археологических исследований на участке по адресу Парковый пер., 12 / М. Л. Мокрушин // Архив АУК ВО «Вологдареставрация». – Оп. 3. Инв. 165.
6. Никитин, А. В. Раскопки в Вологде в 1948 г. / А. В. Никитин // КСИИМК. Вып. 52. – Москва, 1953.
7. Фехнер, М. В. Вологда / М. В. Фехнер. – Москва : Госстройиздат, 1958. – 215 с.
8. Шаров, С. А. Развитие планировки и застройки Вологды (XII в. – 1613 г.) / С. А. Шаров // Историко-архитектурный опорный план и проект зон охраны памятников истории и культуры г. Вологды. Историческая справка. Том II, ч. 2. – Москва, 1988. Хр. Архив АУК ВО «Вологдареставрация». – Оп. 3, инв. 46.

Принятые сокращения:

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории и материальной культуры

И.В. Пугач
кандидат исторических наук,
Вологодский государственный университет
(г. Вологда)

КРЕПОСТНОЙ НАРЯД ВОЛОГДЫ XVII ВЕКА

В статье на основе 6 архивных и 3 опубликованных описаний вологодской крепости XVII в. рассматривается городской наряд – пушечная и пороховая казна, их состояние и причины запустения.

The article is based on 6 archival and 3 published descriptions of the Vologda fortress of the 17th century. the city dress is considered – the cannon and powder treasury, their condition and the reasons for desolation.

Ключевые слова: русский феодальный город, пушечная и пороховая казна, пушкари.

Keywords: russian feudal city, cannon and powder treasury, gunners.

С появлением на Руси артиллерии обязательным компонентом вооружения русского феодального города становится крепостной наряд. Документальных свидетельств о наличии какой либо артиллерии на башнях и стенах вологодской крепости до конца 60-х годов XVI в. нет. Впервые, видимо, она появилась во времена грандиозного крепостного строительства, развернувшегося в Вологде в 1566–1571 гг. по распоряжению Ивана Грозного. Для обеспечения артиллерией новой крепости в Москве были отлиты и привезены в Вологду около 300 пушек и сформирован отряд опричных стрельцов численностью до 500 человек. Естественно, что в это же время в составе вологодского гарнизона появляются и пушкари [2, с. 50-63].

После отмены опричнины и утраты для Ивана Грозного стратегической роли Вологды весьма сомнительными стали и перспективы дальнейшего развития ее военного потенциала. Строительство крепости фактически было прекращено, неизвестна дальнейшая судьба и крепостного наряда¹. В целом ярким свидетельством об уровне ее боеспособности являются события «вологодского разорения» сентября 1612 г., когда город и его окрестности практически без всякого сопротивления были разграблены небольшим отрядом тушинцев [1, с. 59; 7, с. 195-197].

До конца первой четверти XVII в. письменных свидетельств о вологодской крепости, ее артиллерии и гарнизоне очень мало, они фрагментарные и отрывочные. Совсем иная источниковая картина наблюдается со второй четверти XVII в. За сравнительно небольшой период, с 1626 по 1685 гг., сохранилось 9 описаний вологодской крепости, которые дают возможность достаточно подробно рассмотреть историю как самой крепости, так и ее наряда. Они

¹ Указания на огромное количество пушек, отлитых в 60-е годы XVI в. для вологодской крепости и доставленных в город – 300 штук, вызывают большие сомнения.

содержатся в писцовых книгах Вологды 1626–1628 и 1685 гг. [3, с. 176-177; 4, с. 1-17], воеводских сметных росписях 1657, 1665–1668, 1674 и 1681 гг. [4, с. 179-233; 6, л. 1-915 об.].

Первая полная роспись крепостного наряда Вологды дошла до нас в описании 1626 г. Весь городской наряд – «пищаль полуторная, шесть пищалей медных, двенадцать пищалей скорострельных, две пищали горелых и порчены, семдесят шесть пищалей затинных, две пищали дробовых горелых и порчены, урывок затинные пищали, восемь станков пищальных, иные попортились», уже не выполнял своего прямого предназначения и лежал в Борисоглебской башне [4, с. 14]. Это была одна из трех самых больших проходных башен вологодской крепости, которая до середины XVII в. использовалась как артиллерийский склад².

Все пушечные запасы – «сто девяносто восемь пуд полтрети гривенки зелья з деревом, семьсот пятьдесят ядер полуторных, семьсот ядер затинных, семь пуд с четью дробу железново, свинья свинцу да восемь пуд без дву гривенок да шесть глыб свинцу ж, а весу в них семдесят два пуда, пуд рогулек железных» и др. – хранились отдельно, в каменной палате, которая была достаточно далеко от Борисоглебской башни, позади соборной церкви [4, с. 14].

Согласно воеводской сметной росписи 1657 г. практически весь вологодский «наряд и зелье, и свинец, и всякие пушечные запасы» уже находился в одном месте, в государевых каменных палатах. Это был комплекс сооружений, состоящих из двух каменных палат, которые располагались «у городского вала, от реки Вологды, за соборною церковью». Они были довольно внушительных размеров – примерно 27 на 15 метров, при высоте в 4,5 метра и стояли на каменных погребках. В палатах хранилась пушечная казна и порох, а в погребе – ядра [3, с. 176].

В арсенале хранились четыре полковых медных пищали «с станками и колесы», три из которых до этого были в каменных наугольных башнях и одна в деревянной Борисоглебской³ проезжей башне [4, с. 185-186]. Исключение составляла только самая большая «пищаль полуторная медная с станком и колесы», которая находилась на Пятницкой проезжей башне. На мой взгляд, ее местоположение – отголосок последнего обустройства и ремонта вологодской крепости в начале 1630-х г. накануне Смоленской войны.

² Борисоглебская башня «была проходная, а в ней трои ворота брусяные сосновые, на крюках. И после вологотцково разоренья одни ворота из загорожья закладены кирпичем, а ныне в ней лежит городской наряд». Располагалась на пересечении современных улиц Мира и Благовещенской.

³ В разных описаниях Вологды название проезжих башен не совпадает. Так, в 1626 г. три главных проезжих башни от реки Вологды вверх по Золотухе имеют название Благовещенская, Пятницкая и Борисоглебская, в 1657 г. Благовещенская уже именуется Спасской, а Борисоглебская – Благовещенской. Более того, в описании 1657 г. на месте одной из деревянных башен появляется новая проезжая башня – Борисоглебская.

Ко всем медным пищалам здесь же хранились ядра: к полуторной – 208 ядер, весом каждое ядро по 4 гривенки (около 0,82 кг), к полковым – 813 ядер, каждое ядро по 2,5 гривенки (около 0,51 кг).

Кроме этого, в арсенале было 12 дробовых скорострельных пищалей и 76 затинных пищалей. Для последних запас ядер составлял 1926 ядер. Также в росписи указаны и 7 ломаных, испорченных и горелых пищалей и 3 пушечных станка с колесами, 69,5 пудов свинца и 7,25 пуда свинцовой и железной дроби.

В погребе под палатами находился запас в 10 660 ядер, общим весом 7179,25 пудов [4, с. 186]. Интересная, но до конца не совсем понятная история их появления в Вологде. Во-первых, судя по росписи, их калибр не соответствовал ни одной из пушек городского наряда. Во-вторых – поражает их общее количество и вес, получается, что в среднем вес одного ядра составляет около 11 кг. Для сравнения, у самой крупной вологодской пушки – полуторной медной, ядро было весом всего 4 гривенки, т.е. чуть более 0,8 кг. И последнее, они были привезены в Вологду не позднее середины 1640-х г. из Архангельска «уговорщиком» вологодским посадским человеком Зиновием Фроловым⁴. Ядра были приняты по счету вологодскими целовальниками во главе с Денисом Прокофьевым [3, с. 66]. Вплоть до 1685 г. они постоянно указываются во всех описаниях городского наряда.

Общий состав крепостного наряда Вологды, хранящийся в «великого государя каменной полате», с подробным описание количества и размеров пушек, ядер, предназначенных для них, и их веса, дан в сметной росписи 1665 г. [4, с. 23-26].

Таблица

Состав крепостного наряда Вологды по данным сметной росписи 1665 г.

Наименование	Кол-во	Размер*	Ядер	Вес ядра*
Пищаль полуторная медная	1	2,93 м	208	0,82 кг
Пищаль полковая медная	4	2,16 м	813	0,51 кг
Пищали скорострельные дробовые – 12 шт.	5	0,79 м	Заряды железные (дробь)	
	2	0,77 м		
	4	0,68 м		
	1	0,54 м		
Пищали затинные в станках и без станков – 76 шт.				
- большой статьи	15	0,63 м	1926	58,1 г
- средней статьи	40	0,59 м		49,5 г
- меньшей статьи	14	0,54 м		19,4 г
	7	0,36 м		

* Все параметры пушек и ядер переведены в современные единицы измерения.

⁴ К началу описания Вологды 1646 г. З. Фролова уже не было в живых, его двор, располагавшийся в Заречье между живым мостом и храмом Жен Мироносиц, записан за его женой – «двор вдовы Еуфимьи посадского человека Зиновьевские жены Фролова с сыном с Гришкою Фадеевым».

В рабочем состоянии из 93 пищалей, судя по росписи, находились только 5 медных и 12 скорострельных, остальные 76 – «все перержавели и станки згнили». Кроме того, на учете состояли еще 2 испорченные скорострельные пищали и 3 ломаные затинные пищали.

Фактически во всех последующих описаниях городского наряда эти сведения повторяются почти дословно. Единственные существенные уточнения о составе городского наряда, а именно ядерной казны, привезенной из Архангельска, содержатся в росписи 1681 г.

В сентябре 1679 г. погреб под каменной палатой, где они хранились, пришлось разобрать, его «завалило кирпичем и камнем, и водой залило». При пересчете и, видимо, взвешивании ядер оказалось, что 2775 ядер были 5 калибров – весом «по пуду по тритцати по пяти фунтов и по пуду по тритцати фунтов, и по дватцати по четыре, и по двенатцати, и по тринаццати фунтов», а 7885 ядер 4 калибров – весом «по четыре фунта с полуфунтом и по три фунта с полуфунтом, и по три, и по два фунта» [6, с. 747].

К 1681 г. «на той полате кровля огнила и от дождей та полата во многих местех розселась и двери и окна осыпались». По описанию 1685 г. каменные палаты были полностью разрушены, «кровля згнила и обвалилась, а полаты розсыпались и погребы завалились», а всю «пушечную казну и ядра» из них перенесли под строящуюся Благовещенскую церковь⁵, где в «нижних папертях положили наряд» [3, с. 176-177].

Не менее печальное зрелище представляла и пороховая казна. В ее составе в 1657 г. числилось 205 пудов пороха, который отсырел, «потому что у полаты кровля згнила и капель в тое полату большая, и к пушешной стрельбе то зелье не годитца», и полбочки селитры, весом 9 пудов [4, с. 186].

Порох время от времени приходилось «перекручивать», то есть улучшать его качество. Первые свидетельства об этом относятся к 1655/56 г., затем к 1668 и 1674 гг. После последней «перекрутки» его чистый вес составил 157 пудов, который двумя партиями практически весь был отправлен на Соловки – «октября в 15 день... с огнестрельными мастера с Бориском Савельевым с товарищем сто пуд... да июля в 22 день с сотником московских стрельцов с Петром Бестужевым пятьдесят пуд». Таким образом к концу июля 1674 г. в Вологде «того перекрученного пороху осталось семь пуд», который согласно росписи 1681 г. снова «отсырел и к стрельбе не годен» [6, л. 746-747].

Численный состав вологодского гарнизона, несущий службу у городского наряда крепости, в конце 20-х гг. XVII в. составлял 20 пушкарей и 8 воротников «городовых ворот». Личное вооружение пушкарей и воротников состояло из холодного оружия. В их числе сметные росписи называют саблю, рогатину и копье. На протяжении 20–40-х годов численный состав этого разряда служилых людей по прибору в Вологде был довольно устойчив, а начиная с 1650-х гг. их количество стало стремительно сокращаться. К осени 1658 г.

⁵ Церковь стояла у перекрестка современных улиц Благовещенской и Батюшкова.

пушкарки полностью исчезают из штатного состава вологодского гарнизона, чуть раньше, в 1657 г., исчезли городские воротники.

Последние свидетельства о военной службе вологодских пушкарей относятся к 1657/58 г., когда «в Великий Новгород по государеве грамоте ис Пушкарского приказу» были отправлены четыре вологодских пушкаря – Иван Аталыков, Василий Соколов, Роман Зубецкой и Иван Степанов [6, л. 746-319]. Двое из них погибли, кто именно – неизвестно. Но, как указывает сметный список за 1657/58 г., они «на той великого государя службе побиты», и ранее получили «в зачет для той новгородской службы великого государя денежно-во жалованья» половину годового оклада – по 1 руб. [5, л. 563 об.].

Отсутствие прямой военной потребности в пушкарях для вологодской крепости привело к снижению как их служебного статуса, так и материального обеспечения. Начиная с 1627/28 г. их оклады, как денежные, так и хлебные, были урезаны в два раза и составляли соответственно 2 рубля и 6 четвертей хлеба – по 3 четверти ржи и овса на человека. Выплачивалось оно один раз в год. Дальнейшее ухудшение их материального обеспечения произошло в середине XVII в. С начала 50-х годов XVII в. у них осталось только денежное жалование в размере 2 руб. на одного человека [5, л. 59].

С утратой вологодской крепостью к середине XVII в. реального военного значения прежние пушкарки в воеводских сметных росписях 60–70-х годов XVII в. числятся в качестве уже отставных пушкарей и выполняют административно-полицейские функции: «а ныне в съезжей избе ходят в розсылке» или числятся сторожами в приказной избе [6, л. 509 об.].

За весь XVII в. известны только два случая реального использования пушек крепостного наряда Вологды, и то не в ходе боевых действий. Так, в сентябре 1668 г. в Вологде состоялся торжественный салют, на который было издержано 30 фунтов пороха. Причиной стала государева грамота из приказа Тайных дел, по которой всему личному составу вологодского гарнизона было велено стрелять из пушек и из ружья «о победе на врагов татар и крестопреступников и изменников черкас» [6, л. 502].

Второй эпизод произошел в мае 1694 г. во время отплытия речной флотилии Петра Первого из Вологды в Архангельск. В его честь был дан ответный салют из пушек вологодской крепости [1, с. 70].

Таким образом, вологодская крепость, огромная и значительно превышающая по своим масштабам не только военные потребности, но и экономические возможности по ее содержанию, на протяжении фактически всего XVII в. не имела какого-либо военно-политического значения. Это естественным образом отразилось на состоянии как крепостного наряда, который с 20-х годов ржавел и гнил на складах, так и численности вологодского гарнизона, его обслуживающего, который в конце 50-х годов был полностью расформирован.

Источники и литература

1. Вологда в минувшем тысячелетии. Очерки истории города / редколлегия : А. В. Камкин, Л. Д. Коротаева, А. Н. Лукичев [и др.]. – Вологда : Древности Севера, 2004. – 240 с.
2. Кукушкин, И. П. Вологодская крепость / И. П. Кукушкин. – Вологда : Древности Севера, 2018. – 199 с.
3. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века: в 2 т. Т. 1 : Писцовые и переписные книги Вологды XVII века / подгот. к изд. И. В. Пугач, М. С. Черкасова ; отв. ред. И. В. Пугач. – Москва : Кругъ, 2008. – 412 с.
4. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века: в 2 т. Т. 2 : Переписная книга Вологды 1711–1712 годов / подгот. к изд. И. В. Пугач, М. С. Черкасова ; отв. ред. И. В. Пугач. – Москва : Кругъ, 2008. – 412 с.
5. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда 2.
6. РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-а. Кн. 1.
7. Старая Вологда, XII–начало XX в. : сборник материалов и документов. – Вологда : Легия, 2004. – 568 с.

СЕКЦИЯ 2. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

А.А. Резванов

доктор социологических наук, профессор
Ростовский-на-Дону филиал ВГИК
им. С.А. Герасимова (г. Ростов-на-Дону)

А.Н. Радченко

кандидат социологических наук
Ростовский-на-Дону филиал ВГИК им. С.А. Герасимова
(г. Ростов-на-Дону)

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

В статье рассматривается процесс переосмысления роли выдающихся деятелей русской истории в советский период (20–30-е гг. XX в.) в научном и общественном сознании, а также отражение данного процесса в кинематографии. Отмечается, что в деле формирования идей патриотизма и защиты Отечества образцами для подражания стали фигуры известных русских правителей и военачальников, чьи деяния явились основой для создания ряда выдающихся исторических фильмов, вошедших в мировую сокровищницу кинематографа.

The article deals with the process of rethinking the Russian history outstanding figures role in scientific and public consciousness in the Soviet period (i.e. in the 20s-30s of the twentieth century), as well as with the reflection of the process mentioned above in cinematography. It is stressed that the figures of famous Russian rulers and military leaders, whose deeds were the basis for creating a number of outstanding historical films that became part of the world cinema treasury, served as role models in forming the ideas of patriotism and Motherland protection.

Ключевые слова: история, кинематограф, патриотизм, защитник Отечества.

Keywords: history, cinematography, patriotism, Motherland defender.

Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным моментом в отечественном общественном сознании. Новая идеология, стремясь отказаться от всех ценностей прошлой эпохи, с особой беспощадностью взялась за русскую историю, стремясь дискредитировать образы известных исторических личностей, внесших большой вклад в дело становления и формирования государственности России.

С первых лет существования советской власти был взят курс на избавление буржуазных элементов во всех сферах общественно-политической и экономической жизни страны. В.И. Ленин справедливо отмечал, что «буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалисти-

ческая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения. И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от... плохих советчиков...» [3, с. 41-42].

В исторической науке в этот период стала доминировать так называемая школа М.Н. Покровского, провозгласившего новый концептуальный «марксистский» подход к изучению истории. В своем знаменитом и чрезвычайно популярном в 1920-е гг. учебном пособии он объяснял необходимость появления нового видения в изучении отечественной истории таким образом: «Нет, у буржуазии есть собственное историческое миросозерцание, которым проникнуты все сочинения по истории, написанные буржуазными учеными. Последние были глубоко убеждены в правильности этого миросозерцания и проводили его в своих сочинениях с полной искренностью, просто даже не понимая нередко, что можно смотреть на историю, можно объяснить исторический процесс иначе» [7, с. 179].

Естественно, что в первую очередь обструкции подверглись представители правящего класса – князья, цари, аристократы и духовенство. Все более-менее значимые фигуры российской истории получили от М.Н. Покровского свои хлесткие характеристики. К примеру, патриарха Филарета он назвал одним из самых ловких дельцов и дипломатов своего времени [7, с. 56]. Не менее лестно он прошелся и по личностям русских князей периода феодальной раздробленности, утверждая, что «первые русские «государи» были... предводителями шаек работоторговцев» [7, с. 22] и т.д.

Данное отношение к историческим событиям активно пропагандировалось и другими сторонниками М.Н. Покровского, которые с особенной беспощадностью набрасывались на приверженцев «старой классической» исторической школы. Иллюстрацией этому может служить разгром «историков-вредителей», одним из идеологов которого выступил ученик М.Н. Покровского – Г.С. Зайдель, издавший монографию с красноречивым названием «Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы» [2].

По мере укрепления советской власти и полной победы новой идеологии в стране перед советской властью стал вопрос о воспитании и обучении молодого поколения в идейно правильном стиле, не допускающем неопределенность формулировок и неясность оценок. При таком подходе роль известных деятелей отечественной истории, представленная ранее М.Н. Покровским практически только в негативном ключе, не годилась для воспитания граждан великой страны. Советская идеология нуждалась в положительных исторических примерах, фигурах, на которых можно было строить фундамент патриотического воспитания. Поэтому не случайно 15 мая 1934 г. было подписано постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР».

Этот документ констатировал, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят

отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами [5].

Появление постановления дало старт работе по разработке новых учебных пособий по русской истории, которые должны были прийти в учебные заведения. Не стоит полагать, что все ограничилось лишь чисто академическими вопросами. Масштаб предложенных идеологических преобразований, как всегда в СССР, был гораздо шире и затрагивал все сферы общественной жизни. Принимая во внимание, что кинематограф в те годы являлся одним из наиболее действенных средств пропаганды, именно ему досталась важная роль по популяризации ранее дискредитированных исторических личностей России.

Новая установка нашла самый горячий отклик в сердцах творческой интеллигенции. В результате в течение трех лет одна за другой появились три замечательные исторические киноленты, вошедшие в золотой фонд отечественного кино: «Петр Первый» (1937 г.) реж. В. Петров, «Александр Невский» (1938 г.) реж. С. Эйзенштейн, «Минин и Пожарский» (1939 г.), реж. В. Пудовкин и М. Доллер.

В этих картинах впервые в советское время правители нашего государства, представители высших сословий были показаны без изначального негатива и очернения. Конечно, зритель понимал, что «эксплуататорская сущность» правящей верхушки никуда не делась, но в основу восприятия ставилась патриотическая, государственная деятельность отечественных правителей, их усилия по защите земли русской от внешней угрозы. В период осложнения внешнеполитической обстановки в мире, ожидания скорой войны такие символические фигуры в общественном сознании формировали мысль о некоей «миссии» России – защищать свою свободу и независимость в окружении сильных врагов.

В какой-то степени знаковые фигуры российской истории в эпических кинолентах получились несколько идеализированными, но с поставленной задачей эти образы блестяще справились. Как справедливо заметил один из рецензентов фильма «Петр Первый», политический заказ в этом фильме просматривается, история подана с официозных позиций, Петр изображен кристально чистым праведником и явно уподоблен Сталину (мораль: любую жестокость можно оправдать радиением за судьбу Отечества, а кто не с нами – тот враг своей стране) [6].

В случае с фильмом «Александр Невский» С. Эйзенштейн совершенно точно определил политическую конъюктуру в СССР второй половины 30-х гг. XX в. Несмотря на миролюбивые заверения каждой из сторон, и фашистская Германия, и Советская Россия готовились к неизбежному столкновению. В этой связи показ немецкого Тевтонского ордена главным врагом, стремя-

щимся захватить русское государство, недвусмысленно наводит на аналогии с современным положением дел. Не случайно даже символика на плащах рыцарей-крестоносцев в фильме напоминает фашистскую свастику. Исторические параллели, поднятые в киноленте, были настолько видны даже неискушенному зрителю, что после подписания пакта Молотова – Риббентропа в 1939 г. фильм был снят с проката и вновь появился на экране только после нападения Германии на СССР.

Кинолента «Минин и Пожарский» повествует о переломном моменте русской истории, когда под угрозой было само существование российской государственности. И в этой работе наряду с «простым» нижегородским купцом (что тоже отражает новое видение представителя эксплуататорского класса, делая его безусловно положительным героем) К. Мининым, относящимся к незнатному сословию, появляется мощная фигура настоящего государственного деятеля, искренне радеющего за судьбу России, – князя Д. Пожарского. Показав в фильме объединение усилий представителей всех сословий в году суровых испытаний, создатели киноленты приняли участие в моральной подготовке общества к идее объединения перед лицом мировой угрозы всех представителей Великой России, к каким бы политическим лагерям они не относились и где бы не находились. Особо подчеркивалась преемственность поколений защитников Отечества, которая начиналась еще во глубине веков на самом этапе становления нашего государства. Именно об этом говорит зрителям Б. Ливанов – исполнитель роли Д. Пожарского: «Деды наши из Руси татар прогнали. Так не посрамят же их славы! Пусть знают дети наши и внуки наши и правнуки наши и все РУССКИЕ ЛЮДИ, которые будут, что послужили мы Отечеству ВЕРНО! Что крепка наша земля, что будет стоять она нерушимо навечно!» [4].

Позже, с началом Великой Отечественной войны, историческая тема в современном преломлении стала для советского кинематографа одной из наиболее востребованных, став частью программы патриотического воспитания граждан СССР, особенно молодежи. «Иван Грозный», «Суворов», «Адмирал Нахимов», «Кутузов» и другие киноленты продолжили формирование в умах граждан твердой уверенности в том, что в России во все времена находились сильные лидеры, которые объединяли вокруг себя настоящих защитников Отечества и отстаивали свободу и независимость нашей страны, протягивали руку дружбы и защиты соседним народам, принимая их как братьев. Во многом это сыграло положительную роль в формировании советской политики интернационализма, которая нашла свое воплощение даже в строках Гимна СССР: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь» [1].

Несмотря на развитие новых информационных технологий, роль кинематографа в деле формирования общественно значимых установок и в целом идеологии государства по-прежнему велика. Отечественный кинематограф, Голливуд, кинокомпании разных стран регулярно обращаются к исторической теме, чтобы найти в прошлом поддержку той политики, которую реализуют

современные правительства. К сожалению, в большинстве современных кинолент акцент больше сделан на спецэффекты и экшен. В этом смысле многие новые исторические фильмы по своему психологическому эффекту уступают блестящим киноработам выдающихся режиссеров середины XX в. Этот момент необходимо учитывать тем режиссерам, которые в дальнейшем будут разрабатывать сложную, но очень ответственную тему исторического кино.

Источники и литература

1. Гимн СССР в редакции 1943 года. – URL: <https://clck.ru/XBwSW> (дата обращения 19.08.2021). – Текст : электронный.
2. Зайдель, Г. Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы / Г. Зайдель, М. М. Цвибак. – Москва, 1931. – 232 с.
3. Ленин, В. И. Что делать? / В. И. Ленин // ПСС. Т.6. / В. И. Ленин. – Москва : Госполитиздат, 1958-1965. – 619 с.
4. Минин, А. Фильм Минин и Пожарский. В. Пудовкин. 1939 г. / А. Минин. – URL: <https://a-minin.ru/film-minin-i-pozharskiy-pudovkin-1939-g/> (дата обращения 19.08.2021). – Текст : электронный.
5. О преподавании гражданской истории в школах СССР. – URL: <https://maxpark.com/community/88/content/5830735> (дата обращения 19.08.2021). – Текст : электронный.
6. Петр Первый (1937). – Текст : электронный // Интернет-сервис о кино «Кино Поиск». – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/43384/> (дата обращения 19.08.2021).
7. Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. I и II / М. Н. Покровский. – Москва, 1934. – 259 с.

А.Е. Чуклинов

кандидат политических наук

Московский педагогический государственный университет

(г. Москва)

ДУХОВНЫЙ АВТОРИТЕТ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО И СВЯТИТЕЛЯ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ МОСКОВСКОГО КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В статье рассматриваются особенности политического развития земель средневековой Руси XIV в., главной из которых являлась междоусобная борьба удельных князей либо за владимирский престол, либо за независимость от Москвы. Основное внимание уделяется роли Сергия Радонежского и митрополита Московского и всея Руси Алексия в возвышении авторитета института церкви и в урегулировании на этой основе конфликтов между Московскими, Ростовскими и Суздальско-Нижегородскими князьями.

The article examines the features of the political development of the lands of medieval Russia of the XIV century, the main of which was the internecine struggle of the appanage princes either for the Vladimir throne or for independence from Moscow. The main attention is paid to the role of Sergius of Radonezh and Metropolitan Alexy of Moscow and All Russia in raising the authority of the institution of

the church and in resolving conflicts between the Moscow, Rostov and Suzdal-Nizhny Novgorod princes on this basis.

Ключевые слова: Сергей Радонежский, митрополит московский Алексей, феодальная раздробленность, церковь и государство, междоусобная борьба русских князей.

Keywords: Sergius of Radonezh, Metropolitan Alexy of Moscow, feudal fragmentation, church and state, internecine struggle of Russian princes.

Средневековая Русь XIV в. являла собой крайне сложный социально-политический феномен, ставший результатом длительной феодальной раздробленности, отягощенной ожесточенным монголо-татарским завоеванием. «Так велики были материальные разорения и тяжесть борьбы за существование, что всеобщее огрубление и одичание были естественным следствием», – констатировал Г. Федотов [9, с. 80]. Именно в этот период русские земли начинают активный поиск путей выхода из сложившейся катастрофической ситуации, что с неизбежной закономерностью актуализировало духовную сферу общественной жизни, ядром которой в указанное время являлась религия.

Владимирская Русь, раздираемая внутренними конфликтами, остро нуждалась в духовном окормлении, чем, собственно, и объясняется выход на политическую арену таких духовных величин, как митрополит Московский и всея Руси Алексей и игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский. Не вмешиваясь напрямую в государственное управление, эти святые отцы, тем не менее, играли такую огромную роль в общественной жизни, что некоторые исследователи трактуют русскую государственность второй половины XIV в. как откровенно клерикальную.

При этом формально отец Сергей не принадлежал к числу высоких иерархов русской православной церкви. «Сергий был, в общем, малоизвестным настоятелем провинциального монастыря. Слава и авторитет к нему пришли только в 1370-е годы», – утверждает доцент СПбГУ М. Шибяев [7]. Думается, в данном высказывании присутствует некое преувеличение, но доля истины в нем, несомненно, есть.

Вплоть до 60-х гг. XIV в. Сергей Радонежский известен, прежде всего, как устроитель монастырской жизни принципиально нового образца: настойчивое внедрение в монашескую жизнь общежительного устава стало самой настоящей революцией в церковной среде. Во многом благодаря личному примеру и настоятельной инициативе старца монашество постепенно, порой яростно сопротивляясь, сворачивает с проторенного пути обмирщения и переходит к затворнической жизни, основу которой составляет служение Богу и неустанный труд. На этой духовной «закваске» и начинает, на наш взгляд, расти авторитет как отдельных духовных лиц, так и института церкви в целом. Причем, довольно быстро данный авторитет становится мощным духовным фактором развития социально-политической жизни многострадальной страны.

Традиционно эпоха, в которую жили митрополит Алексей и Сергей Радонежский, трактуется как период поступательного расширения и укрепления

Московского княжества, превращающегося в весомый и авторитетный политический центр. Однако на практике Русь XIV столетия – это сложное образование, одним из направлений жизни которого является достаточно ожесточенная борьба удельных князей за власть, земли и независимость от Москвы. До тех пор, пока были сильны позиции Ивана Калиты и его сыновей, процесс дезинтеграции русских земель визуально был заторможен. Однако уже через год после вступления на владимирский престол малолетнего Дмитрия Ивановича Московского золотой ярлык в силу целого ряда интриг уходит в Суздаль к князю Дмитрию Константиновичу.

Неожиданно для Москвы в погоне за обещанным полновластием в своей земле на сторону суздальского дома князей переходит и Константин Васильевич Ростовский, который по завещанию отца делил княжество с племянником – Андреем Федоровичем. Результатом таких пертурбаций становится двухлетнее противостояние Москвы, с одной стороны, и Ростова вкупе с Суздалем – с другой. В течение этого времени ярлык при активном участии Орды периодически переходил из одних рук в другие, Москва искала поддержки у митрополита Алексия, а московское войско в 1363 г. и вовсе ожесточенно осаждало строптивый Суздаль. Военное, политическое и духовное давление Москвы было так сильно, что Дмитрий Константинович Суздальский запросил мира. Такой резкий поворот событий серьезно обострил положение его бывшего союзника – князя Константина Ростовского, и без того непрочно сидящего на престоле, благодаря сложным отношениям со своим племянником Андреем Федоровичем. Константину Васильевичу, во избежание трагических последствий, оставалось только одно – искать мира с Дмитрием Ивановичем Московским. Но как избежать мести за прежнее предательство? В этой ситуации ростовский князь видит только один выход – поиск авторитетного посредника для переговоров с Москвой.

В труде Епифания Премудрого «Житие и чудеса преподобного Сергия, игумена Радонежского» есть завершающая глава «О худости порт Сергиевых и о некоем поселянине», где, помимо всего прочего, повествуется о «безымянном» князе, почтившем благоговейным визитом святого старца. Имя этого князя агиограф по каким-то причинам не называет, но есть основания полагать что им был никто иной как Константин Васильевич Ростовский, прибывший в обитель в поисках посредника в налаживании отношений с Москвой. Уже тогда было ясно, что вряд ли кто-то еще в состоянии эффективно выполнить эту миссию, поскольку духовный авторитет отца Сергия уже был очень высок, а сочетание ростовского происхождения с московским «проживанием» было дополнительным позитивным фактором.

Визит преподобного в Ростов в 1363 г. является неоспоримым фактом, причем сам Сергий позиционировал его исключительно как паломническую акцию, абсолютно не афишируя той важной политической задачи, решение которой было на него возложено свыше (известно, что Радонежский старец всегда полагался только на волю Божью, не подменяя ее никакими собственными стремлениями или конъюнктурными целями).

Результатом поездки отца Сергия стало примирение ростовских князей – Андрея Федоровича и Константина Васильевича – с сохранением за последним его исконных владений. Достигнутый мир на оговоренных условиях был с благосклонностью принят князем Дмитрием Ивановичем Московским. Своеобразным символом данного компромисса стал Ростовский Борисоглебский монастырь, заложенный с благословения Сергия Радонежского в 1363 г. В настоящее время мы можем только предполагать, как развивался бы политический конфликт во Владимирской Руси во второй половине XIV в. и к каким трагическим последствиям мог бы он привести, если бы не духовный авторитет Радонежского старца и его не демонстративное, внешне даже незаметное, но столь ощутимое и эффективное вмешательство в, казалось бы, неразрешимую ситуацию.

Очень серьезной «горячей точкой» средневековой Руси XIV в. была нижегородская земля. Будучи очень богатым княжеством, имеющим крайне выгодное территориальное положение, Нижний Новгород буквально с начала столетия представлял собой «лакомый кусок» для московских князей (история их вмешательства в жизнь поволжского региона началось еще при князе Юрии Даниловиче и продолжалась в годы правления Ивана Калиты и его потомков). Между тем сами нижегородцы всячески стремились выйти из-под влияния Москвы, что им, собственно, и удалось в 1341 г., когда Нижний Новгород получил от Орды статус автономной земли в рамках Суздальского княжества, а в последующем стал его фактической столицей.

Не удивительно, что набирающая силы Суздальско-Нижегородская земля при поддержке Золотой Орды вступила в активную борьбу за владимирский престол после смерти Ивана Красного, оставившего после себя девятилетнего наследника Дмитрия, который был объективно не способен к самостоятельному правлению. Удача в этой борьбе оказывалась как на стороне Москвы, так и на стороне Суздаля, но в результате, последнему пришлось уступить первенство, чему, в значительной мере, способствовали и целенаправленные действия митрополита Алексия (по меткому выражению Константина Аверьянова, церковь стала «грозным оружием в борьбе соперников» [1, с. 125]). Но своеобразным побочным эффектом данного конфликта стала междоусобица в самом доме суздальско-нижегородских князей: в начале 60-х гг. XIV в. Дмитрий Константинович вел борьбу с братом Борисом Константиновичем за власть и масштабы владения, которая приобретала все более деструктивный характер.

Противостояние суздальско-нижегородских братьев катализировалось общими центробежными тенденциями на Руси, набравшими обороты в связи с несовершеннолетием московского князя Дмитрия Ивановича. Фактически от его имени (а точнее, от имени Всевышнего) выступал митрополит Алексей, по крайней мере, именно ему пришлось решать проблему преодоления сепаратизма Нижнего Новгорода. Согласно распространенной версии, в качестве митрополичьего миссионера, призванного осуществить «принуждение к миру», выступил Сергей Радонежский, отправившийся в нижегородскую землю

в 1365 г. и данной митрополитом властью закрывший все храмы в городе впредь до прекращения конфликта. Чтобы понять значимость этой «санкции», следует помнить, что для православного человека лишение возможности посещать богослужения, участвовать в таинствах исповеди, причастия и соборования можно трактовать как своего рода духовную пытку.

Как утверждают исторические источники, примирение Дмитрия и Бориса Константиновичей, благодаря вмешательству митрополита Алексия, состоялось. Но произошло это к концу 1364 года, в то время как визит преподобного Сергия в Нижний Новгород датируется 1365 годом. Долгое время это противоречие объяснялось несостыковкой летописных и агиографических материалов, а также последующими вставками в документы. Однако к настоящему времени в научной среде достаточно прочно утвердилось мнение, что к непосредственному умиротворению нижегородских князей Сергей Радонежский не имел отношения. В качестве миссионеров митрополита выступали два духовных лица, наделенных большими полномочиями: «Той же осени (1363 г. – А. Ч.) приехала в Новгород Нижний от митрополита Алексия архимандрит Павел да игумен Герасим, завучи князя Бориса на Москву. Он же не поеха, они же церкви затвориша» [8, с. 119].

Результатом прямых действий московской митрополии было установление относительного мира в Нижегородской земле путем ее передела между братьями при фактическом правлении княжеством Дмитрия Константиновича, благодарного Москве за помощь в вокняжении. Но этим «шахматная партия» еще не была завершена: Москве требовалось установить хотя бы минимальный контроль над Нижним Новгородом, особенно с учетом того, что «обиженный» Борис Константинович был женат на дочери литовского князя Ольгерда, грозившего Московии войной. Решение именно этой важнейшей проблемы и было возложено на Сергия Радонежского в 1365 г.

Момент был выбран не случайно: годом раньше – в 1364 г. – скончался суздальский епископ Алексей, находившийся в оппозиции к Москве и обеспечивающий духовную поддержку нижегородскому сепаратизму. Назначение нового владыки было исключительной прерогативой митрополита, который, в свою очередь, не торопился делать шаги в данном направлении. Вместо этого им была организована своего рода дипломатическая миссия в лице преподобного Сергия Радонежского, в задачу которого входил негласный подбор кандидатуры представителя московского митрополита в суздальской епархии из местного духовенства (новшество, не знавшее аналогов ранее). Таковым стал игумен местного Печерского монастыря Дионисий, который отличался духовной близостью с Сергием Радонежским и эмпатией в отношении централизаторских процессов на Руси. В итоге произошло фактическое (правда, временное, на девять лет) упразднение суздальской епархии и перевод ее под власть московской митрополии. Таким образом, Москва сумела установить духовное влияние на Суздальско-Нижегородское княжество, что в тот момент было очень существенным фактором укрепления позиций набиравшего силы князя Дмитрия Ивановича.

Однако духовных уз между землями митрополиту Алексию было явно недостаточно, Москве требовались более надежные гарантии верности. Поэтому, по мнению ряда исследователей, на Сергия Радонежского была возложена еще одна миссия – сватовство от имени Дмитрия Ивановича Московского к одной из дочерей Суздальско-Нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Каков был процесс переговоров между преподобным Сергием и нижегородским князем, нам на данный момент знать не дано, но является фактом, что в январе 1366 г. в Коломне состоялась свадьба Дмитрия Московского с Евдокией Дмитриевной Суздальской. Духовные связи между Москвой и Нижним Новгородом укрепились связями родственными. Более того, именно с этого момента начинается стремительное сближение двух великих личностей – Сергия Радонежского и Дмитрия будущего Донского, которое будет мощным фактором развития русских земель во второй половине XIV в.

В итоге нельзя не согласиться с мнением М. Шibaева, что «величие Сергия не в его политической воле, а в его значении как образца монашеской добродетели, как наставника и духовного учителя, как основателя множества монастырей. Именно благодаря ему и его ученикам тип общежительного монастыря стал активно распространяться на территории Русского государства. Тем самым Сергей способствовал и освоению новых земель, и «умиротворению» раздробленной страны, и укреплению ее единства» [7].

Источники и литература

1. Аверьянов, К. А. Сергий Радонежский. Личность и эпоха / К. А. Аверьянов. – Москва : Центрполиграф, 2018. – 607 с.
2. Клосс, Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского / Б. М. Колосс. – Москва : Язык русской культуры, 1998. – 568 с.
3. Ключевский, В. О. Благодатный воспитатель русского народного духа / В. О. Ключевский // Взбранный России воеводо. – Москва : Русский Духовный Центр, 1994. – 112 с.
4. Кучкин, В. А. Антиклассизм / В. А. Кучкин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 2(8). – С. 113-123
5. Кучкин, В. А. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы / В. А. Кучкин // Церковь, общество и государство в феодальной России. – Москва : Наука, 1990. – С. 119-120
6. Кучкин, В. А. Сергий Радонежский / В. А. Кучкин // Вопросы истории. – 1992. – №10. – С. 75-92
7. Миротворческая миссия. – Текст : электронный // Санкт-Петербургские ведомости. – URL: https://spbvedomostiru.turbopages.org/turbo/spbvedomosti.ru/s/news/nasledie/mirotvorcheskaya_missiya/. Дата публикации: 14.01.2015.
8. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. – Москва : Язык русской культуры, 2000. – 432 с.
9. Федотов, Г. П. Преподобный Сергий Радонежский / Г. П. Федотов // Взбранный России воеводо. – Москва : Русский духовный центр, 1994. – 112 с.

Т.В. Шильникова
кандидат филологических наук,
независимый исследователь (г. Москва)

**НАСТОЯЩЕЕ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО
(МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К ТЕКСТУ
«ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»)**

Изучение древнерусской литературы в образовательном учреждении представляет определенную сложность. Агиографическая литература, пожалуй, самый благодатный материал, который можно использовать не только на уроках литературы, но и во внеклассной работе. В качестве примера рассмотрим памятник древнерусской литературы «Житие Александра Невского», где ярко представлен образ князя-воина, мудрого правителя, дипломата.

The study of Old Russian literature in an educational institution presents a certain complexity. Hagiographic literature is perhaps the most fertile material that can be used not only in literature lessons, but also in extracurricular work. As an example, consider the monument of ancient Russian literature «The Life of Alexander Nevsky», where the image of a warrior prince, a wise ruler, a diplomat is vividly presented.

Ключевые слова: древнерусская литература, агиография, князь, духовный подвиг, методические рекомендации, лексическая работа.

Keywords: old Russian literature, hagiography, prince, spiritual feat, methodical recommendations, lexical work.

Изучение древнерусской литературы в образовательном учреждении представляет определенную сложность, т.к. связано с религиозным мировоззрением средневекового человека. С одной стороны, чтение и понимание текстов требует знаний из Священного Писания, формирования понятийного аппарата, работы со словарем, с другой – на уроках необходимо использовать иллюстрации, репродукции картин, икон. Такой подход усложняет работу с текстом, требует комментария. Житийные тексты наиболее благодатный материал для изучения и понимания, т.к. воспринимаются учащимися младших и средних классов как сказка, наполненная своим волшебным миром и чудесами.

«Житие Александра Невского» относится к выдающимся памятникам литературы XIII в. и продолжает традиции княжеских житий. Главный герой этого произведения охарактеризован не только как защитник русской земли, но и как защитник православной веры, мудрый правитель и дипломат, наделенный физической и духовной силой.

В «Житии Александра Невского» впервые в древнерусской литературе рассказывается о жизни князя-воина, прославившегося своими победами и государственной деятельностью, т.е. текст важен событиями, раскрывающими образ князя. По сути, это было житие нового типа, включавшее в себя не

только агиографические элементы, но и элементы воинской повести. Отсюда такой интерес древнерусских книжников, неоднократно переписывавших текст, что позволило исследователям найти более 20 редакций и 500 различных списков, а также высказать много гипотез по поводу авторства жития. Также черты сходства с жизнеописанием Александра Невского исследователи находят в памятниках Куликовского цикла, а именно: сюжетные обороты, лексические, грамматические и стилистические особенности, общие воинские формулы. Нужно отметить, что повествование разбито на отдельные, но взаимосвязанные эпизоды, куда входят описание битвы на Неве, рассказ о подвиге шести воинов из дружины Александра, проявивших мужество и храбрость в сражении, освобождение Пскова и битва на Чудском озере, рассказ о дипломатических отношениях с Ордой и папой римским, что дает учителю возможность работать как со всем текстом, так и с отдельными рассказами.

Жизнеописание Александра с посмертными чудесами нашло отражение в клеймах на житийной иконе.

В большинстве иконных изображений Александр Невский представлен широкоплечим и сановитым человеком, одежда выдержана в плотных коричнево-желтых тонах, свойственных русской живописи II половины XVI в., а клейма выдержаны в розово-белых, просветленных тонах. Автор текста подчеркивает: «И красив он был, как никто другой, и глас его – как труба в народе, лицо его – как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его – как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую. ... Так же и князь Александр – побеждал, но был непобедим» [1].

Важно обратить внимание на духовный путь князя, что стало основой в воспитании мудрого правителя. Здесь можно рассказать о родословного князя. Сказать, что он был сыном Ярослава Всеволодовича и внуком великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо. Уже от рождения Александру был предначертан путь правителя и защитника русской земли. Поэтому воспитание княжича вызовет у учащихся несомненный интерес. Тут нужно сказать, что в Древней Руси в княжеских семьях существовала особая модель воспитания, ибо старшие князья хорошо понимали, что защитником веры и государственности должен быть сильный, мудрый и благочестивый правитель. С самого раннего детства за княжичем смотрели мужчины-кормильцы, или дядьки, из боярского сословия. В 3-4 года над княжичем совершали обряд пострижения, как правило, епископ, выстригая волосы, произносил молитву, призывая божье благословение. Это было своего рода признанием прав личности. Отныне юный отпрыск становился гражданином, самостоятельным членом общества. После обряда княжича сажали на коня – это тоже было символом самостоятельности, и давали в руки лук со стрелами, что подчеркивало воинственность, доблесть и указывало на обязанность князя защищать свою родину от врагов. Образованию старшие тоже уделяли внимание: много читали, беседовали с княжичами, обсуждая Псалтирь и Евангелие, а те, в свою

очередь, внимали наставлениям. Особый интерес княжичи проявляли к иностранным языкам – латинскому и греческому – это вызывало уважение со стороны иностранцев. И как говорит автор жития: Александр «вскоры извыче вся граматикия» [2].

Далее, для понимания текста необходимо проделать лексическую работу, дать толкование непонятным словам, например: Сеча – битва; распря – спор, ссора; Самсон – библейский персонаж, обладавший огромной силой; Веспасиан – римский император, разрушивший мир.

Итак, познакомившись с памятником древнерусской литературы, мы узнали о жизни и подвигах одного из героев русской национальной истории.

После прочтения текста можно предложить учащимся поразмышлять о связи литературы с другими видами искусства, о раскрытии образа посредством живописи и музыки. Сказать, что житие вдохновило народного художника П.Д. Корина на создание триптиха «Александр Невский» (рис. 2) в трудные для страны годы (в качестве образца предложить одну из картин, а также можно сравнить с образом на иконе), послужило литературным источником для знаменитого фильма С.М. Эйзенштейна «Александр Невский», вдохновило В.А. Серова на создание картины «Въезд Александра Невского в Псков после Ледового побоища», а С. Прокофьева – на написание кантаты «Александр Невский».

В качестве заданий можно предложить лексическую работу:

1. Объясните значение слова «благословить»:

а) перекрестить (как бы передавая этим знаком покровительство, пожелание счастья, удачи – Священник благословил жениха и невесту);

б) напутствовать (высок.) – Благословить на ратный подвиг по защите Отечества;

в) воздать благодарность кому-нибудь, чему-нибудь (уст.) – Благословить судьбу.

2. Объясните значение слова «уповать» – твердо надеяться, ждать с уверенностью. На Бога уповай, а без дела не бывай. На Бога уповай, да сам не плошай.

3. Объясните значение слова «пыхать» (пышать, пыхтеть) – дышать коротко, отрывисто. Пыхтел, пыхтел над работой, а не справился. Он пыхтит злобой, скрывая ее в себе. Попыхти-ка над задачей, побряхти или попотей.

4. Объясните значение слова «поведать» – возвещать, объявлять, говорить, оглашать, рассказывать. Поведая тебе задушевную тайну свою. Поведай нам, откуда ты? Исповедался как на духу.

5. Разберите по составу слово «мудрый» и подберите однокоренные слова: мудрый – мудрость, мудренность, мудрствовать, намудрить, перемудрить, умудриться. В тексте автор использует это слово, характеризуя главного героя: «И дал ему Бог премудрость Соломона».

6. Прочитайте географические названия, встречающиеся в тексте «Жития...». Определите на карте РФ эти наименования и сделайте вывод, в каких местах происходили события, связанные с жизнью великого князя Александра

Невского: Новгород, Нева, Ижора, Псков, Юрьев, Чудское озеро, Волга, Владимир, Городец, Суздаль, Боголюбово.

Источники и литература

1. Житие Александра Невского. – URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru> (дата обращения: 10.11.2021). – Текст : электронный.

2. Протоиерей Хитров М. Святой благоверный князь Александр Ярославич Невский. – URL: <https://azbyka.ru/> (дата обращения: 10.11.2021). – Текст : электронный.

А.А. Емельянова

кандидат исторических наук

Московский городской педагогический университет (г. Москва)

О.А. Огородникова

кандидат исторических наук

Московский городской педагогический университет (г. Москва)

Д.П. Шульгина

кандидат исторических наук

Московский городской педагогический университет (г. Москва)

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

История повседневности в настоящее время становится важной частью исторического образования. Формирование у студентов полноценного представления об исторической эпохе и характерном для нее мировоззрении способствует более полному пониманию причин исторических событий. Одним из наименее изученных периодов русской повседневности является средневековье. В статье представлен авторский опыт преподавания истории повседневности русского средневековья, анализируются проблемы и перспективы включения истории повседневности в профильном и общем образовании.

The history of everyday life is now becoming an important part of history education. It is an important part of understanding of the historical era and its characteristic worldview that contributes to a more complete understanding of the causes of historical events. One of the least studied periods of Russian everyday life is the Middle Ages. The article presents the authors' experience of teaching the history of everyday life in medieval Russia and analyzes the problems and prospects of including the history of everyday life in high-school education.

Ключевые слова: история повседневности, повседневность русского средневековья, высшее образование, преподавание истории.

Keywords: history of everyday life, everyday life of medieval Russia, higher education, teaching history.

История повседневности – сравнительно молодое, но, несмотря на это, динамично развивающееся направление современной российской гуманитар-

ристики. Отказ от официально одобряемого взгляда на социально-экономическую и политическую историю обществ и государств в пользу личности или «антропологический поворот», утверждавшийся в отечественной историографии начиная с 90-х гг. XX в., сегодня открывает широкие возможности для исследований представителей многих социально-гуманитарных дисциплин.

Сегодня курс истории повседневности, называемый также «культура повседневности» или «история культуры повседневности», достаточно востребован в отечественных вузах, как, например, в Алтайском, Вологодском, Новосибирском, Тюменском государственных университетах, Рязанском государственном университете им. С.А. Есенина, Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского, Казанском (Приволжском) федеральном университете, Московском и Новосибирском государственных педагогических университетах, Волгоградском государственном социально-педагогическом, Северо-Кавказском государственном институте искусств и целом ряде других, и с каждым годом его популярность только увеличивается. При этом содержание дисциплины, о чем можно судить уже по названию, охватывает проблемы как теории, так и истории повседневности, представленной чаще всего Западной Европой¹ или Россией разных хронологических периодов².

Курс, имеющий по большей части статус элективного (по выбору), ориентирован в основном на студентов бакалавриата преимущественно по направлениям подготовки История (46.03.01) и Культурология (51.03.01) разных профилей; Педагогическое образование (44.03.05) – для профилей «Историческое образование», «История и обществознание», «Культурологическое образование и иностранный язык»; в меньшей степени – по направлениям Социология (39.04.01); Психология (37.03.01) и Социальная работа (39.03.02). Значительно реже дисциплины, посвященные проблематике повседневности, входят в магистерские учебные программы, существующие, например, во Владимирском государственном университете им. А.Г. и Н.Г. Столетовых³, Самарском филиале Московского городского педагогического университета – по

¹ См., например, Казанский (Приволжский) федеральный университет URL: <https://krfu.ru/pdf/portal/oop/224955.pdf> (дата обращения: 22.07.2021); Новосибирский государственный педагогический университет URL: <https://prepod.nspu.ru/mod/page/view.php?id=36096> (дата обращения: 23.07.2021).

² См., например, Северо-Кавказский государственный институт искусств URL: https://skgii.ru/upload/docs/biblioteka/uchebniki/shavaeva_kultura_povsednevnosti.pdf (дата обращения: 10.07.2021); Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/education/programs/istoriya_povsednevnosti.pdf (дата обращения: 10.07.2021); Тюменский государственный университет URL: [https://www.utmn.ru/sveden/files/RPD_elektivnyye_discipliny_chasty_2_SocGum_Lingvistika_OFO_2017_\(01.06.2020\).pdf](https://www.utmn.ru/sveden/files/RPD_elektivnyye_discipliny_chasty_2_SocGum_Lingvistika_OFO_2017_(01.06.2020).pdf) (дата обращения: 12.07.2021)

³ Рабочая программа дисциплины «История отечественной культуры и повседневности» URL: http://op.vlsu.ru/fileadmin/Programmy/Magistratura/44.04.01/Akt_prob_l_iz_ot_istorii/R_prog/Programma_IstOtechKultiPovsedn_OIm2015_12022015.pdf (дата обращения: 10.07.2021)

направлению подготовки Педагогическое образование, Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина – по направлению Социология др.⁴

Несмотря на то что курс широко представлен в отечественной высшей школе, выбор учебников, учебных пособий, а тем более хрестоматий для вузов по этой учебной дисциплине не радует ни изобилием, ни новизной. В списках основной литературы рабочих программ зачастую фигурируют три-четыре учебника – в лучшем случае переработанные и дополненные третьи и четвертые переиздания прошлых лет, в худшем – книги 5–8-летней давности.

Тем не менее, российские авторы не оставляют попыток создания учебных, учебно-методических и вспомогательных материалов, отвечающих современным представлениям о вузовском социально-гуманитарном образовании и отражающих актуальное состояние магистрального научного направления. В последние годы издано несколько учебных пособий, освещающих как теорию, так и историю повседневной жизни людей разных эпох и регионов. Учебная литература, посвященная общим вопросам теории повседневности и истории ее изучения, представлена, например, пособием для академического бакалавриата М.В. Капкан, одним из достоинств которого являются творческие задания, позволяющие применить рассмотренные концепции и методы к анализу наиболее репрезентативных феноменов повседневной культуры [3]. Заслуживает внимания «История культуры повседневности» – коллективный труд преподавателей Санкт-Петербургского государственного института культуры под редакцией проф. В.П. Большакова и проф. С.Н. Иконниковой, последнее издание которого вышло в свет в 2021 году [2]. Авторы, не претендуя на всеохватность, успешно справились со сложно выполнимой задачей – познакомить читателей с ценностными ориентациями и реалиями повседневности людей, жизнь которых протекала в разных частях света, регионах, странах, социальных слоях, в разные исторические периоды. С позиций невербальной семиотики – на уровне органов чувств и движений, что можно встретить не часто, рассматривает повседневность и окружающее человека пространство вещей, их взаимосвязь и историческую изменчивость еще один представитель научной школы Санкт-Петербургского государственного института культуры – С.Т. Махлина [4]. Среди незначительного числа учебно-методических пособий, адресованных обучающимся в магистратуре, стоит упомянуть «Историю повседневности» Е.П. Бариновой, в котором представлены не только традиционные для этого вида литературы планы практических занятий с методическими рекомендациями по решению научных задач, но и достаточно развернутые конспекты разделов курса, включая, – что представляется особенно важным, – культурный феномен российской повседневности в исторической ретроспективе [1].

⁴ Рабочая программа дисциплины «Культура повседневности» URL: <https://www.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/opop19/rpd070/%D0%911> (дата обращения: 15.07.2021)

Еще одним примером работы, посвященной реалиям отечественной жизни, является «Русское средневековье: мозаика повседневности» [8] – продолжение многолетней работы коллектива преподавателей Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета и авторов настоящей статьи, выпустивших ранее серию учебных пособий по истории повседневности России и апробировавших соответствующий элективный курс в своем университете [5; 6; 7].

Поскольку повседневность русского средневековья – редкая тема для отдельного учебного пособия, – что обусловлено меньшей разработанностью данной проблематики на отечественном материале, по сравнению с западной медиевистикой, а также сложностью внедрения материала в образовательный процесс, – стоит остановиться на этом издании несколько подробнее.

Кстати, авторы придерживались распространенной в отечественной исторической науке точки зрения, в соответствии с которой русское средневековье охватывает период с IX–X вв. по XVII в. и имеет собственные внутренние временные рубежи, соответствующие образованию и становлению Древней Руси; трансформации единой державы Рюриковичей в систему самостоятельных княжеств и уделов; «собиранию» земель вокруг Москвы; возникновению и дальнейшему развитию централизованного Русского государства. Поворотным пунктом на пути от средневековья к Новому времени был XVII в., в течение которого утверждалось новое мировоззрение и культура, страна жила ожиданием перемен, которые совпали с началом следующего столетия.

«Мозаика повседневности» создавалась в соответствии с историко-антропологическим подходом, при котором в центре внимания находится «маленький» человек со своими мыслями, чувствами, представлениями и переживаниями, интерпретировать которого во всей многогранности социальной реальности невозможно без привлечения методов смежных с историческими социальных и гуманитарных дисциплин – философской герменевтики, культурной и социальной антропологии, лингвистики, теории языка и дискурса, исторической психологии и т.д., в совокупности отвечающим задачам реализации междисциплинарного исследования.

Изложение материала, акцентирующего внимание на наиболее репрезентативных феноменах культуры русской средневековой повседневности, построено в соответствии с хронологически-проблемным и тематическим принципами. Структура пособия складывается из трех разделов, каждый из которых состоит из нескольких глав – «Жизненный цикл»: «Детство», «Брак и семья», «Смерть и похороны»; «Человек и его тело»: «Телесность: отношение к телу, гигиена, здоровье, болезни, врачевание», «Пища», «Одежда»; «Человек и социум»: «Город и деревня», «Преступление и наказание», «Праздники, отдых и развлечения».

Не углубляясь в остро-дискуссионные темы русского средневековья, если они напрямую не затрагивали рассматриваемых проблем, авторы, тем не ме-

нее, не избегали сложных вопросов истории древней и средневековой Руси, в частности касались этнического состава княжеской дружины IX–XI вв., уровня грамотности населения, приводили разные точки зрения на происхождение теремного затворничества знатных женщин и т.д.

Раздел хрестоматии, не часто присутствующий в учебных пособиях по истории русской средневековой повседневности, в данном случае составляет наглядно иллюстрирующее учебный текст тематическое собрание фрагментов разнообразных опубликованных документальных материалов с краткой аннотацией, вопросами и заданиями, списками рекомендованной литературы – по каждой теме.

Исторические источники, предоставившие конкретный и во многих отношениях достоверный материал в освещении тем пособия, образовали группы летописей; памятников права – светских и канонических; древнерусской литературы разных жанров, в частности – поучительных и житийных произведений; педагогических сочинений и азбуковников др.

Логически оправданным авторы сочли включение выдержек из широко известных документов – таких, например, как Домострой или записок иностранцев о Московии, без которых, кажется, не обходится ни одна работа по повседневной истории допетровской Руси. В то же время можно отметить и значительное количество редко публикуемых текстов, среди которых «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина, «Шестоднев» Иоанна экзарха болгарского, Волоколамский патерик, древнерусские притчи и др.

Письменные источники, которые, как известно, крайне фрагментарно и скупо отражают мир русского человека и скорее «проговариваются» о его частной жизни, чем сообщают о ней, – достойное уважения своеобразие древнерусской книжности, не способствует реконструкции цельной и законченной картины средневековой повседневности, но привлеченные в комплексе – помогают взглянуть на многие реалии обыденной жизни той эпохи максимально объективно.

Текст учебных статей адаптирован для студенческой аудитории, специальные термины и устаревшие слова русского языка снабжены переводами и пояснениями.

Учебное пособие, созданное для студентов вузов, изучающих соответствующий элективный курс, может быть адресовано также бакалаврам и магистрантам, обучающимся по дисциплинам «История культуры повседневности», «История повседневности», «Культура повседневности России» и ряду других по направлениям «Отечественная история», «Культурология» и т.д.

В то же время авторы выражают надежду, что пособие, представляющее собой полный комплект учебно-методического сопровождения – как базовый материал для лекционного курса, так и фрагменты исторических источников с заданиями для семинарских занятий и списками литературы по отдельным темам – может заинтересовать преподавателей социальных и гуманитарных

дисциплин и будет способствовать созданию подобного курса для средней и высшей школы.

Итак, имеющаяся сегодня учебная литература по истории повседневности не всегда отвечает насущным потребностям вузов, разрабатывающих и внедряющих соответствующие курсы в своих университетах. Несмотря на достойный опыт авторов учебных пособий в разработке отдельных аспектов повседневности, вопрос о необходимости системного подхода к их созданию по-прежнему остается актуальным. Кроме того, учитывая, что развитие и популяризация направления не стоит на месте, требуется постоянное совершенствование понятийно-категориального аппарата, методологии, подходов и т.д. Создание современных и соответствующих образовательным стандартам учебных пособий, написанных ярко и на доступном языке, будет способствовать формированию уважительного и позитивного отношения к культуре повседневности.

Источники и литература

1. Баринова, Е. П. История повседневности : учебно-методическое пособие / Е. П. Баринова. – Самара : СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2020. – 72 с.
2. История культуры повседневности : учебное пособие / под редакцией В. П. Большакова, С. Н. Иконниковой. – Москва, 2021. – 496 с.
3. Капкан, М. В. Культура повседневности : учебное пособие для академического бакалавриата / М. В. Капкан. – Москва : Юрайт, 2020. – 110 с.
4. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности : учебник для вузов / С. Т. Махлина. – Москва : Юрайт, 2021. – 255 с.
5. Мир российской повседневности (X – начало XX вв.) : учебное пособие / ответственный редактор Г. И. Аверьянова ; научный редактор В. В. Кириллов. – Москва : МГПУ, 2010. – 334 с.
6. Мир российской повседневности (начало XX – начало XXI в.) : учебное пособие / ответственный редактор О. А. Огородникова. – Москва : МГПУ, 2013. – 340 с.
7. Многогранник повседневности: человек в отечественной истории XX в. : учебное пособие / ответственный редактор В. В. Кириллов ; научный редактор О. А. Огородникова. – Москва : МГПУ, 2018. – 263 с.
8. Русское средневековье: мозаика повседневности : учебное пособие / А. А. Емельянова, О. А. Огородникова, Г. А. Ртищева, Д. П. Шульгина, А. Ю. Челнокова, Е. И. Щулепникова ; ответственный редактор О. А. Огородникова ; научный редактор А. А. Емельянова. – Москва : Книгодел, 2021. – 259 с.

В.С. Жукова
кандидат исторических наук
Вологодский государственный университет
(г. Вологда)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья носит обзорный характер, в ней рассматриваются вопросы, связанные с началом издания новой линейки учебных пособий для образовательных учреждений Вологодской области. Пособия анализируются с точки зрения полноты отражения содержания Регионального историко-культурного стандарта и даются характеристики структурных компонентов с методической точки зрения.

The article is of an overview nature, it discusses issues related to the beginning of the publication of a new line of textbooks for educational institutions of the Vologda region. The manuals are analyzed from the point of view of the completeness of the reflection of the content of the Regional historical and Cultural Standard and the characteristics of the structural components are given from a methodological point of view.

Ключевые слова: стандарт, история России, региональная история, Вологодский край, учебное пособие, структурные компоненты учебника.

Keywords: standard, history of Russia, regional history, Vologda Region, textbook, structural components of the textbook.

Изучение региональной истории является важнейшим компонентом школьного исторического образования. При преподавании истории необходимо учитывать историко-культурную специфику региона. В настоящее время в школах Вологодской области сведения по региональной истории включаются в курс истории России. Концептуальные основания преподавания соотносятся с положениями ФГОС, Концепции преподавания учебного курса «История России» и Историко-культурным стандартом. В Вологодской области разработан Региональный историко-культурный стандарт, в котором определено основное содержание, дан перечень основных событий и дат, персоналий, понятий и терминов.

События, происходившие на территории края, освещаются на основе многоаспектного подхода, в который включает в себя экономическую жизнь края, социальную сферу, взаимоотношения власти и общества, повседневную жизнь людей, участие в защите Отечества и малой Родины, а также культурное пространство.

Изучение истории родного края призвано помочь обучающимся ощутить свою причастность с региональной историей и с историей страны в целом, понять ценность исторического и культурного наследия края и необходимость его сохранения.

Летом 2021 г. начала выходить обновленная линейка учебных пособий по истории Вологодского края. Она выстроена в соответствии с линейной системой изложения исторического материала. Пока вышли учебные пособия для 6 и 7 классов. Они включают в себя по 13 параграфов.

Автором учебного пособия для 6 класса является А.В. Камкин [4]. В учебном пособии большое внимание уделяется древней истории края. Первой темой учебного пособия является «Природа и население Вологодского края в древности». Последовательно сменяются эпоха палеолита, мезолита, неолита, энеолита, наступает бронзовый и железный век. Все это сопровождается богатым иллюстративным материалом, который включает в себя фотографии с археологических раскопок и находок археологов, карты, реконструкции. Разбирается ассимиляционный процесс финно-угорского и славянского населения края. Завершается первая тема описанием культурного развития края в указанный период.

Второй темой является «Вологодский край в составе древнерусского государства». Здесь перед нами предстают древнейшие города края: Белоозеро, Луковец, Устюжна, Гледен, Устюг, Вологда, Тотьма. В рамках данной темы изучается распространение христианства и появление монастырей.

В третьей теме «Вологодский край в середине XIII–XIV веках» большое внимание уделяется тому, как земли Вологодского края входили в состав различных княжеств: Белозерского, Ростовского, Кубено-Заозерского, Ростово-Устюженского. Земли Вологодского края привлекали внимание разных князей (тверские и владими́ро-суздальских). На них претендовал и господин Великий Новгород. Рассматривается влияние ордынской зависимости на развитие края и участие вологжан в освобождении от нее.

Четвертая тема «Вологодский край в период формирования единого русского государства. XV век». Здесь рассматривается династическая война между приемниками Дмитрия Донского, монастырская колонизация и культурное пространство края в указанный период.

Перейдем к рассмотрению учебного пособия для 7 класса. Основой для его создания послужили тексты Ю.С. Васильева [3], которые были существенно переработаны и дополнены В.С. Жуковой и О.В. Ильиной [1].

Учебное пособие для 7 класса включает в себя два раздела. Первый раздел «Вологодский край в XVI веке» включает последовательное изложение следующих аспектов: рассматриваются административно-территориальные изменения, типы населенных пунктов, формы землевладения, категории крестьян. Следующим аспектом первого раздела является рассмотрение занятий населения края. Важным этапом для истории Вологодских земель является период, связанный с правлением Ивана Грозного. Завершают первый раздел параграфы, посвященные культурному пространству края, в которых рассматриваются вопросы грамотности населения края, наличие школ, летописание, развитие архитектуры и градостроительства, живописи и прикладного искусства, устного народного творчества и быта.

Второй раздел учебного пособия для 7 класса посвящен истории Вологодского края в XVII веке. Рассматриваются события, связанные с Смутным временем и польско-шведской интервенцией. Далее рассматривается экономическое развитие края. Большое внимание уделяется развитию торговых путей, открытию и освоению новых земель землепроходцами С.И. Дежневым, Е.П. Хабаровым, В.В. Атласовым.

Следующей темой раздела является «Система управления и социально-политическое развитие края», где рассматривается рост повинностей в восстановительный период после Смутного времени, которые привели многочисленным народным волнениям.

Далее рассматривается тема «Русская православная церковь Вологодского края в XVI–XVII веках», в частности новое церковно-территориальное устройство и влияние церковного раскола на жизнь населения. Заключительной темой в 7 классе является «Культурное пространство Вологодского края», которая включает в себя развитие просвещения, литературы, живописи и прикладного искусства, градостроительство, деревянное и каменное зодчество, жилые и хозяйственные помещения.

Данные разделы учебного пособия раскрывают все положения Регионального историко-культурного стандарта.

Кроме основного структурного компонента, учебное пособие содержит дополнительный компонент, который включает в себя исторические источники, среди них в учебном пособии для 7 класса помещены фрагменты из: Духовной грамоты Великого князя Ивана Васильевича, Устюженской губной грамоты, Летописца Ивана Слободского, Указной грамоты царя Василия Шуйского воеводе Великому Устюгу, Дозорной книги посада Чаронды, Переписной книги Спасо-Преображенского каменного монастыря, Отписки тотемского воеводы М. Ртищева, Указной грамоты царя Алексея Михайловича, Приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря и др.

В пособии даются биографические справки об исторических и общественных деятелях (О.Г. Непея, М.И. Воротынский, воевода Н.М. Пушкин, Нечай Щелкунов), купцах (Н. Ревякин, Г.Р. Никитин, Г.М. Фетиев, Я.Т. Усов-Грудцын), деятелях церкви, сыгравших большую роль в общественно-культурном развитии края (святитель Антоний, Дионисий, Галактион Вологодский, святитель Маркелл, Корнилий Комельский). Учебное пособие содержит и другие дополнительные информационные материалы о Вологодской крепости, золотошвейном шитье, обороне Устюжны и череповецких землях в годы Смуты, последствиях Белозерского разгрома, рыбной ловле с помощью езов, Леденгском усолье, Чарондской округе, восстании в Великом Устюге, церковном приходе, иконе «Михаил Архангел» иконописца Григория Агеева, резной деревянной скульптуре, Новом городе Кирилло-Белозерского монастыря, изразцах.

Еще одним структурным компонентом учебного пособия является пояснительный, к которому относятся определения терминов и подписи к иллюстрациям. Терминам, которые используются в пособии, даются в конце пособия

в алфавитном порядке необходимые определения. Кроме этого, всему иллюстративному ряду даются атрибуционные подписи.

В учебном пособии также довольно разнообразны внетекстовые структурные компоненты. Одним из таких структурных компонентов учебного пособия являются иллюстрации. Учебное пособие содержит богатый иллюстративный материал, который в первую очередь представлен следующими картами: «Россия с середины и второй половине XVI века», «Торговые пути севера Европейской части России XVI века», «Опричнины на территории России», «Смутное время в России в начале XVII века», «Границы уездов в XVII веке», «Народные восстания в России в XVII веке», «Экономика и народы Европейской России в XVII в.», «Россия в конце XVII в. Освоение Сибири». Две последние карты размещены на форзацах учебника. Среди иллюстративного ряда есть схемы Кирилло-Белозерского монастыря, архитектурный ансамбль Вологодского кремля и видов храмов.

Иллюстративный материал также включает в себя реконструкции, среди них следующие: структура древнерусского города, знатный русский воин, Белозерская крепость в XVII веке, общий вид Великого Устюга в первой половине XVII века, план Вологды конца XVII века, Кирилло-Белозерский монастырь в XVII веке, крестьянская усадьба, дом с хозяйственными постройками.

Представлены также фотографии и рисунки орудий труда и промысла, предметов быта и культа, военного дела, кораблей. Значительное место занимают парсуны, портреты или иконы с изображением исторических, общественных, церковных деятелей. Среди репродукций картин есть событийные картины: «Польские интервенты в Вологде», «Сцена из жизни преподобного Галактиона Вологодского» (К.А. Козлов, А.И. и И.А. Скрипицыны), «Иван Грозный на постройке Софийского Собора» (А.И. Брягин). Есть репродукции и типологических картин: «В губной избе» (А. Максимов). Также в учебном пособии есть и культурно-исторические картины: «Тотемский острог» (Ф.М. Вахрушев), «Вологодский кремль в XVII веке» (С.В. Кулаков, А. Смирнов), «Семья купца XVII века» (А.П. Рябушкин).

В пособии широко представлены изображения памятников архитектуры, живописи, фресок, икон, памятников, установленных историческим деятелям, связанным с историей края, церковное убранство. В нем помещены изображения гравюр «Въезд голландского посла», вид Павло-Обнорского монастыря. Такое разнообразие иллюстративного материала позволяет обучающимся на уроках проводить работу на разных этапах, в том числе при повторении уже пройденного, изучении нового материала и его закреплении.

Рассмотрим методический компонент. Он представлен в первую очередь разнообразными вопросами и заданиями. Перед параграфом размещены вопросы и задания, требующие повторения из изученного общероссийского материала или из истории края более раннего этапа. В конце параграфов размещены материалы, дающие возможность провести проверку усвоенного в ходе изучения темы. Отдельная система вопросов и заданий дана к картам, схемам, репродукциям, историческим источникам и другим дополнительным материа-

лам. Она дает возможность подходить вариативно к изложению материала, а также разнообразить приемы и методы, используемые учителем на уроках [2]. Задания, оформленные в таблицы, позволят обучающимся обобщить и структурировать материалы. Работу с таблицами можно организовать в зависимости от уровня класса, как индивидуальную, так и групповую.

Примеры таблиц из учебного пособия для 7 класса:

Таблица 1

Последствия Смуты для Вологодского края [1, с. 69]

Экономические последствия	Политические последствия	Демографические последствия

Данная таблица позволяет выявить и классифицировать различные последствия Смутного времени для Вологодского края.

Таблица 2

Герои Смутного времени [1, с. 77]

Историческое событие (процесс), в котором участвовал исторический деятель	Факты, связанные с участием в событии (процессе) исторического деятеля	Почему событие (процесс), в котором участвовал этот исторический деятель, имело большое значение (важные последствия) для истории нашей страны

Данная таблица позволяет выявить событие (процесс), в котором участвовал исторический деятель, определить факт связывающий участие личности в этом событии (процессе) и сделать вывод о значимости это события (процесса) для истории страны или региона. Эта таблица помогает учащимся сориентироваться в таком важном вопросе: Какова роль той или иной личности в событиях (процессах). Подобные таблицы есть также в темах: «Торговые пути в XVII веке. Землепроходцы», Русская православная церковь Вологодского края в XVI–XVII веках.

Таблица 3

Экспедиции первопроходцев [1, с. 107]

Дата похода (экспедиции)	Имя первопроходца	Итоги и значение похода (экспедиции)

Данная таблица позволяет систематизировать данные по открытию и освоению новых земель.

Таблица 4

Функции приходского храма [1, с. 123]

Центр религиозной жизни	Центр общественной жизни

Данная таблица позволяет доказать учащимся, что приходской храм в XVI–XVII веке является важным учреждением для населения края, а также не только центром религиозной жизни, но общественной.

Еще одним внетекстовым компонентом учебника является аппарат ориентировки, который представлен в виде подробного оглавления, которое позволит быстро найти нужный материал. Условные обозначения позволят быстро сориентироваться в материале параграфа.

В конце учебного пособия размещены вопросы для повторения и закрепления изученного в 7 классе, темы для проектной и исследовательской деятельности, список основных дат и событий, основные персоналии, словарь понятий и терминов, список литературы и интернет-ресурсов.

Таким образом, новое учебное пособие по истории Вологодского края позволяет выполнять требования, предъявляемые к изучению истории России и региональной истории на основе линейного принципа изложения. Изучение истории края способствует сохранению исторической памяти поколений, позволит обучающимся понять роль и место Вологодского края в истории России, увидеть общее и выделить специфику в его социально-экономическом, политическом и культурном развитии.

Источники и литература

1. Васильев, Ю. С. История Вологодского края в XVI–XVII веках : учебное пособие для уч-ся 7 кл. общеобразов. учреждений / Ю. С. Васильев, В. С. Жукова, О. В. Ильина. – Вологда : Учебная литература, 2021. – 192 с.

2. Жукова, В. С. Использование активных методов в преподавании истории в школе / В. С. Жукова, О. В. Ильина // Источник. – 2019. – № 2. – С. 26-28.

3. История Вологодского края с древнейшего периода до конца XVIII века : учебное пособие для уч-ся 6–7 кл. общеобразов. учреждений. – Вологда : Учебная литература, 2010. – 205 с.

4. Камкин, А. В. История Вологодского края с древнейших времен до конца XV века : учебное пособие для уч-ся 6 кл. общеобразов. учреждений / А. В. Камкин. – Вологда : Учебная литература, 2021. – 168 с.

**НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ И МИХАИЛ ВОРОТЫНСКИЙ:
КРАТКОЕ СРАВНЕНИЕ ВОЕННО-ОРГАНИЗАТОРСКИХ СТРАТЕГИЙ
В КЛЮЧЕВЫХ УСПЕХАХ**

В статье сравниваются военно-организаторские стратегии двух героев истории XVI в. – Никколо Макиавелли и Михаила Воротынского. Анализ этих стратегий осуществлен в дипломатическом и военно-практическом контекстах. Рассмотрев ключевые успехи каждого – возврат Пизы Флорентийской республике ополчением Макиавелли и победу русских войск в битве при Молодах под верховенством Воротынского – автор делает вывод об индивидуальности их стратегий и общности значения триумфа каждой из них.

The article compares the military-organizational strategies of two heroes of the history of the XVI century – Niccolo Machiavelli and Mikhail Vorotynsky. The analysis of these strategies is carried out in the diplomatic and military-practical contexts. Having considered the key successes of each – the return of Pisa to the Florentine republic by Machiavelli's militia and the victory of Russian troops in the Battle of Molodi under the rule of Vorotynsky – the author concludes about the individuality of their strategies and the common meaning of both triumphs.

Ключевые слова: Макиавелли, Воротынский, военные стратегии, Итальянские войны, флорентийско-пизанские отношения, битва при Молодах, Русско-Крымские войны.

Keywords: Machiavelli, Vorotynsky, military strategies, Italian wars, Florentine-Pisan relations, the Battle of Molodi, Russian-Crimean wars.

В истории военного искусства XVI в. явился переломным периодом. В тот век произошли взаимосвязанные изменения в стратегии и идее ведения войн. Однако в целом еще в первой половине XVI в., по мнению классика военной истории Ганса Дельбрюка, эволюция стратегии ведения войн еще не достигла того этапа, когда их исход определялся отдельными сражениями [1, с. 1045]. Более того, именно сама эта эволюция тогда еще парадоксальным образом «...могла внушить мнение о возможности и даже желательности одолеть неприятеля, не рискуя сражением» [1, с. 1045]. В связи с этим крупнейший военный конфликт в истории этого периода – Итальянские войны 1494–1559 гг. – оказался весьма затяжным и в определенном смысле включил в себя сразу несколько войн [9, с. 559-583]. И лишь во второй половине XVI в. военная стратегия, в особенности – в отношении построения войск [1, с. 1071], вышла на тот уровень, когда войны стали измеряться сражениями. Выдающейся фигурой в истории войн на Апеннинах первой половины того столетия был флорентийский дипломат и военный организатор Николло Макиавелли. Практиком и свидетелем нового этапа эволюции военного искусства его вто-

рой половины стал русский полководец Михаил Воротынский. Оба добились ключевых успехов на военном поприще для своих государств периода их деятельности. Никколо Макиавелли организовал и возглавил ополчение Флорентийской республики, в 1509 г. вернувшее этой республике потерянную перед началом Итальянских войн Пизу [2, с. 168-171]. Военно-организаторский талант Михаила Воротынского сыграл решающую роль в сражении 1572 г. при Молодях, выигранном русскими войсками у войск Крымского ханства [7, с. 128]. Исходя из идеи о корреляции закономерностей эволюции военного дела в Западной Европе и в России, связанных со становлением централизованных абсолютистских государств [1; 3; 9], попробуем кратко сравнить два этих успеха – Макиавелли и Воротынского – и выявить в них стратегические закономерности и различия.

Для начала обратимся к дипломатическому контексту стратегии этих успехов. Общность дипломатического аспекта «крымского вопроса» для России времен Воротынского и проблемы Пизы для Флорентийской республики эпохи Макиавелли заключалась в его затяжном характере. Серия конфликтов России и Крымского ханства к моменту битвы при Молодях длилась 20 лет [7, с. 132]; флорентийские же попытки вернуть Пизу до успеха 1509 г. предпринимались 11 лет [2, с. 54-63, 123-124, 128-133]. Возврат Пизы был ключевой военной задачей республики в период службы Никколо своему государству. Этот приоритет обуславливался длительностью пизанского владения: Пиза стала флорентийской территорией еще при Джованни ди Биччи Медичи в 1406 г. [4, с. 18]. Во время дипломатической практики Макиавелли, в 1498–1512 гг., республика придерживалась политики вооруженного нейтралитета в Итальянских войнах, не вступая в крупные коалиции, или лиги, формировавшиеся в их ходе [6, с. 287]. Подобная позиция для итальянской республики в войне на территории Апеннин была возможна, исходя из специфики военной дипломатии автономных городов-государств полуострова, сложившейся еще в XV столетии в результате непрерывных конфликтов их правителей [4, с. 21-26, 51-52, 85-95], но ее цена была весьма высока. Непосредственно перед взятием Пизы Флоренция, по сути, вынуждена была откупаться от вступления в одну из подобных лиг – Камбрейскую, направленную против Венеции, выплатив странам – организаторам лиги – Франции и Испании – общую ссуду в 100 тыс. дукатов, получив тем самым свободу действия в отношении пизанской кампании [2, с. 163]. Патриот Флоренции, Макиавелли высказывает истинное негодование в адрес лиги, заставившей Флоренцию платить за право возврата Пизы, описывая данный эпизод в своей поэме «Десятилетие» (*Decennali*) следующим образом: «Так что, желая совершить определенный подвиг, стало нужно каждому нечестивцу заткнуть рот, который он держал открытым» [12, с. 378]. Тем не менее, он подчеркнул важность отведения войны с Венецией от Флорентийской республики как угрозы приоритетному пизанскому предприятию, упомянув, что Камбрейская лига не смогла лишить Венецию политической самостоятельности: «Я не мог бы вам сказать, как скоро после поражения венецианцев их государство исчезло» [12, с. 380]. Для

Макиавелли, дипломата на службе Флоренции, очевидно удобство момента для успеха пизанской кампании именно в 1509 г. У России же времен Ивана Грозного ни откупиться, ни отступить от одновременной войны на двух направлениях, южном, против Крымского ханства, и балтийском, против Швеции, ни оттянуть ее на каком-либо из них возможности не было. Идея переговоров русского царя с крымским ханом Девлет-Гиреем, в результате которых, как полагает военный историк В.В. Пенской, конфликт теоретически мог быть урегулирован мирно, не оправдала себя дважды: в 1564–1565 гг. – из-за набегов Девлет-Гирея «...на южную государеву “украину”» [7, с. 132], а весной 1572 г., незадолго до битвы при Молодях, – ввиду отказа Ивана Грозного пересмотреть статус Казани и Астрахани как русских земель по требованию хана [7, с. 135]. Кроме того, благодаря поддержке султана Османской империи и ряда князей Северного Кавказа, Девлет-Гирей планировал не только возврат поволжских земель, но и «реставрацию» политики ига над Россией [10, с. 23]. Выдающийся советский специалист по истории эпохи Ивана Грозного Р.Г. Скрынников даже указывал на такой факт, как распределение уездов российских князей между мурзами, заранее осуществленное крымским ханом, заведомо уверенном в триумфе кампании [10, с. 23]. Таким образом, в сражении лета 1572 г. решалась судьба не только продвижения России на южном направлении, но и подтверждения результатов предыдущих кампаний: в этом отношении выбор Воротынского командующим войсками в кампании против Крыма 1572 г. объяснялся и его заслугой при обороне Астрахани тремя годами ранее [3, с. 43]. Более того – крымско-татарская угроза 1572 г. могла теоретически распространиться и на суверенитет всего русского государства: Флоренции же, в случае новой неудачи в разрешении проблемы Пизы в 1509 г., потеря суверенитета не угрожала.

Следует обратиться и к вопросу военного ресурса, имевшегося у Макиавелли и Воротынского для реализации соответствующих задач, а также – степени их личной ответственности за военную стратегию в их рамках. Макиавелли стал ответственным за военную стратегию «пизанского вопроса» в 1506 г., начав формировать для этого ополчение из числа граждан Флорентийской республики [13, с. 385]. Проект Никколо осложняла традиция наемничества как военной практики во Флоренции: флорентийские граждане к тому моменту уже достаточно длительное время почти не осознавали практический смысл слова «война» – настолько в их сознании укоренилось представление о наемниках как о «панацее» для защиты тосканского государства [2, с. 136]. Чтобы разрешить эту проблему, Макиавелли лично объезжал районы государства с целью комплектования базы ополченцев [2, с. 135]. Вместе с тем, за три года фактического руководства проектом ополчения Никколо не получил автономное управление им де-юре: флорентийской Синьорией ограничивались как пределы численности его войска (до 10 тыс. ополченцев – такая цифра, однако, все равно обеспечивала заведомое численное превосходство над пизанцами), так и «целевая» его компетенция – макиавеллевские ополченцы не были нужны Флоренции за пределами Пизы [2, с. 142-143]. Как справедливо

отмечал Ганс Дельбрюк, собственной армии для Флоренции Макиавелли даже после пизанского успеха 1509 г. так и не создал [1, с. 1044]. Роль Михаила Воротынского в руководстве российскими войсками в сражении при Молодях, как и характер этих войск, были иными. Прежде всего, русская армия для кампании 1572 г. собиралась по разрядам – Михаил Воротынский, как и другие полководцы в ее ходе, получил войско, сформированное – количественно и качественно – директивой Разрядного приказа [7, с. 138]. В результате численность его войска, варьирующаяся в оценках исследователей от 20 до 50 тыс. солдат [7, с. 145-150], уступала войскам Крымского ханства, располагавшего по меньшей мере 60 тыс. ордынских воинов [10, с. 23]. Итак, Воротынский, в отличие от Макиавелли, не комплектовал войско и не имел численного превосходства. Какова степень его самостоятельности в управлении войском в кампании 1572 г. изначально? Данный вопрос представляется весьма дискуссионным. Так, Генрих Штаден, известный «искатель удачи» из Германии на русской службе, участвовавший в событиях того года, применяет к Воротынскому любопытный термин «Fürst», сравнивая его положение по отношению к Ивану Грозному с положением немецких князей – фюрстов – по отношению к императору Германии [11, с. 66-67]. Как отмечает петербургский историк-германист А.Ю. Прокопьев, немецкие князья в XVI–XVII вв. стремились к полной военно-административной автономии своих владений от имперской власти [8, с. 338-349]. Не намекал ли Штаден этим термином на недовольство Воротынского, как и других правителей русских уездов, также называемых им «фюрстами» [11, с. 66-67], именно военным абсолютизмом Грозного? Как известно, некоторые современники царя и князя упоминали об определенной «ревности» Грозного к военным успехам Воротынского: в частности, Андрей Курбский в «Истории Иоанна», излагая сюжет о холопском доносе царю на князя, ставшем формальной причиной его казни [5, с. 138-139], пишет о фактическом мотиве расправы царя над военачальником как «воздаль за сію ему службу» [5, с. 139], то есть – мести за «неразделенный триумф». В свою очередь, современный отечественный исследователь В.В. Каргалов применяет к князю термин «большой воевода», обозначая верховенство его военной власти над другими командующими войска по разрядам [3, с. 50]. Как бы то ни было, непосредственно в битве при Молодях Михаил Воротынский, пусть и вынужденно, реагируя на прорыв отрядами Дивей-мурзы Сенькиного брода [3, с. 50], проявил абсолютную стратегическую самостоятельность. Имея план кампании, утвержденный Иваном Грозным [7, с. 139-144], заключавшийся в оттягивании сил хана от продвижения к столице посредством протяжения дислокации войск от Калуги до Каширы [7, с. 144-145], российский командующий оказался в ситуации необходимости сместиться с флангов в направлении продвигавшихся к Москве воинов хана, чтобы осуществить по ним контрудар [3, с. 50]. При этом Михаил Воротынский совершил выдающийся тактический маневр: совместным с разрядом Дмитрия Хворостинина сооружением подвижного «гуляй-города» в районе Молодей он сумел укрыться в тыл, чтобы из него нанести решающий удар по войску Девлет-Гирея. Соот-

ветственно, ключевое различие военных стратегий Макиавелли и Воротынского заключается в следующем тактическом аспекте. Никколо использовал традиционный для войн своего времени метод осады – и преуспел в осадной войне больше, чем его предшественники по пизанским кампаниям Флоренции. Народные отряды флорентийских граждан под руководством Макиавелли уже к 10 марта 1509 г. сумели окружить Пизу тремя закольцованными военными лагерями и продержали победную осаду до мая [2, с. 169-170]. Тогда как российский князь осуществил прием контрнаступления – не имея ни численного, ни тактического преимущества диспозиции, он решил исход сражения, а вместе с ним – и войны – одним точнейшим ударом.

Подводя итог исследования, можно заключить: Никколо Макиавелли и Михаил Воротынский оба принадлежат к числу тех персоналий, чьи имена в истории неразрывно ассоциируются с военно-организаторским делом. Условия реализации ими этого таланта в себе индивидуальны, как в целом уникальны и стратегии их успехов. Однако, как пизанская кампания Флоренции 1509 г. под руководством Макиавелли, так и кампания русских войск 1572 г. против Крымского ханства и битва при Молодях в ее рамках во главе с Воротынским – это стратегии, ставшие для их государств осуществлением военного триумфа. Триумфа имени Никколо Макиавелли и Михаила Воротынского.

Источники и литература

1. Дельбрюк, Г. История военного искусства с древнейших времен. Новейшее издание / Г. Дельбрюк. – Москва : Эксмо, 2015. – 1277 с.
2. Каппони, Н. Макиавелли / Н. Каппони ; пер. с англ. А. Л. Уткина. – Москва : Вече, 2012. – 372 с.
3. Каргалов, В. В. Михаил Воротынский / В. В. Каргалов // Московские воеводы XVI–XVII вв. / Каргалов В. В. – Москва : Русское слово, 2002. – С. 34-53.
4. Клулас, И. Лоренцо Великолепный / И. Клулас ; пер. с франц. Н. Н.Зубкова. – Москва : Молодая гвардия, 2007. – 259 с.
5. Курбский, А. История Иоанна Грозного / А. Курбский // Сказания князя Курбского. Издание третье, исправленное и дополненное, Н. Устрялова. – Санкт-Петербург, 1868. – С.53-180.
6. Павлов, К. В. Переговоры Флоренции с Империей 1507–1508 годов: к вопросу о флорентийской политике нейтралитета в итальянских войнах / К. В. Павлов // Проблемы истории и культуры средневекового общества : материалы XXXIX всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (11–13 ноября 2019 г.). – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2020. – С. 278-288.
7. Пенской, В. В. Сражение при Молодях 28 июля – 3 августа 1572 г. – Текст : электронный // История военного дела: исследования и источники. – 2012. – Т. II. – С. 127-236. – URL: http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoj_1 (дата обращения: 23.08.2012).
8. Прокопьев, А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648 / А. Ю. Прокопьев. – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 483 с.
9. Разин, Е. А. История военного искусства VI–XVI вв. / Е. А. Разин. – Санкт-Петербург : Полигон, 1999. – 655 с.
10. Скрынников, Р. Г. На страже московских рубежей / Р. Г. Скрынников. – Москва : Московский рабочий, 1986. – 315 с.

11. Штаден, Г. Записки о Московии (в двух томах). Том 1 / Г. Штаден ; пер. немецкого текста: С. Н. Фердинанд, под ред. Е. Е. Рычаловского, при участии А. Л. Хорошкевич. – Москва : Дрвлекранилище, 2008. – 587 с.

12. Machiavelli, N. Decennali / N. Machiavelli // Opere di Niccolo Machiavelli, cittadino e segretario Fiorentino. Volume quinto. – Firenze: Italia, 1813. – P. 357-382.

13. Machiavelli, N. Report on the Institution of the New Militia / N. Machiavelli // Villari P. Niccolo Machiavelli and his times / transl. on engl. By L.Villari. Vol.II. – London, 1878. – P. 384–389.

В.А. Коноплев

КАУ ВО «Государственный архив
Вологодской области» (г. Вологда)

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ XVI ВЕКА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена документам XVI в., хранящихся в фонде «Коллекции столбцов XV–XVIII вв.» Государственного архива Вологодской области.

The article is devoted to the documents of XVI th Century that stored in the The State Archive of Vologda region.

Ключевые слова: XVI век, исторические источники.

Keywords: XVIth Century, Historical sources.

Документы XVI в. представлены в ГАВО в количестве 159 единиц хранения, из них XV в. 2 (2 док.), XVI в. – 159 (217 док.) в фонде «Коллекции столбцов XV–XVIII вв.» (Ф. 1260). По хронологии, 1470-е гг., 1500 по 1599 гг. Основная масса документов имеет церковное происхождение, меньшая часть – светское. Духовные учреждения представлены монастырями (6), Великоустюжским архиерейским двором и тотемской Благовещенской Троицкой церковью; светские – Унская посадская земская изба, Вологодская и Важеская губные избы, Вологодская приказная изба. Наиболее известный документ XVI века, введенный в научный оборот Ю.С. Васильевым, – Грамота великого князя Ивана Васильевича в Важский уезд Вельский стан о борьбе с разбоем и татьбой 1539 г. [1].

Количественные данные о документах XVI в. распределены по следующим группам: светского и церковного происхождения, по монастырям, наиболее представленные виды источников церковного происхождения, по копияности.

Таблица 1

Распределение архивных документов XVI в. по светскому и духовному ведомствам

Учреждения	Светские	Церковные	Количество документов
Монастыри		6	178
Церкви		1	3

Окончание табл. 1

Учреждения	Светские	Церковные	Количество документов	
Устюжский архиерейский двор		1	1	
Вологодская губная изба	1		1	
Важеская губная изба	1		1	
Унская приказная земская изба	1		20	
Вологодская приказная изба	1		9	
Всего	4	8	светских 32	церковных 183

Таблица 2

Состав документальных коллекций монастырей в фондах ГАВО

Монастыри	Количество документов
Спасо-Прилуцкий	147
Арсениево-Комельский	4
Корнильево-Комельский	20
Лопотов	1
Покровско-Глушицкий	5
Троицкий Павло-Обнорский	1

Таблица 3

Ранжирование сохранившихся архивных источников XVI в. по видам среди учреждений духовного ведомства

Вид источника	Спасо-Прилуцкий	Арсениево-Комельский	Корнильево-Комельский	Лопотов	Покровско-Глушицкий	Павло-Обнорский	Устюжский архиерейский двор	Тотемская Благовещенская церковь
Жалованные грамоты	10	3	1	1	2			
Данные грамоты	11		10					
Купчие	26		5					
Заемные кабалы	34							
Отписи	25							
Прочие	42	1	3			1	1	3

Всего: жалованных грамот – 16, данных – 21, купчих – 31, заемных кабал – 34, отписей – 25.

Среди светских учреждений сохранилось больше всего купчих (22 док), соответственно, самой крупной группой материалов XVI в. в ГАВО являются купчие крепости (53 док.)

Среди прочих документов встречаются: правые грамоты (2 док.), сотные (2 док.), челобитные (2 док.), закладные (5 док.), межевые росписи (3 док.),

духовная (изустная) память (2 док.), грамота игумена Спасо-Прилуцкого монастыря (1 док.), Царский указ (1 док.), отступные (4).

Таблица 4

**Распределение архивных источников XVI в.
по подлинности и копийности
(светское и духовное ведомства)**

Учреждения	Подлинники	Списки 16 в.	Списки 17 в.	Списки 18 в.	Копии 19 в.
Спасо-Прилуцкий монастырь	88	4	24	31	1
Арсениево-Комельский	1		3		
Корнильево-Комельский	1	10	9		
Лопотов	1				
Покровский Глушицкий	1	1	1		
Троицкий Павло-Обнорский	1				
Устюжский архиерейский двор	1				
Благовещенская Троицкая церковь	3				
Вологодская приказная изба	9				
Унская посадская земская изба	22				
Важеская губная изба		1			
Вологодская губная изба	1				
Всего	129	16	37	31	1

Таким образом, самой многочисленной группой источников XVI в. являются материалы, касающиеся землевладения и промыслов Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Большинство источников сохранились в подлинниках и списках, современных подлинникам, однако значительная часть,

прежде всего жалованные грамоты, а также документы о землевладении Спасо-Прилуцкого монастыря представлены в списках XVII–XVIII вв. Для изучающих историю повседневной жизни средневековой России может представлять интерес Челобитная царю Федору Иоанновичу старца Спасо-Прилуцкого монастыря Андрея Халина о краже денег из его кельи, в которой он подозревает старца Якима и детину Ждана, около 1595 г. [2]. В данной челобитной Старец Андрей Халин жалуется, что из его кельи были украдены 53 рубля с полтиной, которые, судя по всему, были отданы ему на хранение жителем Холмогор Максимом Стефановым сыном Сухановым.

Таким образом, несмотря на то, что источники по истории XVI в. отложились в ГАВО в небольшом объеме, среди них есть значительное разнообразие по представленным видам. Это позволяет получить разностороннее представление о хозяйственной и повседневной жизни монастырей Русского Севера и их владений, прежде всего на примере Спасо-Прилуцкого монастыря.

Источники и литература

1. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 11. Д. 2.
2. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 79. Л. 1-1 об.

СЕКЦИЯ 3. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Л.В. Теребова

Кирилло-Белозерский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник (г. Кириллов)

ИНТЕРЬЕР ЦЕРКВИ СВЯТОГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ОПИСЕЙ 1601–1668 ГГ.

Статья рассказывает об интерьере церкви Владимира и изменениях в ее убранстве в период с 1601 по 1668 год. Автор предпринимает попытку создать реконструкцию интерьера церкви, основываясь на материалах описей Кирилло-Белозерского монастыря XVII века, поскольку до наших дней первоначальный интерьер храма не дошел. Не сохранились и предметы убранства, перечисленные в указанных описях.

The article describes the interior of the Church of Saint Vladimir and the changes of its decoration from 1601 till 1668. The author tries to create the reconstruction of the interior of the church using the materials of the inventories of the Kirillo-Belozersky Monastery of the 17th century so far as the original interior of the church was not extant. The objects of the church decoration listed in the mentioned inventories have been lost.

Ключевые слова: Кирилло-Белозерский монастырь, церковь Владимира, князя Воротынские, иконостас.

Keywords: the Kirillo-Belozersky Monastery, the Church of Saint Vladimir, Princes Vorotynskys, iconostasis

Церковь равноапостольного князя Владимира была возведена в 1554 г. над могилой князя Владимира Воротынского. Описание внутреннего убранства храма, которое было достаточно скромным, сохранилось в описях строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря.

Церковь не имела стенных росписей. Иконостас состоял из пяти рядов, состав которых в период с 1601 по 1668 гг. не менялся (рис. 1). Местный чин насчитывал четыре образа, ветхость которых отмечалась в монастырских описях начиная с 1601 г. [1, с. 98-99]. Все четыре иконы, а также «двери царские, и сень, и столпы» были написаны на золотых фонах и имели традиционное расположение. Царские врата размещались в центре ряда, справа от них – икона Спаса Вседержителя и храмовый образ святого князя Владимира с сыновьями Борисом и Глебом, слева – образы Богородицы Одигитрии и прп. Кирилла Белозерского. Между иконами Богородицы и прп. Кирилла располагалась северная алтарная дверь, расписанная сюжетами сотворения Адама, мучения трех отроков и изображением пророка Даниила. Этот состав росписей алтарной двери был отмечен во всех описях 1601–1635 гг. Лишь в описи

1668 г. указано, что на северных дверях «писан Благоразумный разбойник» [5, л. 159 об.].

Рис. 1. Схема рядов иконостаса церкви Владимира на 1601 г. Восточная стена

Все местные образы были дополнены подвесными пеленами. В 1601 г. под образом Спаса находилась расшитая пелена из красного бархата, под храмовым образом князя Владимира с сыновьями Борисом и Глебом – красная атласная пелена с черным бархатным средником. В описи имеется указание, что пелена у храмовой иконы была изготовлена «из царские дачи». Вероятно, ткань для нее была подарена царем Иваном Грозным, который делал вклады на помин души Александра Ивановича Воротынского. Под иконой прп. Кирилла Белозерского была расположена пелена, изготовленная из хлопчатобумажной, «зендинной», ткани, а под иконой Богородицы Одигитрии – из золотного на голубом фоне бархата со средником из желтого шелка. Пелена под образом Богородицы была наиболее древней и интересной по оформлению среди всех шитых пелен, хранившихся в церкви Владимира к 1601 г. На ней был вышит образ прп. Кирилла с текстом тропаря, венец вокруг головы чудотворца украшало шитье золотными нитями и жемчугом. В конце описания пелены в Описи 1601 г. имеется пометка – «старое строение», что подтверждает ее древность [1, с. 99].

К началу XVII в. все четыре пелены были ветхими и к 1615 г. подверглись частичной или полной замене. У пелены под иконой Спасителя был заменен средник [2, л. 164 об.], при храмовом образе поместили пелену из шелковой персидской ткани [2, л. 165], а под местными иконами по левую сторону от царских дверей – новые пелены из крашенины «кирпичного цвета» и набивной ткани [2, л. 165 об.-166]. Богато расшитую пелену с изображением прп. Кирилла, подвешенную в 1601 году под иконой Богородицы, перенесли в

церковь Кирилла Белозерского. К 1668 г. подвесные пелены у всех местных образов церкви Владимира были вновь обновлены. Для икон Спаса, князя Владимира и Богородицы Одигитрии было изготовлено по две пелены, праздничная и повседневная, одинаковые для всех трех икон. Праздничные были изготовлены из бархата и украшены крестами из хлопчатобумажной, миткалевой, ткани, а повседневные – из набойной и полосатой миткалевой тканей [5, л. 164-164 об.].

Над царскими вратами и местными образами размещались пядничные, деисусные, праздничные и пророческие иконы. В описях 1601–1635 гг. в деисусном ряду отмечено девять образов – в центре располагался Спас, по сторонам от него Богородица и Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел, московские чудотворцы Петр и Алексей [1, с. 98–99]. В описи 1668 г. указано уже 11 деисусных икон: «над царскими дверьми образ Спасов <...> по странам по пяти образов», но святые не перечислены [5, л. 152 об.-153], и впервые есть уточнение, касающееся изображений святых («на них святые стоящие»), которого не было в предыдущих описях. Возможно, этот ряд иконостаса был заменен, а предыдущие образы святых были изображены не в рост, а по пояс, с чем связано и изменение общего количества икон. Праздничный ряд во всех рассматриваемых описях состоял из 14 образов: 12 праздников, рассказывающих о главных событиях земной жизни Иисуса Христа, и двух образов столпников – Даниила и Семиона; пророческий ряд – из 11 образов: в центре располагалось изображение Богородицы Воплощение, по сторонам от него – десять пророков [1, с. 99]. Упоминаний об окладах и привесах на иконах трех верхних рядов в описях не встречается. До 1635 г. все иконы деисусного, праздничного и пророческого рядов были написаны на золоченых фонах, иконы пророческого ряда имели плохую сохранность – пророки «ветхи и во многих местах попортились». В описи 1668 г. информации о ветхости пророческих икон нет, но сообщается, что написаны они на охре [5, л. 152 об.-153]. Вероятно, этот ряд икон, как и деисусный, был переписан к 1668 г.

Между местным и деисусным рядом размещались пядничные иконы. Они чаще икон других рядов иконостаса подвергались перемещению. К 1601 г. в центре пядничного ряда находился киот с образами Спасителя, Богородицы и Иоанна Предтечи, украшенными серебряными позолоченными басменными окладами, по сторонам от него размещались 24 иконы [1, с. 99-100]. Уже к 1615 г. часть образов этого ряда была перемещена. В их числе центральный киот, который перенесли в церковь Кирилла [2, л. 166-166 об.]. Пядничный ряд был менее единообразным, чем другие ряды иконостаса, поскольку состоял из икон, написанных как на золоченых фонах, так и на фонах без позолоты («на красках»), а также икон в окладах. Например, в 1621 г. среди икон рассматриваемого ряда было восемь икон «на золоте», девять – «на красках», и три иконы – центральные образы Спасителя, Богородицы и Иоанна Предтечи – в басменных окладах. К 1668 г. уже большинство икон пядничного ряда, а именно 20 из 22, в своем убранстве имели оклады и серебряные позолоченные гривны, цаты, жемчужные нити.

Рис. 2. Северная стена интерьера церкви Владимира

Рис. 3. Западная стена интерьера церкви Владимира

Иконы украшали также стены церкви Владимира. Как и образы пядничного ряда, они достаточно часто перемещались. Так, в 1601 году в киоте около северных дверей (рис. 2) и на западной стене (рис. 3) над княжескими надгробиями (в описях – «над гробницами») располагались иконы Спасителя, Богородицы и Иоанна Предтечи – образы у северных дверей были написаны на красках, а на западной стене – украшены венцами и окладами [1, с. 99-100]. К 1615 г. они поменяли свои места расположения. Киот от северных дверей перенесли на западную стену и разместили рядом с иконой Успение Богородицы в окладе и киотом с образом Богородицы Одигитрии, а три образа в окладах, ранее располагавшиеся на западной стене возле надгробий, – в центр пядничного ряда иконостаса (на место икон, перемещенных в церковь Кирилла). Описание 1615 г. также отмечает появление новых икон на западной стене храма – изображения князя Михаила Черниговского, предка рода Воротынских, с боярином Федором и образа Логина Сотника [2, л. 111-112].

Появление этих икон, несомненно, связано с перенесением в 1606 г. останков Михаила Ивановича Воротынского и его сына Дмитрия (Логина) из Кашина в Кирилло-Белозерский монастырь. В дальнейшем ряд икон, размещенных возле княжеских захоронений, продолжал увеличиваться. В 1635 г. на западной стене храма находилось уже пять киотов, в которых размещались иконы с образами Дмитрия Солунского и сотника Логина, Александра Свирского и Александра Невского, князя Владимира с сыновьями Борисом и Глебом, князя Михаила Черниговского и боярина Федора, а также икона Обретение главы Иоанна Предтечи [4, л. 159-159 об.]. К 1668 г. над западными дверями поместили икону Богородица Умиление, а список образов над гробницами пополнился иконой Алексея человека Божьего, появление которой, вероятно, связано с захоронением в церкви Алексея Ивановича Воротынского, умершего в 1642 г.

В 1615 и 1621 гг., после перемещения киота с ветхими образами Спасителя, Богородицы и Иоанна Предтечи «на красках» с северной стены на западную, описи не сообщают о каких-либо иконах у северных дверей храма. Вновь подобное упоминание появляется лишь в описи 1635 г.: «В киоте же образ Спасов да образ Пречистые Богородицы, да образ Иванна Предотечи на

красках, ветх». Возможно, речь идет о тех же иконах, которые здесь стояли в 1601 г., поскольку на западной стене они не упомянуты. К 1668 г. над северными дверями появились иконы Николая Чудотворца со святыми, Николы Можайского и Дмитрия Прилуцкого, а на северной стене – Успения Богородицы.

Освещали храм в 1601 г. четыре поставные свечи и два медных паникадила – большое с 12 подсвечниками и малое с тремя подсвечниками. К 1615 г. в храме осталось лишь малое паникадило и три поставные свечи. Большое паникадило с 12 подсвечниками перенесли в церковь Преображения, откуда на замену принесли паникадило с девятью подсвечниками, а одну свечу – в Успенский собор. В описи 1615 г. впервые сообщается о свечах, которые стали ставить над «гробницами» [2, л. 171 об.]. К 1635 г. из церкви Владимира исчезло малое паникадило с тремя подсвечниками [4, л. 159 об.]. К 1668 г. в храме появляются новые осветительные приборы, не упомянутые ранее, – двухъярусное паникадило с 12 подсвечниками и малое «спускное» паникадило с шестью подсвечниками [5, л. 159 об.].

В описи 1621 г. впервые появляется информация о покрывах на княжеских надгробиях: «положены вново два покрыва червчяты, сукно багрянец на четырех гробницах Воротынских» [3, л. 234–234 об.]. В 1627 г. скончался и был захоронен в храме князь И.М. Воротынский и в описи 1635 г. указывается пять захоронений, а к 1668 г. – шесть. Первоначально покрыва были только суконные: большие, на два захоронения, и малые, на одно. В 1635 г. появляется первое упоминание о праздничных покрывах, изготовленных из дорогих тканей иностранного производства, бархата, атласа, и украшенных золотым шитьем, серебряными золочеными дробницами, жемчугом. Они использовались для праздничных богослужений и поминальных служб и предназначались для конкретных захоронений [4, л. 295 об.-296 об.]. К 1635 г. праздничных покрывов было четыре, в 1668 г. – пять, то есть праздничных покрывов было меньше, чем самих захоронений. Опись 1668 г. называет имена князей, для надгробий которых предназначались покрыва, – это Владимир Иванович, Иван Михайлович, Дмитрий Михайлович, Александр Иванович и Алексей Иванович [5, л. 166-167 об.], что дает возможность определить имя князя, для надгробия которого не было отдельного покрыва. Это Михаил Иванович Воротынский – знаменитый военачальник, служивший при царе Иване Грозном, участник походов против шведов и крымских татар.

Помимо описания интерьера средней части (нефа) храма святого Владимира, описи дают представление и об убранстве алтаря, которое на протяжении 1601–1668 гг. также менялось. Так, в описи 1601 г. в алтарной части указаны престол, покрытый одеждой из красного бархата и покрывом из красной и зеленой тафты; напрестольный крест, украшенный серебряными золочеными дробницами и жемчугом; рукописное Евангелие в серебряном чеканном окладе, обложенном зеленым бархатом; деревянный запрестольный крест, покрытый росписью, девять икон, медные кадило и кумганец и большой слюдяной фонарь [1, с. 100–101]. К 1635 г. одежда на престол из красного бархата была

заменена «полотенцом астрадамским», а пришедший в ветхость покров на престол из красной тафты – покровом из «пестряди немецкой»; место рукописного Евангелия на престоле заняло печатное [4, л. 160–162]. К 1668 г. помимо одежды для престола и повседневного покрывала из пестряди и тафты, имелась праздничная пелена из тафты и бархата. В 1601–1668 гг. пополнялся список евхаристических сосудов и осветительных приборов в алтаре церкви Владимира. К 1615 г. из ризницы в усыпальницу Воротынских поступили серебряные потир и два блюда, медное блюдо и подсвечник [2, л. 171 об.], к 1621 г. – серебряные дискос, лжица и звезда [3, л. 233 об.], к 1668 г. – оловянная кружка для церковного вина. Менялся и список икон, хранящихся в алтаре.

Таким образом, анализируя интерьер церкви Владимира на основании описей Кирилло-Белозерского монастыря за 1601–1668 гг. можно отметить, что в первой половине XVII в. в церкви имелось большое количество ветхих образов, большинство икон не имели окладов. Обновление интерьера происходит в середине – второй половине XVII в.: в иконостасе появляются новые иконы, на княжеских захоронениях – покрывала из дорогих тканей, а в алтаре – серебряная утварь, что отмечено в описи 1668 г.

До наших дней первоначальный интерьер храма не дошел. В начале XIX в. древний иконостас заменили позолоченной иконостасной рамой работы вологодского резчика И. Сиротина, в которую вмонтировали иконы, написанные маслом кирилловским иконописцем И. Копытовым [6, с. 63-64]. Не сохранились церковные сосуды, пелены и покрывала, указанные в описях XVII в. О местах расположения захоронений в настоящее время сообщают только надписи на плитах, вмонтированных в стены храма в XVIII в. Лишь благодаря монастырским описям сохраняется возможность представить первоначальный облик церкви-усыпальницы князей Воротынских.

Источники и литература

1. Описание строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г.: Комментарий / составители З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1998. – 384 с.
2. Описание строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 г. // ОР РНБ. Ф. 588 (Собрание М. П. Погодина). Ед. хр. 1908. Л. 1-252 об.
3. Описание строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1621 г. // ОР РНБ. Кир.-Бел. Ед. 74/1313. Л. 1-654 об.
4. Описание строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1635 г. // ОР РНБ. Кир.-Бел. 75/1314. Л. 1-483 об.
5. Описание строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. // ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 393. Л. 1-1166.
6. Щурина, Е. Г. Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря. Альбом-путеводитель / Е. Г. Щурина. – Кириллов, 2013. – 72 с.

К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНЕАЛОГИИ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА И.С. КОНЕВА

В статье проанализирована информация писцовых и переписных книг Устюжского уезда как источников для историко-генеалогических исследований северного крестьянства. На основе авторских наработок изучения многочисленных крестьянских родов раскрыта методика обработки и систематизации информации.

The article analyzes the information of scribes and census books of the Ustyug district, as sources for historical and genealogical research of the northern peasantry. On the basis of the author's developments in the study of numerous peasant families, the method of processing and systematizing information is disclosed.

Ключевые слова: деревня Веснегово, историко-генеалогическое исследование, И.С. Конев, писцовые и переписные книги, Подосиновская волость, Устюжский уезд

Keywords: village Vesnegovo, historical and genealogical research, I.S. Konev, scribal and census books, Podosinovskaya volost, Ustyug district

Историческая генеалогия является ныне одним из активно развивающихся направлений исторического знания. Она изучает происхождение отдельных семейно-родовых корпораций, межпоколенческую преемственность. Благодаря наличию родословных и разрядных записей, синодиков наиболее исследованы под таким углом зрения различные слои феодальной аристократии. В меньшей степени изучена историческая генеалогия непривилегированных сословий старой России – посадских людей и крестьянства. Здесь необходимо обращение к комплексу писцовых и переписных, таможенных книг, различных поземельных актов. В этой области многое сделано Ю.С. Васильевым, Я.Е. Водарским, А.В. Камкиным, П.А. Колесниковым, Е.Н. Швейковской и другими учеными. Их внимание было сосредоточено главным образом на исследовании аграрных отношений, демографических процессов, налогообложения, крестьянского самоуправления и правосознания [1; 2, с. 86-97; 3; 4; 9; 10, с. 182-196; 11; 12; 17; 28; 29]. Весьма ценные историко-генеалогические разработки некоторых крестьянских родов были выполнены А.И. Копаневым и Н. Е. Носовым по Двинскому, Н.П. Воскобойниковой по Яренскому уездам [5, с. 43-54; 6, с. 384-406; 7; 8, с. 129-140; 9; 13; 14; 15, с. 247-262]. Возможности подобных исследований по другим северным уездам еще далеко не исчерпаны.

Постараемся показать это по одному из густонаселенных уездов Поморья – Устюжскому – в XVII в.

В нем были представлены такие формы собственности, как монастырские и церковные вотчины, государственные (черносошные) земли. Администра-

тивно-территориальное деление внутри уезда включало трети, станы, волости, приходы, погосты. Материалы писцового делопроизводства по Устюгу дошли до нас как в подлинниках, так и в многочисленных списках XVII–XVIII вв. Для нашего исследования принципиальное значение имеют: писцовая книга 1623–1626 гг. письма и меры писцов Н.В. Вышеславцева и подьячего Аггея Федорова, переписные книги «для солдатского сбора на службу» 1658 и 1667/68 гг., переписная книга 1677–1678 гг. и писцовая книга А.И. Лодыженского и подьячего А. Ерофеева 1675–1683 гг. [16, с. 346-348, 350-365]. Данные источники позволяют восстановить генеалогию русского чернососного крестьянства. Отметим, что книги «для солдатского сбора на службу» практически не введены в научный оборот. Однако для установления преемственности поколений именно они являются связующим звеном между началом XVII в. и его второй половиной, поскольку других каких-либо массовых источников между этими хронологическими точками нет, а имеющаяся перепись Устюжского уезда 1646 г. оказалась дефектной, а по сути, обычной копией с писцовой книги 1623–1626 гг.

Автором накоплен уже определенный опыт генеалогических исследований и даже опубликованы родословные чернососных крестьян, выходцев из разных волостей обширного Устюжского уезда – это Аксеновские, Алексеевские, Афанасьевы, Березины, Большаковы, Бородины, Глебовы, Липины, Лукины, Казаковы, Моклоковы, Наволоцкие, Некипеловы, Никоновы, Пьянковы, Трапезниковы, Федотовские, Храповы, Чурины, Шиловские и многие другие [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25, с. 155-158; 26].

В настоящей статье мы обращаемся к старинному чернососному крестьянскому роду Коневых из деревни Веснегово Подосиновской волости Устюжского уезда, из которого, собственно, происходит известный советский полководец Иван Степанович Конев (1897–1973) – маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена «Победа». Это является нашим сенсационным открытием.

Современная деревня Веснегово находится на территории городского поселения Подосиновское Подосиновского района Кировской области России, а ранее входила в Подосиновскую волость Устюжского уезда Архангелогородской губернии, а затем Никольского уезда Вологодской губернии.

Первые упоминания о крестьянской династии Коневых встречаются в описаниях Подосиновской волости Устюжского уезда XVII в. В писцовой книге Устюжского уезда 1623–1626 гг. встречаем в Подосиновской волости такое описание: «Деревни Веснегова на речке на Пушме, а в ней крестьян: во дворе Федка Яковлев Хохряков, да племянник ево Гаврилко; во дворе Онашка Васильев Конев, да брат ево Пронка; во дворе Овдокимко Конев. Пашни паханые средние земли девять чети без полуосмины в поле, а в дву по тому ж. Сена меж поль и по Пушме сорок пять копен. Лесу пашенного четыре десятины, а непашенного восемь десятин. В живущем полвыти и полчети выти. А за остальное сено за остальное сено за дватцать копен оброку десять денег» [27, кн. 507, л. 340 об.-341].

Таким образом, из первоисточника мы узнаем, что деревня состояла из трех крестьянских дворов, а в двух проживали представители рода Коневых, причем они отмечены уже с фамилиями.

Затем в так называемой «солдатской» переписи Устюжского уезда 1658 г. встречаем в Подосиновской волости д. Веснегово; стоит отметить, что сама перепись довольно таки сложна в обработке по отдельно взятой деревне, когда с четырех дворов забирали в солдаты по одному человеку, т.к. она будет разбита на части и встречается по всей волости, что и отражено ниже: «...Деревни Веснегова: во дворе Терентей Евдокимов Коневых, да сын ево Василей, да Иван Аникиев...

Деревни Веснегова: во дворе Малафий Иванов Бучнев, брат ева Василей; во дворе Бажен Ананьин Конев, брат ево Иван, да сын ево Тимофей, да Иван же; во дворе Иван Прокопьев, да Алексей Сидоров Лучнев.

На государеву службу в салдаты Тимофей Баженов Конев...

Деревни Веснегова: во дворе Нифант Евдокимов сын Конев, племянник ево Панкратей Федоров...

На государеву службу в салдаты Нифант Евдокимов Конев» [27, кн. 15041, л. 176, 179 об.-180, 186-186 об.] (за предоставленную информацию приношу благодарность историку А.Г. Ушенину).

Далее, в переписной книге Устюжского уезда 1677/78 г. находим такую запись с представителями уже разросшегося крестьянского рода Коневых: «Волость Подосиновская, а в ней Рождества Богородицы погост на реке на Югу...

Деревня Весня Гора на речке на Пушме: во дворе Фетка, Петрушка Ивановы Коневых. У Фетки дети: Ивашко семи лет, Фетка пяти лет, Никифорко дву лет. У Петрушки сын Якушко полутора года; во дворе Елфимко, Нифанко десяти лет, Ивашко осми лет Баженовы Коняевых. У них же племянники: Галахтионко Васильев; Оска осми лет, Артюшка трех лет Антоновы. В том же дворе Васка Терентьев Конев. У него дети: Памфилко, Якимко трех лет; во дворе Илюшка, Гаврилко Юрьевы Груздевых; во дворе Ивашко Прокофьев Конев; во дворе Ивашко Аникиев Нифантьевых. У него дети: Сенка десяти лет, Левка пяти лет...» [27, кн. 15047, л. 463 об.]. Из упомянутых пяти дворов, в четырех проживали Коневы, причем в одном случае записаны как Коняевы, а в другом прозвищу – Нифантьевых.

И, наконец, последнее, и очень подробное описание в XVII в. дано по писцовой книге Устюжского уезда 1676–1683 гг., где представлены крестьянские дворы, их размеры, поля, леса и пашни, а также границы угодий, поэтому мы представим его в полном объеме, дабы читатель сам воочию смог ознакомиться с данным архивным документом: «Деревня Веснегова Гора на речке на Пушме, а в ней крестьян: во дворе Фетка, Петрушка Ивановы Коневых. У Фетки сын Ивашко. Длина двору восемь сажень, поперег шесть сажень; во дворе Ивашко Прокопьев Конев, в том же дворе Илюшка, Гаврилко Юрьевы Груздевых. Длина двору семь сажень, поперег шесть сажень; во дворе Васка, Елфимко, Нифантко Баженовы Коневых. Длина двору восемь сажень, поперег

пять сажень; двор пуст Юрки Груздева. А он взят в салдаты, а пашню пашут дети ево Илюшка, Гаврилко. Длина двору шесть сажень, поперег четыре сажени; двор и пашни четь впусе Ивашка Аникиева. А он, Ивашко, сшол безвестно, запустел во РОЗ (1668/69 г.) году. Длина двору полсемы сажени, поперег полчетверты сажени. Под огородами и под гумнами полдесятины пашни паханые худые земли семь четей да перелогом четыре чети в поле, а в дву по тому ж. Животинного выпуска меж поль три десятины. Сена меж поль и по речке по Пушме сорок пять копен. Лесу пашенного четыре десятины, а непашенного осмь десятин. В живущем полвыти без полполчети выти, а впусе четь выти. А за остальное сено за семнатцать копен оброку алтын полтретьи денги. З живущего вытного письма государева оброку и за наместнич доход дватцать алтын з денгою. Данных и всяких доходов десять алтын четыре денги. Всего дани и вытного и сенного оброку и с пошлинам рубль полчетверты денги. Межа той деревни з деревнею Андреевскою по старой вечной крепости по речке по речке по Студенице вверх до вершины, а з деревнею Савинскою, а Тетеринская то ж от речки от Пушмы по огороду на угол, а с угла на рубец и по рубцу на ель и с ели на речку Шошур и по речке в сузем, а в Ыванкове поле по огороду по старому межнику от речки Пушмы и до речки Студеницы» [27, кн. 515, л. 438 об.-439 об.].

Итак, мы на примере отдельно взятого черносошного крестьянского рода Коневых из деревни Веснегово, из которого происходит советский полководец Иван Степанович Конев (1897–1973) – маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, произвели сравнительное изучение материалов писцового и переписного делопроизводства Устюжского уезда XVII в., что оказалось весьма продуктивным и открывает дальнейшие перспективы аналогичных историко-генеалогических разработок по другим крестьянским фамилиям Русского Севера.

Источники и литература

1. Богословский, М. М. Земское управление на Русском Севере в XVII в. / М. М. Богословский. – Санкт-Петербург, 1909–1912. – Т. 1–2.
2. Васильев, Ю. С. К вопросу о двинских боярах XIV–XV вв. / Ю. С. Васильев // Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII вв. – Изд. 2-е. – Вологда : Древности Севера, 2013. – С. 86–97.
3. Водарский, Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века: Численность, сословно-классовый состав, размещение / Я. Е. Водарский. – Москва, 1977.
4. Водарский, Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.) / Я. Е. Водарский. – Москва : Наука, 1973. – 263 с.
5. Воскобойникова, Н. П. Описание Устюга Великого и Устюжского уезда в 80-х гг. XVII в. / Н. П. Воскобойникова // Материалы научных чтений памяти Петра Андреевича Колесникова. – Вологда : Русь, 2000. – С. 43–54.
6. Воскобойникова, Н. П. Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых-Хлызовых / Н. П. Воскобойникова // Археографический ежегодник за 1966 г. – Москва, 1968. – С. 384–406.
7. Воскобойникова, Н. П. Родословная Житковских / Н. П. Воскобойникова. – Москва : Древлехранилище, 2009. – 122 с.
8. Воскобойникова, Н. П. Род крестьян Щепоткиных / Н. П. Воскобойникова // Вспомогательные исторические дисциплины. – Ленинград, 1983. – Вып. XV. – С. 129–144.

9. Колесников, П. А. Город Тотьма в XVII веке (к вопросу о социально-экономической истории поморского города) : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / П. А. Колесников // Тотьма: краеведческий альманах. – Вологда, 2001. – Вып. 3. – С. 180–277.
10. Колесников, П. А. Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграций поморского населения в XVI–XVIII вв. / П. А. Колесников // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С. 182–196.
11. Колесников, П. А. Путешествия в родословия / П. А. Колесников. – Вологда : Русь, 1997. – 213 с.
12. Колесников, П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX вв. / П. А. Колесников. – Вологда : Северо-Западное книжное издательство, 1976. – 416 с.
13. Копанев, А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. / А. И. Копанев. – Ленинград : Наука, 1978. – 245 с.
14. Копанев, А.И. Крестьянство Русского Севера в XVII в. / А. И. Копанев. – Ленинград : Наука, 1984. – 244 с.
15. Носов, Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России / Н. Е. Носов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Ленинград, 1968. – Вып. I. – С. 247–262.
16. Писцовые книги Русского Севера / сост. Н. П. Воскобойникова. – Москва, 2001. – Вып. 1.
17. Пшеницын, Д. А. Волость Кичменга, а в ней деревня Борисовская и Вороново, Булышево и Бобровское тоже: династия государственных крестьян Алексеевских в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.) / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2019. – 79 с.
18. Пшеницын, Д. А. Волость Енанга, а в ней деревня Левашово, а Аксеновщина тож на речке на Енанге: Династия государственных крестьян Аксеновских в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.): деревня Аксеновщина, сельское поселение Енангское Кичменгско-Городецкого района / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2020.
19. Пшеницын Д.А. Волость Кичменга, а в ней деревня Субботино на реке на Югу: династия государственных крестьян Наволоцких в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.) / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2020. – 88 с.
20. Пшеницын, Д. А. Волость Сараева и Святица, а в ней Троицкой погост на речке на Кичменге: Династия государственных крестьян Пьянковых в истории Кичменгского края (XVI–XXI вв.): Деревня Якшинская (Подол), Городецкое сельское поселение, Кичменгско-Городецкий район / Д. А. Пшеницын. – Вологда; Великий Устюг, 2021. – 89 с.
21. Пшеницын, Д. А. Волость Халеская, а в ней погост на реке на Югу / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2015. – 196 с.
22. Пшеницын, Д. А. Волость Шарженга, Халезец и Березовец: династия государственных крестьян Шиловских в истории Никольского края (XVI–XXI вв.) / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2019. – 78 с.
23. Пшеницын, Д. А. Деревня Сырощапово, а Серкино тож на речке на Городишной. Династия государственных (черносошных) крестьян Храповых в XVII–XXI вв. / Д. А. Пшеницын. – Архангельск, 2017. – 89 с.
24. Пшеницын, Д. А. Династия государственных крестьян Федотовских в истории родного края XVII–XXI вв. / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2015. – 82 с.
25. Пшеницын, Д. А. Род Саблиных в XVI–XVII вв.: Опыт историко-генеалогического исследования / Д. А. Пшеницын // Русский Север-2017: проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия : сборник материалов межрегиональной научной конференции МБУК «Тотемское музейное объединение» / вып. ред. А. М. Новоселов. – Тотьма ; Вологда, 2017. – С. 155–158.
26. Пшеницын, Д. А. Родословная семьи Чуриных: Династия государственных крестьян Чуриных в истории Нюксенского края (XVI–XXI вв.) / Д. А. Пшеницын. – Вологда, 2020. – 151 с.

27. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1209 (Поместный приказ). – Оп. 1. – Кн. 506, 507, 511–516, 15040, 15041, 15047.

28. Швейковская, Е. Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII в. / Е. Н. Швейковская. – Москва : Археографический центр, 1997. – 283 с.

29. Швейковская, Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере: Конец XVII – начало XVIII вв. / Е. Н. Швейковская. – Москва, 1976.

Н.В. Зовутина

Кирилло-Белозерский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник (г. Кириллов)

ФИЛЬМЫ, СНЯТЫЕ НА КИРИЛЛОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Статья посвящена художественным фильмам, съемки которых проходили на кирилловской земле в период с 1970 по 2018 годы. В ней сообщается, почему Кирилловский район и Кирилло-Белозерский монастырь привлекали внимание кинематографистов, рассказывается о тематике снятых здесь фильмов и известных актерах, принимавших участие в них. В статье можно познакомиться с воспоминаниями местных жителей, которые наблюдали за съемками и принимали участие в съемочном процессе.

The article describes the feature films made in the Kirillov district from 1970 till 2018. It says why the Kirillov district and the Kirillo-Belozersky Monastery attracted cinematographers' attention. It also tells about the films made here and the famous actors who acted in them. The article contains the memories of the local residents who participated in shooting.

Ключевые слова: Кирилло-Белозерский монастырь, киносъемки, кирилловская земля, актеры массовых сцен.

Key words: the Kirillo-Belozersky Monastery, filming, the Kirillov district, background artists.

27 августа в России ежегодно отмечается День российского кино – праздник профессиональных кинематографистов и всех, кто поддерживает и любит российское кино. Вологодская область тесно связана с кинематографией, в регионе снято около 40 фильмов. Почти для двух десятков из них съемочной площадкой стал Кирилловский район, на территории которого было снято одиннадцать художественных, несколько документальных фильмов, а также серии нескольких телепроектов. В Кирилловском районе было снято больше художественных кинокартин, чем в других районах Вологодской области.

На кирилловской земле кинематографистов привлекает нетронутая цивилизацией северная природа, архитектурные ансамбли древних монастырей и отсутствие многоэтажной застройки, закрывающей исторические виды.

Здесь были сняты фильмы различной тематики: исторические драмы («Пелагия и белый бульдог», «Раскол», «Монах и бес»), фильмы о революционных событиях («Достояние республики», «Крестьянский сын», «Гармония.

Город счастья»), жизни в стране в первые годы советской власти («Обитель»), о Великой Отечественной войне («Апостол») и о современной жизни («Земляки», «Грешная любовь», «Роман с кокаином»).

Первым громким фильмом, частично снятым в Кириллове и его окрестностях, стал лидер кинопроката 1972 г. «Достояние республики». За год проката кинолента собрала на своих сеансах более 47 миллионов зрителей, что позволило ей занять пятое место в СССР по кассовым сборам. Это один из самых известных и любимых многими поколениями фильм.

Съемки кинофильма проходили в Москве, Ленинграде, а вот декорации для съемок второй серии киноленты были выбраны постановщиками в Вологодской области. Как оказалось, прежде чем попасть в Кириллов, съемочная группа киностудии им. М. Горького объездила всю центральную Россию. Она побывала во Владимире, Суздале, Ростове, Загорске, но выбрала Кириллов, который привлек памятниками старинного зодчества. В Кирилло-Белозерском и Ферапонтовом монастырях снимали логово бандитов-лагутинцев, в окрестностях деревни Щелково проходили съемки эпизодов «погони с фургоном», а в кадрах с бродячим цирком хорошо узнаются виды Соборной горки и Вологодского кремля. Съемки картины проходили в августе и сентябре 1970 года. Приезд съемочной группы для маленького городка стал знаменательным событием, ведь среди актеров были настоящие звезды того времени: Андрей Миронов, Олег Табаков, Спартак Мишулин и другие [5, с. 1].

Большую гордость испытывали кирилловцы, узнавая себя и знакомых в массовых эпизодах киноленты, так как многие кадры фильма были сняты с их участием. Одних можно увидеть в рубахах бандитов-лагутинцев, других – в форме красноармейцев. Актерам массовых сцен платили по рублю в день, а тем, кто приводил для съемок лошадь, – по пять рублей.

О своем участии в съемках кинокартины «Достояние республики» помнит уроженец города Кириллова, инженер-физик, кандидат технических наук С.Г. Никешин. В фильме ему пришлось падать в битый кирпич с «ножом» в груди, бросаться в кавалерийские атаки, стрелять из настоящего оружия, превращаться то в отъявленного бандита, то в красноармейца.

Почти весь процесс съемок «Достояния республики» удалось запечатлеть на пленку нашему земляку Константину Церковницкому. В интервью череповецкому журналисту Сергею Рычкову он делился своими любопытными воспоминаниями о том, что происходило на съемочной площадке: «Меня поразило, как не жалели ни денег, ни людей, ни животных. Наши мужики приводили своих лошадей, а после исполнения трюков получали калек. Своих лошадей москвичи привезли мало, а наши-то лошади не научены выполнять всякие подсечки и преодолевать препятствия» [3, с. 11].

Большой интерес у местных жителей вызвал верблюд, которого привезли в Вологодскую область для участия в съемочном процессе. Не сразу Андрей Миронов нашел общий язык с этим животным. Верблюд, за скверный характер получивший кличку «Китайский провокатор», с самого начала невзлюбил Миронова и все время пытался укусить его. Оказалось, что причиной такой не-

приязни являлся одеколон, которым пользовался актер. Когда Миронов перестал пользоваться им перед съемкой, отношения с верблюдом наладились [5, с. 7].

В картине присутствует большое количество захватывающих эпизодов с погоней. Все трюки проводились профессиональными каскадерами. Для конных трюков в фильм был приглашен Петр Деамидович Тимофеев, создатель в СССР первой школы каскадеров. В фильме «Достояние республики» Петр Тимофеев дублировал Олега Табакова (сцена прыжка на воз сена) [5, с. 3].

Многие каскадерские элементы совершались абсолютно без соблюдения правил безопасности и страховки. Не обошлось здесь и без трагедий. Во время съемок эпизода «перелет на тросе с одной башни на другую» едва не погибли два каскадера. Вместо того чтобы плавно опуститься на крышу монастырской стены, каскадеры упали вниз. Резкое падение актеров на крышу хорошо видно в кадре фильма [5, с. 4].

В январе премьеры кинокартины «Достояние республики» прошли в кинотеатрах Вологды, Череповца и Кириллова. Режиссер Владимир Бычков, выступая на премьере в Кириллове, сказал: «Объехав 25 монастырей, мы остановились на вашем Кирилло-Белозерском монастыре. Что нашли мы здесь? Нашли прекрасные места, очень своеобразное и потому прекрасное сочетание старинных архитектурных ансамблей с удивительными по красоте пейзажами, чисто русскую и очень яркую самобытность нашего северного озерного края...» [1, с. 87, 88].

Спустя четыре года Ирина Тарковская (супруга Андрея Тарковского) на кирилловской земле сняла свою лучшую, по мнению критиков, картину «Крестьянский сын». Интересно, что оба фильма «Достояние республики» и «Крестьянский сын» были приключенческими и рассказывали об одной эпохе – Гражданской войне. Фильм предназначался для юношеской аудитории. В нем снимались: Леонид Марков, Георгий Бурков, Лев Дуров и другие. Лента посвящена памяти юного партизанского разведчика Кирилла Баева, сражавшегося в 1918 г. вместе со своим отрядом за советскую власть на Алтае. В 1977 г. фильм отмечен специальным дипломом жюри на X фестивале в Риге и награжден «Золотой медалью» на XIX кинофестивале неореалистических фильмов в Авеллино [7, с. 2].

В 2008 г. на территории Кирилло-Белозерского монастыря снимался еще один фильм на тему Гражданской войны – «Гармония. Город счастья». В сериале рассказана история капитана первого ранга Никольского, профессионального путешественника и знатока Азии, который бредит экспедицией на Тибет в грозном 1917 г. для поиска города гармонии и счастья. Идею капитана поддерживает старый игумен – настоятель одного из крупных монастырей на Севере России. Этот объект для съемок и воплотил Кирилло-Белозерский монастырь. На его территории были сняты сцены красного террора и расправы над священниками и белыми офицерами. Сериал не был завершен, но в видеоролике к фильму, вышедшему в сети интернет, можно увидеть эпизоды, отснятые и на кирилловской земле. У местных жителей, участвовавших в масковке, сохранились фотографии со съемок картины [1, с. 117].

В 1997 г. в город Кириллов приехала съемочная группа художественного фильма «Грешная любовь» во главе с режиссером-постановщиком Александром Полынниковым и известными актерами Анной Назарьевой, Андреем Смоляковым, Денисом Никифоровым, Сергеем Никоненко и другими.

Основная часть съемок проходила на территории Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. Режиссер снимал мелодраму, а монастырь нужен был только потому, что главная героиня работала экскурсоводом на его территории [1, с. 107, 108].

В очередной раз кирилловская земля привлекла внимание кинематографистов в 2006 г. В Кириллове, на территории Кирилло-Белозерского монастыря и в местечке Топорня проходили съемки сериала «Апостол». В основе сюжета фильма – противостояние двух разведок: НКВД и Абвера. Кирилло-Белозерский монастырь поменял облик еще в июне, на его территории можно было увидеть элементы лагеря для военнопленных, которые являлись декорациями к фильму: нацистская символика и надписи на немецком языке, колючая проволока на стенах, тюремные бараки, смотровая вышка. Из музея-заповедника для съемок сделали немецкую разведшколу времен Великой Отечественной войны.

В сериале снимались известные актеры Евгений Миронов, Николай Фоменко, Александр Баширов и другие, а также профессиональная актриса театра и кино, уроженка города Вологды, Валерия Забегаева. Интересно, что она целый год жила в городе Кириллове, когда училась в культпросветучилище, общежитие которого находилось в одном из зданий бывшего Кирилло-Белозерского монастыря.

Для местных мужчин был проведен кастинг для участия в массовке. Житель города Кириллова Федор Алексеевич Карганов (1925 г. р.) получил персональное предложение на съемки. Играть немца он сразу отказался, пояснив, что «он их бил на Курской дуге». Играть «фашистов» соглашались не все... В фильме актеры массовых сцен играли курсантов, немецких офицеров, заключенных, разведчиков, а женщины – санитарок. С участием местных жителей снимались наиболее интересные эпизоды фильма «драка в столовой», «взрыв в школе Абвера», «расстрел».

Сериал начинал снимать Геннадий Сидоров, а продолжил и закончил другой режиссер – Юрий Мороз.

В 2010 г. Геннадий Сидоров снимал в Кириллове сериал «Роман с кокаином», который навсегда остался последним фильмом режиссера.

Юрий Мороз опять работал на Кирилловской земле в 2008 г. над фильмом «Пелагия и Белый бульдог» – это сериал о приключениях монахини-сыщицы Пелагии, из романа Бориса Акунина «Пелагия. Белый бульдог». Сам писатель Борис Акунин неоднократно бывал в наших краях. В своем романе он описывает город Заволжск, который стоит на большой реке. Эти пейзажи и снимали в Кириллове. По признанию режиссера, без кирилловских пейзажей передать эстетику книги Бориса Акунина не получилось бы. На роль главной

героини – монашки Пелагии автор произведения сам выбрал актрису Полину Кутепову. Участие в съемках приняли местные жители: играли монахов, батюшек, старушек, прихожан [1, с. 118].

С тех пор здесь снимался целый ряд фильмов и сериалов, где так или иначе рассказывалось о монашеском бытии. В 2010 г. режиссер Николай Досталь на территории монастырей Кирилло-Белозерского и Ферапонтово работал над 20-серийным историческим фильмом «Раскол», в котором запечатлен тяжелейший период русской истории – истории раскола Русской Православной церкви в XVII в. Фильм рассказывает о судьбах исторических лиц: царя Алексея Михайловича и его сына Федора Алексеевича, братьев Морозовых, боярыни Феодосии Морозовой, о церковных реформах патриарха Никона и ярких противниках этих реформ во главе с протопопом Аввакумом.

Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри были не только хорошими декорациями к фильму, с ними связана реальная жизнь патриарха Никона, который в 1660 г. был лишен патриаршей кафедры, а в 1666 г. отправлен в ссылку в северные монастыри.

Основные роли в сериале играли неизвестные актеры, а некоторые были дебютантами в кино. В массовке жителям города Кириллова предстояло играть роль стрельцов, монахов и обычных прохожих.

Работа над «Расколом» навела Н. Досталь на мысль о следующем проекте – фильме «Монах и бес». Когда снимали «Раскол», Николай Досталь ездил в Нило-Сорскую пустынь, читал книги о Нило-Сорской пустыни и насельниках этой обители [8, с. 3].

В 2015 году режиссер вновь приехал в Кириллов для съемок очередной ленты. Сюжет фильма разворачивается в XIX в. Главные герои – монах Иван Семенович и бес по имени Легион. Иван Семенович имеет два прототипа: Ивана Семеновича Шапошникова, монаха Нило-Сорской пустыни, пойманного в молодости беса в рукомойнике, и Ивана Новгородского, сумевшего приручить беса.

За время работы над фильмом группа побывала не только на Вологодчине, но и в древнем иорданском городе Петра, и на берегу Мертвого моря, а также в Крыму. Премьера картины состоялась в июне 2016 г. на Московском международном кинофестивале. Фильм был удостоен премий «Золотой орел» и «Ника».

Из 11 фильмов, снятых на кирилловской земле, четыре являются экранизациями произведений писателей: «Крестьянский сын» Раисы Григорьевой, «Земляки» Ивана Васильева, «Роман с кокаином» Марка Агеева, «Обитель» Захара Прилепина. Остальные сняты по оригинальным сценариям.

В 2018 г. по заказу телеканала «Россия-1» и при финансовой поддержке Министерства культуры РФ на территории Кирилло-Белозерского монастыря проходили съемки восьмисерийного художественного фильма «Обитель».

Главные роли в фильме исполнили Евгений Ткачук, Александра Ребенок, Сергей Безруков, Виктор Раков и другие. Премьера ленты состоялась в мае

2021 г. на телеканале Россия-1. Роман повествует о жизни в конце 20-х гг. XX в. в Соловецком лагере особого назначения, где действовали свои суровые законы.

Именно Соловецкую обитель должен был представлять древний Кирилло-Белозерский монастырь: монастырская Поварня была лагерным театром, возле домика келаря был возведен лазарет, а в Кузнечной башне находился карцер чекистов. В массовке получили роли жители Кириллова, Вологды, Череповца. Самые яркие их впечатления были связаны с совместными сценами с актером Сергеем Безруковым.

Очевидно, что Кирилло-Белозерский монастырь еще не раз послужит местом для съемок как исторических, так и современных фильмов. И хотя местными жителями такое событие, как съемки фильма, теперь воспринимается как привычное явление, каждый новый фильм – большая радость, ведь так приятно увидеть новую увлекательную историю, разворачивающуюся на фоне знакомых и любимых пейзажей [4, с. 4].

Источники и литература

1. Канунова, Т. Н. Кино Вологодчины / Т. Н. Канунова. – Вологда : Вологодский обл. информ. центр, 2013. – 269 с.
2. Кузьмин, А. Кто в артисты – шаг вперед / А. Кузьмин // Новая жизнь. – 2006. – 12 августа (№ 92). – С. 3.
3. Миропольский, Б. Судьба каскадера: трагедия на съемках «Достояния республики» / Б. Миропольский // Ступени вологодские. – 2004. – 16 сентября. – С. 11, 12.
4. Мишинцева, В. В. Фильмы, снятые на Кирилловской земле / В. В. Мишинцева. – URL: https://kirmuseum.org/sites/default/files/ebook/2018/3480_file.pdf (дата обращения: 11.11.2021). – Текст : электронный.
5. Мякушева, Л.Г. Год российского кино – 2016. Достояние республики. 1972 / Л. Г. Мякушева. – URL: https://kirmuseum.org/sites/default/files/ebook/2018/3481_file.pdf (дата обращения: 11.11.2021). – Текст : электронный.
6. Рычков, С. Звезды кирилловского кино / С. Рычков // Красный Север. – 2007. – 22 марта (№ 37). – С. 3.
7. Смирнова, А. В. Киносъемки на кирилловской земле / А. В. Смирнова. – URL: https://kirmuseum.org/sites/default/files/ebook/2018/4870_file.pdf (дата обращения: 11.11.2021). – Текст : электронный.
8. Шигарева, Ю. Режиссер Николай Досталь: «Русский дух неистребим» / Ю. Шигарева // Аргументы и факты. – 2014. – 23 июля (№ 30). – С. 3.
9. Шорохов, Р. Я ж на Севере родилась / Р. Шорохов // Русский Север. – 2008. – 9 апреля (№ 13). – С. 20.

М.Л. Федоров
кандидат филологических наук
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН. (г. Москва)

**ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ
В ЛИТЕРАТУРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО)**

Литература периода Великой Отечественной войны в поисках своего героя обратилась к историческому прошлому Средневековой Руси. Это стало возможным после критики на государственном уровне научной концепции главного историка страны М.Н. Покровского. В статье на материале поэзии Демьяна Бедного анализируются особенности изображения героического в литературе ВОВ. Особое место отводится изображению подвига героя-ребенка, берущему начало в русской духовной православной культуре.

The literature of the Great Patriotic War period, in search of its hero, turned to the heroic past of Medieval Russia. This became possible after the rejection of the scientific concept of the country's chief historian M. N. Pokrovsky. The article analyzes the features of the image of the heroic in the literature of the Second World War on the material of the poetry of Demyan Bedny. A special place is given to the image of the hero's feat-a child, originating in the Russian spiritual Orthodox culture.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Средневековая Русь, Демьян Бедный, патриотизм, М.Н. Покровский, герой-ребенок

Keywords: The Great Patriotic War, Medieval Russia, Demyan Bedny, patriotism, M. N. Pokrovsky, child hero

Если в 1920-е гг. официальный исторический курс молодого советского государства был связан исключительно с научной школой М.Н. Покровского, то в начале 1930-х гг., перед лицом неизбежной войны с фашистской Германией, понимание исторического прошлого партией и правительством претерпело существенную трансформацию. Главный историк страны Покровский говорил об интернационализме, делал акценты на негативных и темных сторонах истории России. Историка обвиняли в том, что его концепция «лишена чувства родины», а его труды отличает «вульгарный социологизм».

В связи со значительно усложнившейся к середине 1930-х гг. внешнеполитической ситуацией (ввод германских войск в Рейнскую область, оккупация Эфиопии Италией, гражданская война в Испании, складывание агрессивного блока Германии, Италии и Японии и т.д.) научная концепция Покровского на государственном уровне была подвергнута суровой критике. После этого возобновили свою деятельность исторические факультеты при Московском и Ленинградском университетах. Вскоре была закрыта Комакадемия (председателем которой до своей смерти в 1932 г. был М.Н. Покровский). А вершиной

разгрома школы Покровского стал выпущенный в 1939–1940 гг. в Академии наук двухтомный сборник статей, критикующих концепцию историка [6].

Страна на пороге войны вспомнила о своем героическом прошлом, читателям вернули древнерусскую литературу (даже такой шедевр средневековой письменности, как «Слово о полку Игореве», был изъят из всех библиотек в начале 1920-х гг.). Была реабилитирована сказка, народная и литературная, вернулись к русской песне и к казачьему фольклору.

В 1937 г. в журнале «Историк-марксист» была напечатана статья «К вопросу о крещении Киевской Руси» [1], где доказывалась мысль, что принятие христианства было не средством порабощения трудящихся, как считал Покровский, а продуманным прогрессивным политическим решением.

Примечательно, что, говоря о заимствовании достижений Византии, подчеркивался ограниченный характер зарубежного влияния на славян. Речь шла только о «некоторых элементах». При реабилитации и христианства, и Православной церкви указывалось на непонятую историками «прогрессивную роль монастырей в первые века после крещения Руси как рассадников письменности и колониционных баз» [5, с. 2].

«Утверждавшиеся в идеологии новые схемы (построение социализма в одной стране, отказа от идеи мировой революции, вождизма, доходящего до культа личности) требовали нового понимания отечественной истории, резко отличавшегося от тех воззрений, которые пропагандировались в 1920-х гг. От интернационализма к патриотизму и великодержавию, от критических оценок отечественного прошлого к его возвеличению – такой поворот проделывал официальный курс. <...> Среди историков в устной форме распространялся лозунг “Назад к Ключевскому!”» [3, с. 147-148].

Литература, которая в советское время, как известно, занималась «инженерией» человеческих душ и формовкой читателей, принялась внедрять новое понимание истории в массы. И одним из первых в эту работу включился Демьян Бедный – старый большевик, друг Ленина, воспринимающий себя, прежде всего, не поэтом, а летописцем великой эпохи, в которую ему довелось жить.

«Участвовать в революции – это значит: выполнять любое задание революции, не брезгуя никакой темой и формой, варясь, так сказать, в творческом соку революционной жизни, шагая ногой в ногу рядом со своим читателем, революционным пролетарием и крестьянином, а не пребывая от него на дальнем расстоянии, “на горе”, “у алтаря”» [2, с. 293]

Не сразу поняв, как перед началом Великой Отечественной войны поменялась идеология, Демьян Бедный долгое время оставался верным концепции Покровского, за что в первой половине 1930-х гг. он получил от правительства и лично от Сталина суровые упреки и нарекания, дошедшие до того, что его исключили из партии. Но накануне войны, осознав и преодолев ошибки, он вернулся в литературу и с новыми силами стал обслуживать режим.

Время потребовало жанра, в котором поэт чувствовал себя максимально свободно и который в 1910–20-е гг. принес ему популярность, – агитационная

поэзия. Демьян Бедный пишет стихи, поэмы, пьесы. Кардинальным образом изменилось у него понимание русской истории. Теперь именно в ней он находит источник вдохновения для своей поэтической деятельности, а легендарные военачальники прошлого: Александр Невский, Дмитрий Донской, А. Суворов, М. Кутузов и др. становятся героями его произведений:

Но – в испытаньях ты тверда.
Уже не раз, не два чужая
Остервенелая орда
Шла на тебя, уничтожая
Твои деревни, города.
Но на кровавых именинах
Умела ты принять гостей:
О, сколько на твоих равнинах
Истлело вражеских костей!
Ты отстоять себя сумела,
И слава о тебе гремела:
«Все, кто искал на Русь пути,
Ее природу знали скудно:
В Россию вторгнуться – нетрудно,
Трудней – назад живым уйти!» [2, с. 50]

В поэтическом мире Демьяна Бедного оживают великая история Новгорода и знаменитые средневековые победы русской армии, например Ледовое побоище:

Преданья озера Чудского,
Великий подвиг старины
Освободителями Пскова
Сегодня вновь воскрешены! [2, с. 136]

В наш гордый Новгород ворвались гориллы!
Что все святыни для зверей?
И памятников медь, и мрамор алтарей
Кощунственно громят фашистские громилы! [2, с. 108]

В 1936 г. суровой критике подверглась пьеса Демьяна Бедного «Богатыри», в которой он высмеивал летописное предание о Крещении Руси. Теперь, наоборот, он создает фольклорный, обобщенный образ древнерусского богатыря-защитника:

Как в старину на подвиг ратный
Богатырю силач-кузнец
Работой чудной меч булатный
Преображал в меч-кладенец,

Так в наши дни его потомки
И день и ночь не устают:
Оружье, танки-костоломки
Богатырям своим куют! [2, с. 150]

С агитационной целью, чтобы поднять патриотических дух, пролетарский поэт находит пронзительные слова, рассказывающие о героизме русской женщины во время войны. В моменты тяжелейших испытаний, которые переживает страна, весь народ, вместе с женами и детьми, включается в ратный подвиг:

В «двенадцатом году» – кавалерист-девица
И в «Крымскую войну» – отважная сестрица,
Она в дни Октября в «семнадцатом году»
Шла в Красной Гвардии в передовом ряду.
Да, русской женщине недаром мир дивится! [2, с. 52]

Многое из того, что было создано им в этот период, не отличалось особой художественной ценностью и не пережило время. Эти стихотворения писались поэтом на злобу дня, но среди них находились и произведения, свидетельствующие о былом поэтическом таланте их автора.

Особое значение приобретает у Демьяна Бедного образ героя-ребенка, навеянный древнерусскими летописными преданиями и православными святыми. Одно из его лучших произведений, рисующих подвиг ребенка, – стихотворение «Месть», которое впервые было опубликовано в «Комсомольской правде» (1943, № 7, 9 января). Чуть позже оно вошло в сборник советских поэтов «Стихи о Сталинграде» (1944). Демьян Бедный написал притчу, образность которой позволяет соотнести ее с библейскими книгами и с агиографическими памятниками средневековой письменности. Главный герой стихотворения – мальчик, убитый немцами, – вырастает до евангельского образа.

Как-то утром – при солнечном первом луче –
Мальчик с голубем белым на левом плече
Вдруг без крика на снег повалился, на белый,
К солнцу лик обернув помертвелый.
Вечным сном он в могиле безвременной спит,
Был он немцем убит [2, с. 125].

Образ ребенка с белым голубем многомерен, семантически сложен и соотносится и с ангелом, и с чудом Благовещения, а голубь отсылает к традиционной символике Святого Духа. Помимо этого, убитый святой младенец – популярный в народной религиозной практике герой. Демьян Бедный, который всегда интересовался русским фольклором, конечно, не мог не знать о столь

почитаемых в народной культуре святых отроках – царевиче Дмитрие Угличском, Гаврииле Белостокском, Иакове Боровичском, Иоанне и Иакове Меньюжских, Артемии Веркольском. «Почитание русскими невинно убиенных молодых людей могло корениться в языческих представлениях о сверхъестественной силе внезапно прерванной молодости (*вила*) или в более общем почитании умерших членов рода; однако за ними стоят и христианские образцы, такие как Авель и сам Христос» [4, с. 28].

Подобно святым отрокам, герой произведения Демьяна Бедного совершает посмертные чудеса.

Но о нем – неживом – пошли слухи живые,
Проникая к врагам через их рубежи,
В их ряды, в охранения сторожевые,
В их окопы и в их блиндажи.
По ночам, воскрешенный любовью народной,
Из могилы холодной
Русский мальчик встает
И навстречу немецкому фронту идет.
Его взгляд и презреньем сверкает и гневом,
И, все тот же – предсмертный! – храня его вид,
Белый голубь сидит
На плече его левом [2, с. 125].

Убитый мальчик становится символом мести и веры народа в высшую справедливость. Созданный поэтом герой – собирательный образ, сочетающий в себе народные представления о жертвенности и праведности. И здесь уместно вспомнить об особом почитании, с которым «русское благочестие относится к младенцам, погибшим насильственной смертью. Здесь жертвенное заклание соединяется с младенческой чистотой» [7, с. 212]. И если традиционная официальная идеология в качестве образа страдания и силы духа непокоренного народа выбирает Родину-мать, то Демьян Бедный изображает невинного ребенка, тем самым заставляя стихотворение звучать особенно пронзительно.

Вражьи пушки стреляют в него и винтовки,
Самолеты ведут на него пикировки,
Рвутся мины, и бомбы грохочут кругом,
Но идет он спокойно пред пушечным зевом,
Белый голубь сидит на плече его левом [2, с. 125].

Заканчивается стихотворение почти монументальным, иконописным образом святого отрока:

Но о мальчике русском все ширилась повесть.
В него веры не выжечь огнем,
Потому – это месть,
это мысль,
это совесть!
И о нем говорят всюду ночью и днем.
Говорят, его видели под Сталинградом:
По полям, где судилось немецким отрядам
Лечь костями на холодной, на снежной парче,
Русский мальчик прошел с торжествующим взглядом,
Мальчик с голубем белым на левом плече! [2, с. 125]

Сегодня военная лирика Демьяна Бедного забыта не только читателями, но и исследователями. Уже немолодой и страдающий от болезней, поэт, который не в состоянии был выезжать на фронт, помогал Победе, как мог – своими стихами. Демьяну Бедному довелось увидеть и отпраздновать Великую Победу, но вскоре после этого, 25 мая 1945 г., его не стало.

Источники и литература

1. Бахрушин, С. В. К вопросу о крещении Руси / С. В. Бахрушин // Историк-марксист. – 1937. – №2. – С. 40-77.
2. Бедный, Д. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5 / Д. Бедный. – Москва ; Ленинград : ГИХЛ, 1954. – 383 с.
3. Дубровский, А. М. Как Демьян Бедный идеологическую ошибку совершил / А. М. Дубровский // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX веков. – Брянск, 1996. – С. 147-148.
4. Левин, И. Двоеверие и народная религия в истории России / И. Левин. – Москва : Индрик, 2004. – 214 с.
5. Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР // Правда. – 1937. – № 231. – С. 2.
6. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского : сборник статей. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР. Ч. 1 – 1939, Ч. 2 – 1940.
7. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – Москва : АСТ, 1990. – 700 с.

**УСТНАЯ ЛЕГЕНДА О ЧУДЕ ИКОНЫ БОГОМАТЕРЬ ЗНАМЕНИЕ
ПРИ ОСАДЕ НОВГОРОДА 1170 Г.:
ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И СОДЕРЖАНИЯ**

В работе поставлена цель реконструировать предполагаемое содержание устной легенды о чуде иконы Богоматерь Знамение при осаде Новгорода 1170 г. На основе анализа Новгородской первой летописи старшего извода, летописей, восходящих к Краткому новгородскому летописцу, и «Сказания о битве новгородцев с суздальцами» делается попытка выделить составные части словесной фабулы о сражении.

The aim of the work is to reconstruct the supposed content of the oral legend about the miracle of the icon of the Mother of God the Znamenie during the siege of Novgorod in 1170. Based on the analysis texts of the Novgorod first Chronicle of the elder Izvod, chronicles dating back to the Brief Novgorod Chronicler, and the «Legend of the Battle of the Novgorodians with the Suzdalians», an attempt is made to identify the components of the verbal plot about the battle.

Ключевые слова: Андрей Боголюбский, икона Богоматерь Знамение, Новгород.

Keywords: Andrey Bogolyubsky, icon of the Mother of God the Znamenie, Novgorod.

Сюжет о чуде знаменской богородичной иконы при осаде Новгорода альянсом северовосточных княжеств в 1170 г., будучи популярным на Северо-Западе Руси, читается в целом ряде летописных и литературных памятников. Самое раннее сообщение о битве читается в Новгородской первой летописи (далее – НЛ) старшего извода. Причем сведения Синодального списка до 1234 г., к которым относится и известие об осаде 1170 г., были переписаны в XIII в., то есть минимум через несколько поколений после самого сражения. А читаемое известие, возможно, восходит к записи современника осады – новгородского книгописца Г. Вояты, трудившегося в 1144–1188 гг. Тем не менее, если проанализировать сообщение Синодального списка, то окажется, что в нем о чуде богородичной иконы ничего не сказано [9, с. 33]. Заступничество образа Богоматери впервые фиксируется в гипотетически реконструируемом Кратком новгородском летописце (далее – КНЛ). Этот памятник можно датировать 40-ми гг. XIV в. согласно исследованию Е.Л. Конявской [5, с. 51], чуть позднее, около 1355 г., появляется и первое литературное произведение – «Слово о Знамени Пресвятой Богородицы» (или «Сказание о битве новгородцев с суздальцами») [10, с. 355]. Между НЛ ст. изв., КНЛ и «Словом о Знамени» хронологическая разница в написании примерно в 50–100 лет.

Иных известных новгородских источников XIII–XIV вв., описывающих осаду города св. Софии 1170 г., у нас нет. Возникает закономерный вопрос – откуда появились чтения о чуде знаменской богородичной иконы?

Фактически мы имеем дело с классической для древнерусской истории ситуацией, когда с течением времени источники «прирастают» подробностями об одном и том же событии. Собственно, в этом заключается одна из ключевых источниковедческих проблем для медиевистов-русистов – вычленив из поздних текстов «наслоения» новой информации и изучить их.

На данный момент единственный вариант заключается в том, что информация о чуде была привнесена авторами КНЛ и «Слова о Знамени» из словесного повествования, в котором и была развита мысль о заступничестве образа Богородицы. Касательно генезиса этого предполагаемого устного источника, то Е.Л. Конявская считала, что «легенда должна была возникнуть как устное предание в самое ближайшее время после 1170 г.» [6, с. 136] Аргументируется это следующим: «По справедливому замечанию А.А. Гиппиуса, о князе Романе, фигурирующем в тексте Краткого новгородского летописца, могли не забыть составители письменного повествования только в том случае, если память о его роли в событиях поддерживалась устной традицией (и связанной с ним датой праздника)» [6, с. 136]. Но, во-первых, князь Роман Галицкий упоминается в НЛ, на сообщение которой опирался автор КНЛ [9, с. 33]. Во-вторых, в указанной летописной записи Синодального списка о чуде ничего не говорится.

Тем не менее, стоит признать, что предположение Е.Л. Конявской верно. В таком случае словесная традиция существовала и передавалась почти 200 лет, сосуществуя с письменным описанием. В тексты же устная легенда попала только в 40–50-х гг. XIV в., поскольку, опять же, в НЛ ст. изв. она не читается.

Куда большая проблема связана с содержанием изучаемой «устной хроники». Сложности выделения подобных источников из письменных материалов, по мнению И.Н. Данилевского, заключаются в том, что «пока не будут строго определены и сформулированы критерии, позволяющие отличать тексты, восходящие к фольклорным преданиям, от тех, в основе которых лежат письменные произведения, решение этой проблемы будет оставаться в области интуитивных догадок» [3, с. 87-88]. Более того, «до сих пор не разработана методика, позволяющая вычленив в известных текстах информацию, восходящую к устным источникам» [3, с. 88].

Знаменская словесная легенда в этом смысле выделяется – как отмечала Е.Л. Конявская: «Никаких отзвуков легенды нет в самом старшем повествовании о событии – Новгородской I летописи» [6, с. 136]. Но в «Слове о Знамени», автор которого опирался на Синодальный список, уже добавлено большое число новых подробностей по сравнению с текстом-предшественником и даже по сравнению с текстом-современником – КНЛ. При сравнении и анализе НЛ ст. изв. и «Слова о Знамени» можно обозначить те отрывки, которые

были подчерпнуты из устной традиции¹. Стоит отметить, что в исследование нельзя включить КНЛ, поскольку сообщения летописей, восходящих к нему, достаточно лапидарные; так, тексты Новгородской Большаковской летописи и летописи по списку Никольского примерно в 2 раза меньше известия НЛ, а записи летописи из Троицкого собрания № 805 и Летописца епископа Павла в 5–6 раз меньше.

Важным моментом, который необходимо учитывать при выявлении устного «следа» в «Слове о Знамени», является то, что не вся новая информация по сравнению с сообщением Синодального списка взята из словесной традиции. Некоторая часть добавленных сведений была внесена в качестве осмысления произошедшего в 1170 г. книгописцем, наполнившим достаточно рядовое сообщение НЛ целым рядом библейских и византийских паттернов, в том числе имплицитных на первый взгляд. Это отражение высокой книжной культуры, которое не могло попасть в «Сказание о битве новгородцев с суздальцами» из устной традиции.

И тут хотелось бы отметить один неприметный сюжет, не попавший ранее в поле зрения Е.Л. Конявской и И.С. Агафонова. Дело в том, что Д.С. Лихачев, в свое время изучив новгородский след в «Слове о полку Игореве» (далее – СПИ), отмечал, что в этом памятнике и в «Сказании о битве новгородцев с суздальцами» есть достаточно близкие чтения [7, с. 323-326; 8, с. 509-513]. Конкретно, он обратил внимание на то, что к новгородским текстам «близка формулировка полноты поражения по дешевизне рабов-пленников» [8, с. 510]. Схожий мотив заключается в следующем: «Так, в «Сказании о Знамени» о поражении суздальцев у стен Новгорода в 1169 г. для обозначения тяжести этого поражения суздальцев сказано: «и продаваху суздальца по две ногате». Именно это определение имеется в «Слове» (о полку Игореве. – *Е. П.*) в отношении Всеволода Суздальского: если бы он был на юге и поблюл бы отень злат стол киевский, «то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ». Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в этом пассаже применяется новгородская денежная система: ногата и резана» [8, с. 510].

Вообще новгородские денежные единицы (помимо ногаты еще резана и бела) упоминаются не единожды в СПИ [8, с. 509-513], но только в одном случае есть определенная сюжетная схожесть. Говорить о влиянии новгородской письменной традиции вряд ли возможно. Также нельзя утверждать, что указание дешевизны пленных – это этикетная формула или «топос», как почитал Д.С. Лихачев. Упоминание о цене военнопленных в НЛ ст. изв. отображает вполне правдоподобный результат сражения, поскольку такая низкая цена (2 ногаты) невольников соотносится со временем и ее реалиями – так, в следующий, голодный 1171 г. столько же стоил хлеб [9, с. 33]. Тем не менее, в СПИ читаются именно новгородские денежные единицы в схожем контексте.

¹ То есть не рассматриваются все заимствованные сведения и ошибки Синодального списка в «Слове о Знамени».

Однако, если про дешевых пленных, стоящих 2 ногаты, написано в Синодальном списке (и практически во всех летописях, восходящих к НЛ), то в «Сказании о битве новгородцев с суздальцами» эти данные отсутствуют. Так что эти сведения не имели хождения в устном предании об осаде 1170 г.

Впрочем, в «Слове о Знамени» выделяются отрывки, попавшие из устной традиции. Первыми сведениями, которые могут относиться к устной традиции, являются уникальные чтения о болезни Андрея Боголюбского, который по этой причине не возглавил лично поход 1170 г. на Новгород (и вероятно поход на Киев 1169 г.). И.С. Агафонов посчитал, что эта уникальная по характеру информация недостоверна, а причина неучастия суздальского князя в походах – преклонный возраст (ему было порядка 59–60 лет) [1, с. 111-112, прим. 255]. Тем не менее, это не аргумент против версии с болезнью. Тот же Владимир Мономах участвовал в куда более сложном в плане логистики и организации походе 1111 г. в степь, будучи также в возрасте (56-57 лет). Так что отвергать эти сведения «Слова о Знамени» пока преждевременно. Впрочем, сомнительно, что для книжника сер. XIV в. вообще стоял вопрос, почему Андрей Боголюбский не возглавил поход лично. Объяснение необходимо было как раз новгородцам после победы, по какой причине они не разбили самого суздальского князя, а только его сына.

К проявлениям «книжности» же можно отнести оборот о 72 князьях, содержащий конкретную смысловую нагрузку [4, с. 59-60]. Очень сложный состав у следующих сведений «Слова о Знамени»: у всего текста до подведения итогов сражения. Данные о роли и действиях владыки Иоанна и иконы, новгородцев и суздальцев восходят как к Синодальному списку, так и к Библии (помимо прямого отсыла на египетскую тьму, вся эта часть наложена на сюжет 6 главы 4 книги Царств), к богородичным чудесам 626 и 860 гг. при осадах Константинополя. Возможно, что отдельные фразы и предложения были подчёрпнуты из устной традиции, но выделить их на данный момент невозможно.

Только в описании итогов осады также четко фиксируется устный «след». И.С. Агафонов посчитал, что «оттолѣ отъяты слава суздальская и честь» – это поговорка [1, с. 109]. В Синодальном списке этот оборот не читается. Значит в «Слове о Знамени» ее перенес автор из предания.

Фактически был вариант «письменный», созданный современником битвы – книгописцем Г. Воятой, и отразившийся в НЛ ст. изв. с отсутствием информации о чуде. И параллельно развивалась версия словесная, также созданная свидетелями, а может даже и участниками осады. Именно в ней и появляется чудо богородичного образа. Причем оно было включено в рассказ неслучайно. Дело в том, что во втор. пол. 1160-х гг. появляется т.н. «Сказание о победе над волжскими болгарами 1164 года и празднике 1 августа». В этом источнике провозглашается покровительство Богородицы Андрею Боголюбскому. Появление сюжета о заступничестве Богоматери за жителей города св. Софии в истории об осаде 1170 г. явилось идеологическим ответом на это.

Прокламмирование новгородской независимости от притязаний Андрея Боголюбского читается уже в самом начале «Сказания о битве новгородцев с суздальцами»: «Сице бо живущимъ новгородцемъ: владѣяху областми по своей волѣ, яже имъ Богъ поручилъ, а князя держажу по своей волѣ» [2, с. 444]. Данные слова были насущными, актуальными для жителей Новгорода и 1170 г., и для автора «Слова о Знамени» 1355 г. Дело в том, что в перв. пол. XIV в. Новгород также подвергся достаточно сильному притеснению князей Северо-Восточной Руси [10, с. 355]. Тем не менее, по косвенному признаку можно говорить о том, что данный отрывок попал из устного предания. Реплика о «князя держажу по своей волѣ», отсутствующая в НЛ, указывает именно на события 1170 г., ведь в то время в Новгороде был приглашенный Роман Галицкий – кровный враг Андрея Боголюбского.

Источники и литература

1. Агафонов, И. С. Осада Новгорода 1170 г. по письменным источникам : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Москва, 2015.
2. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV – середина XV века. – Санкт-Петербург, 1999. – 854 с.
3. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – Москва : Аспект-Пресс, 2004. – 382 с.
4. Коршаков, В. В. Символика чисел в Знаменской легенде / В. В. Коршаков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – № 3 (69). – С. 59-60
5. Конявская, Е. Л. Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании / Е. Л. Конявская // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2010. – № 1 (39). – С. 40-52.
6. Конявская, Е. Л. Устные источники сказаний о чудотворных иконах / Е. Л. Конявская // Восточная Европа в древности и в средневековье: Устная традиция в письменном тексте : XXII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. – Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2010. – С. 134-139.
7. Лихачев, Д. С. Новгородские элементы в «Слове» / Д. С. Лихачев // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. – Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 1995. – С. 323-326.
8. Лихачев, Д. С. Новгородские черты в «Слове о полку Игореве» / Д. С. Лихачев // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 38). – Ленинград : Наука, 1985. – С. 509-513.
9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950. – 640 с.
10. Янин, В. Л. Средневековый Новгород / В. Л. Янин. – Москва : Наука, 2004. – 415 с.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИГУМЕНА
КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ МАТФЕЯ II
ПО МАТЕРИАЛАМ ОПИСЕЙ
И ПРИХОДНО-РАСХОДНЫХ ДЕНЕЖНЫХ КНИГ**

Статья рассказывает о деятельности игумена Матфея II (1606–1614), возглавлявшего Кирилло-Белозерский монастырь в годы Смуты, на основании материалов Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря на 1615 год, приходных и расходных денежных книг монастыря за 1601–1637 годы. Информация, собранная в статье, в основном отражает деятельность Матфея, связанную с обеспечением повседневной жизни обители, украшением храмов в период Смутного времени, и мало касается вопросов обороны Кирилло-Белозерского монастыря, подробно рассмотренных А.Н. Кирпичниковым и И.Н. Хлопиным в книге «Великая государева крепость».

The article describes the activity of Matthew II, the Father Superior of the Kirillo-Belozersky Monastery from 1606 till 1614 in Time of Troubles. It is based on the Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1615 and Cash Receipts and Payments Books of the monastery from 1601 till 1637. The information collected in the article represents the activity of Matthew connected with ensuring the daily life of the monastery and the decoration of churches during the Time of Troubles and it touches upon the issues about the defence of the Kirillo-Belozersky Monastery which were examined by A. Kirpichnikov and I. Khlopin in the book «Great Sovereign's Fortress».

Ключевые слова: Кирилло-Белозерский монастырь, игумен Матфей II, митрополит Казанский.

Keywords: the Kirillo-Belozersky Monastery, Matthew II, Father Superior, Metropolitan of Kazan.

В келарском обиходнике XVI–XVII вв. в конце списка настоятелей Кирилло-Белозерского монастыря указано имя игумена Матфея II: «Матфей поставлен 114 [1606] году июля в 2 день в ыгумены, а был в ыгуменах по 123 [1614] году ноября по 8 день 8 лет и 4 месяца, потом митрополитом был в Казани» [3, с. 201]. Согласно спискам Павла Строева, он стал 37-м настоятелем Кирилло-Белозерского монастыря [8, с. 56]. Происхождение и мирское имя Матфея неизвестны, упоминание его монашеского имени до момента назначения игуменом монастыря в источниках XVII в. не встречается.

Избрание Матфея главой Кирилловой обители произошло в разгар Смутного времени, через полтора месяца после свержения Лжедмитрия I и воцарения Василия Шуйского, в период, когда все силы были брошены на освобождение русских земель от иноземцев, в связи с чем круг забот настоятеля

значительно расширился. Помимо необходимости реализовывать богослужebные, пастырские и административные обязанности, определяемые его должностью, Матфею пришлось решать вопросы, вызванные требованиями военного времени. О деятельности Матфея II, связанной с подготовкой Кирилло-Белозерского монастыря к нападению неприятеля, отражением атак и руководством обороной обители от иноземных захватчиков подробно рассказывают в книге «Великая государева крепость» историки и археологи А.Н. Кирпичников и И.Н. Хлопин [2]. Цель данной статьи – дать представление о других сферах деятельности отца Матфея в период настоятельства в Кирилловой обители.

Несмотря на необходимость решения большого круга вопросов, связанных с обороной Кирилло-Белозерского монастыря от неприятеля, Матфей не переставал заботиться об украшении монастырских храмов и придании великолепия облику главных святынь обители. Все изменения, произошедшие в убранстве монастырских храмов в этот период, были зафиксированы в Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря [5], составленной в 1615 г. – вскоре после окончания настоятельства Матфея. Интересно, что документ описывает только интерьеры церквей обители, отмечая изменения в размещении икон, шитых пелен, указывая на появление новых элементов убранства храмов в период с 1601 по 1615 гг., и не касается других объектов. На основании данных, собранных в указанном документе, можно отметить, что изменения при игумене Матфее в основном коснулись убранства собора Успения Богородицы и церкви Кирилла Белозерского. Так, для соборного иконостаса с монастырского подворья в Москве были привезены жемчужное ожерелье [5, л. 46 об.], новые праздничные пелены [5, л. 21, 37], десять новых поставных литых из олова свечей с насвечниками и подсвечниками [5, л. 99 об.]. Интерьер храма дополнили новые иконы – местный образ Богородицы Одигитрии и 32 пядничные иконы в окладах, привезенные в 1614 году из Москвы самим игуменом Матфеем [5, л. 91-92 об.]. Особое внимание Матфей уделял особо почитаемым в монастыре иконам, хранившимся в Успенском соборе – образу Пречистой Богородицы, принесенному Кириллом из Москвы, и образу самого преподобного Кирилла, созданному, по преданию, при жизни святого. Новый оклад для иконы Богородицы был изготовлен в 1613 г. Он стал еще более богатым и нарядным, чем предыдущий [5, л. 2 об.-4]. По приказу игумена на икону не только перенесли приклады, камни и жемчужины со старого оклада [5, л. 116], но и дополнили убранство новыми элементами, которые взяли из ризницы, казны и с окладов других икон [5, л. 3, 4, 110 об.]. Новый оклад на иконе преподобного Кирилла «Дионисьева письма чудотворца Глушитцкого» появился годом позже. В его убранстве были использованы драгоценные и полудрагоценные камни (алмазы, яхонты, бирюза, аметисты), крупный и мелкий жемчуг, а также три золотые бляхи с камнями и жемчугом, перенесенные с оклада житийной иконы Кирилла Белозерского, располагавшейся над гробницей чудотворца. Старые оклады с обоих образов были перенесены на списки, сделанные для церкви Кирилла. В тот же

период для обоих образов были изготовлены резные расписные киоты с затворами «о пяти верхах» [5, л. 8-10 об.]. Возможно, такое большое внимание к особо почитаемым в монастыре иконам было связано с беспокойным положением в стране в период Смуты и стремлением получить дополнительную защиту и помощь небесных покровителей обители от неприятеля. Имеются в описи указания на «поновление» и украшение интерьеров и других монастырских церквей, но эти изменения были менее значимы, чем в случаях с соборным храмом и церковью над местом захоронения преподобного Кирилла.

Информацию о повседневной жизни в Кирилловой обители в период настоятельства игумена Матфея, а также о его деятельности дают записи в приходо-расходных книгах. Впервые упоминание имени Матфея II в подобной документации относится к 8 августа 1606 г. и встречается в «сундушных» денежных книгах, которые отражали наиболее крупные поступления в монастырскую казну и велись собором старцев во главе с настоятелем [6, с. 417-418]. Основные источники денежных поступлений монастыря, указанные в этих книгах, в целом типичны для XVI–XVII вв. – это вклады, деньги за церковные службы и поминовения, пошрины, деньги с продажи рыбы с монастырских ловель и продажные с товаров, оброчные деньги и многое другое [6, с. 7]. Значительный доход в казну ежегодно поступал в июне месяце в связи с празднованием дня памяти Кирилла Белозерского. Так, в 1611 г. в казну из храма преподобного Кирилла («с чудотворцева гробу», «ис кружки» и «з Горы от Ивана Предтечи и из часовни») принесли более 40 рублей, при этом в праздник Введения Марии во храм «с чудотворцева гробу» поступило лишь около семи рублей, а в августе – около четырех рублей. Более 26 рублей было собрано в виде пошлин с продажи товаров на Кирилловской ярмарке [6, с. 32].

Расходная часть книг отражает как типичные для монастыря траты – покупку продуктов питания и товаров для «монастырского обихода», выдачу денег слугам, служебникам, иконописцам, расходы на поездки [6, с. 7], так и расходы, связанные с беспокойной ситуацией Смутного времени. Монастырь, как и в другие периоды, регулярно приобретал иконы для украшения храмов и для раздачи прихожанам. Согласно записям в приходо-расходных книгах, иконописцы покупали в казне материалы для работы, а позднее продавали обители готовые иконы. Например, в 1610 г. ярославские мастера Володимер и Остафий приобрели 200 листов красного золота, 200 листов двойного золота, белила, мел, сурик, шелк и золотое шитье на общую сумму 2 рубля 20 алтын пол-17денги [6, с. 29], а в 1611 г. уже монастырь приобретал у них готовые работы: у иконописца Володимера Ярославца было закуплено 93 образа, у иконописца Остафья – 64 образа. Также иконы закупались у белозерского иконописца Никиты Ермолова [6, с. 53-54], Ивана – ученика иконописца Остафья [6, с. 65], Григория Ростовца. В целом за год на закупку 215 образов монастырь истратил 27 рублей 21 алтын 13 денег. В 1612 г. 40 икон было закуплено у Ивана Ярославца, Григория Ростовца и Ивана-иконописца [6, с. 71-74], в 1613 г. 20 икон приобрели у Григория Ярославца, а в 1614 – 80 образов у монастырского иконника Ивана. Шитые изделия нередко заказывались в Го-

рицком женском монастыре – среди расходов указаны затраты на приобретение оплечий для риз, выполненных в апреле 1611 г. старицей Горицкого монастыря Агафьей [6, с. 47]. Эти расходы и доходы подтверждают, что игумен Матфей заботился не только об украшении монастырских храмов, но и о наличии в обители достаточного количества раздаточных икон, и ежегодно направлял на эти цели средства из монастырской казны.

Неспокойную ситуацию Смутного времени отражают расходы монастыря на закупку оружия и зарядов, ведение строительных работ на крепостных сооружениях и другие нужды. В сентябре 1610 г. 27 рублей 26 алтын и 5 денег было истрачено на «городовое каменное дело» и на найм работников для починки и надстройки стен крепостных сооружений [6, с. 35]. В 1611–1614 гг. в расходах монастыря указаны траты на закупку пищалей, самопалов, самопальных стволов [6, с. 53], пороха и свинца, на изготовление из монастырского железа пушечных ядер и трещеток для чистки самопалов и пищалей [6, с. 43]. Истратил монастырь в общей сложности на эти цели значительную сумму – 236 рублей 15 алтын 7 денег. Часть закупленного пороха, свинца, а также пороховницы и фитили монастырь продавал казакам [6, с. 32, 61]. Для нужд военного времени монастырь предоставлял лошадей, оплачивал расходы стрельцов и казаков, содержал за свой счет монастырских слуг, которые состояли на государственной службе [6, с. 65]. Неоднократно в годы Смуты происходили экстренные изъятия монастырских денег в пользу царских особ [6, с. 10]. По приказу царя Василия Шуйского из монастырской казны на Афанасьевом подворье в 1608 г. было взято 400 рублей, в 1609 г. – 600 рублей, а в 1610 г. – 100 рублей денег и 50 четей ржи [6, с. 420]. В июле 1611 г. из монастырской казны выделялись деньги на государевы столовые расходы и оплату доставки солода «для государева запасу» в Сергиев монастырь, закупку и доставку на корм мяса, рыбы, кур и яиц в полки в Александровскую слободу, 28 рублей 25 алтын 4 денги было отправлено в полки князю М.В. Шуйскому [6, с. 53].

Расходные денежные книги сообщают о многочисленных поездках, которые совершали монастырские старцы, слуги даже в беспокойное время Смуты. Среди городов, которые они посещали в 1610–1611 гг., упоминаются не только близлежащие города Вологда, Белозерск, Чаронда и села, в которых регулярно закупали товары и провизию для обители, но и отдаленные населенные пункты, такие как Москва, Ярославль, Кострома, Углич, Каргополь, Холмогоры, Архангельск, поморские соляные промыслы в Пушлахте, Лямце, Неноксе, село Тереботунь (ныне Тверская область), Сретенский монастырь. Всего за год таких дальних поездок было совершено около 50. В 1611–1612 гг. поездки продолжались, но количество дальних путешествий сократилось в два раза. Данных за 1612–1613 гг. нет, в 1613–1614 гг. число дальних поездок монастырских людей снова стало возрастать, и достигло примерно 40. Причем около двух десятков раз ездили в Москву, также часто упоминаются визиты в Ярославль, Каргополь, на соляные промыслы в Архангельской области. Неоднократно совершал дальние поездки и сам игумен. Из приходных книг из-

вестно, что он отлучался из монастыря в августе 1606 г. и по возвращении из поездки привез в монастырскую казну 500 рублей, полученных от продажи соли [6, с. 437]. В январе 1608 г. игумен, вероятно, снова отсутствовал в монастыре, поскольку не указан во главе собора старцев в расходной книге. В сентябре 1613 г. Матфей побывал в Ярославле, откуда его встречали трое монастырских людей – Постник Кашинец, Трофим Волгженин и Дружина Романовской [6, с. 89]. При этом опасность для путешественников в условиях Смутного времени в таких поездках была немалой. Известно, что в 1610 г. по дороге в Москву был убит монастырский слуга Захар Судокон, а в 1614 г. – ограблен сам игумен Матфей.

Согласно записи в обиходнике, Матфей возглавлял Кирилло-Белозерский монастырь до 8 ноября 1614 г. [4, с. 121]. Но, вероятно, уже за несколько месяцев до наступления этой даты он был вызван в Москву. С 17 июля 1614 г. и вплоть до назначения нового настоятеля монастыря в 1615 г. при выдаче денег «на казенный расход» во главе собора старцев монастыря указывается келарь старец Боголеп [6, с. 87, 453–454], что позволяет сделать вывод о том, что игумен Матфей II отсутствовал в монастыре с июля 1614 г., а не с ноября. Подтверждает эту версию и запись в расходах монастыря, сделанная в сентябре 1614 г.: «Дворовые люди Ортюшка Вавила с товарищи с Москвы шли пеши от игумена Матфея, издержав на свой харчь 20 алтын».

7 февраля 1615 г. настоятель Кирилловой обители получил новое назначение. Он был рукоположен в епископа Казанского и Свияжского с возведением в сан митрополита. В этот период в Казанском крае было очень неспокойно, отголоски смутного времени прокатывались по всему Поволжью и на Казанскую кафедру требовался архипастырь деятельный и твердый [7, с. 106–107]. Поскольку в должности игумена Кирилло-Белозерского монастыря Матфей уже успел проявить себя не только как духовный лидер, но и как организатор обороны и участник военных действий, церковное руководство посчитало его кандидатуру наиболее подходящей и не ошиблось. Владыка Матфей успешно управлял Казанской епархией чуть меньше тридцати одного года, дольше всех своих предшественников и преемников. 13 (23) января 1646 г. он скончался и был похоронен в Казани в кафедральном Благовещенском соборе у северной стены [1].

Анализируя жизнь Кирилловой обители под руководством Матфея II, можно отметить, что, несмотря на сложную внутривластную ситуацию в стране, расходы монастыря в этот период шли не только на военные нужды, но и на украшение храмов, поновление существующих и возведение новых построек, хозяйственную деятельность обители. Изучая дальнейшую биографию отца Матфея, можно с уверенностью сказать, что он был одним из выдающихся представителей духовенства, судьба которых связана с Кирилло-Белозерским монастырем. Несомненно, благодаря его организаторским талантам, Кириллова обитель выстояла в годы осады, а в Казанской митрополии процветала миссионерская деятельность, позволившая укрепить православие в епархии. Длительность служения Матфея на посту главы Казанской епархии

позволяет судить о высокой оценке его деятельности не только церковными, но и светскими властями.

Источники и литература

1. Архипастыри Казанские. Митрополит Казанский и Свияжский Матфей. – URL: https://tatmitropolia.ru/eparhia/arhipastyri_kazanskie/?ID=60792 (дата обращения: 02.03.2020). – Текст : электронный.
2. Кирпичников, А. Н. Великая государева крепость / А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопонин. – Ленинград : [Художник РСФСР], 1972. – 255 с.
3. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное Предисловие, Книга Кормовая, Синодик кормовой / подготовка текстов и исследование Т.И. Шабаловой. – Санкт-Петербург : Реноме, 2012. – 404 с.
4. Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Том 2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение / Н. К. Никольский. – Санкт-Петербург, 2006.
5. ОР РНБ. Ф. 588 (Собрание М. П. Погодина). Ед. хр. 1908. Л. 1–252 об. Подлинник.
6. Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. / составитель З. В. Дмитриева. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2010. – 760 с.
7. Пятые Кремлевские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции Пятые Кремлевские чтения «Военная история России: мифы, факты и память» (Казань, 21–23 ноября 2012 года). – Казань : Издательство «Фэн» АН РТ, 2013. – 266 с.
8. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / составитель П. Строев. – Санкт-Петербург : Археограф. комис, 1877.

А.Н. Красиков

Вологодская духовная семинария (г. Вологда)

ИСТОЧНИКИ О КОЛОКОЛАХ И КОЛОКОЛЬНОМ ЛИТЬЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.: К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ

В статье предпринимается попытка систематизации опубликованных и архивных источников о колоколах и колокольном литье на Европейском Севере России в XVII – начале XVIII вв. Для исследования привлекаются материалы писцовых и дозорных книг, описи монастырского строения и имущества, хозяйственная документация монастырей и приходских церквей, в том числе значительный объем неопубликованных источников из фондов Государственного архива Вологодской области. Предлагаемый объем документов позволяет проследить как количественные, так и качественные характеристики колокольных наборов в монастырях и приходских церквях допетровской Руси.

The article attempts to systematize published and archival sources about bells and bell casting in the European North of Russia in the 17th – early 18th centuries. The research involves the materials from scribal and sentinel books, inventories of monastic building and property, economic documentation of monasteries and parish

churches, including a significant amount of unpublished sources from the State Archive of the Vologda region. The proposed list of documents allows to trace both quantitative and qualitative characteristics of bell sets in the monasteries and parish churches of pre-Petrine Russia.

Ключевые слова: колокола, колокольное литье, актовые источники, описи монастырского имущества.

Keyword: bells, bell casting, assembly sources, inventory of monastic property.

Тенденция введения в научный оборот большого количества массовых и актовых исторических источников второй половины XVI–XVII вв., наметившаяся в отечественной исторической науке в последние 20–30 лет, побуждает исследователей к анализу отдельных феноменов отечественной православной культуры в контексте широкой источниковой базы. Следует отметить, что анализ русской церковно-монастырской культуры позднего средневековья отличается значительной неравномерностью. Внимание исследователей в значительной степени ориентировано на анализ иконографических памятников, книжности, архитектуры русского православного монастыря или приходского храма. Значительно меньшее внимание уделяется таким историческим артефактам, как колокола, предметы повседневного обихода и так далее. В некоторой степени это может быть объяснено низким уровнем сохранности предметов данного типа в современных музейных коллекциях.

В рамках данной статьи предпринимается попытка выявления и систематизации исторических источников о колоколах и колокольном литье в XVII в. на материале Вологодского и Белозерского уездов. Выбор географических рамок обусловлен, с одной стороны, высоким уровнем сохранности исторических документов, в том числе в коллекции столбцов Государственного архива Вологодской области, с другой стороны – высокой плотностью православных монастырей и приходских церквей на этой территории.

Необходимо отметить тот факт, что специальные работы по истории колоколов в данном регионе отсутствуют. По этой причине полагаем целесообразным дать краткий историографический обзор темы на общероссийском материале.

Традиция изучения колоколов и колокольного литья формируется уже в дореволюционной историографии. Здесь необходимо отметить фундаментальный обобщающий труд Н.Я. Оловянишникова [5]. Примерно одновременно с ним появились и специализированные работы по истории колоколов отдельных регионов, в качестве примера следует привести монографию А.А. Израилева, посвященную колоколам Ростова Великого [4].

В советской историографии значительное внимание уделялось преимущественно технологической стороне колокольного литья, вопрос рассматривался не с культурологических и богословских позиций, а в контексте развития истории науки и техники. Примером такого подхода может служить монография Н.Н. Рубцова [8]. В современной исторической науке наметилась тенденция комплексного анализа вопросов истории колоколов и колокольного

лится. Примером фундаментального подхода, основанного на широчайшей источниковой базе, может служить монография А.Ф. Бондаренко [1].

Важным элементом решения поставленной нами задачи является определение круга исторических источников, содержащих информацию о колоколах на Европейском Севере России. Значительный интерес для реконструкции колокольных наборов на Европейском Севере России представляют писцовые и переписные книги. Следует отметить, что описание внутреннего убранства приходских и монастырских храмов никогда не являлось основной целью писцового учета. Прямых указаний, свидетельствующих о необходимости учитывать церковное имущество в писцовых наказах, нами не обнаружено. Тем не менее, регулярность и однородность встречающейся информации говорит о наличии некоторой централизованности в проведении подобных описаний. В первую очередь, внимание государственных писцов привлекло имущество монастырей и ружных приходских церквей (как правило, городских). Здесь явно прослеживается стремление государства контролировать имущественное положение тех храмов, которые полностью или частично существуют за счет денежного или хлебного жалования из казны (руги).

В писцовых книгах прослеживаются два варианта описания храмов: краткое и развернутое. Краткое описание ограничивается стандартной формулой типа «церковь... деревяна – клетцки, а в церкви божие милосердие образы, и книги, и ризы, и на колокольне колокола и всякое церковное строение мирское». Развернутое описание храма выполнялось по принципам, сформировавшимся при составлении монастырских описей строения и имущества, то есть включает полное перечисление и характеристику образов, церковной утвари, облачения, книг, колоколов. Как и в монастырских описях, здесь присутствует топографический принцип описания, каждый предмет фиксируется на месте своего фактического нахождения.

Как правило, такие описания достаточно лаконичны и дают представление о количестве колоколов и лишь приблизительно о их весе. Так в Писцовой книге Вологды 1626–1628 гг. находим описание колокольной кафедрального Софийского собора: «Колокольня рубленая, об осьми стенах, с шатром; глава побита чешуею; в колокольне двой полати, да вверх три лестницы; на колокольне одиннадцать колоколов два больших, да девять колоколов средних и малых, да часы» [7, с. 20]. Столь лаконичное описание главной звонницы кафедрального собора города дополняется описанием отдельных приходских церквей в краткой форме, то есть без указания на количество и вес колоколов. Особо отмечаются колокола, пожалованные царем. Так, при описании Благовещенской церкви в Вологде писец указывает: «а на колокольне два колокола невелики – государево жалованье» [7, с. 23]. Аналогичное пожалование царя (по всей видимости Ивана Грозного) отмечается и церкви Иоакима и Анны, входившей в 1560-е годы в комплекс государева дворца в Вологде [7, с. 24].

В случае, когда составители писцовой книги приводят развернутое описание приходского храма с перечислением икон, книг, риз, встречаются (далеко не всегда) и указания на колокола. Так, в описании деревянной церкви Бо-

риса и Глеба в Вологде читаем: «Да на колокольнице два колокола, весу в них 30 гривенок» [7, с. 25]. Данное описание уже позволяет установить вес колоколов. «Гривенка» традиционно приравнивается к фунту, то есть получается, что два колокола на храме Бориса и Глеба имели общий вес чуть более 12 килограммов.

Иначе обстоит дело с описанием монастырских звонниц. Следует отметить, что писцовые книги описывают монастыри очень выборочно, но те описания, которые все же содержатся в кадастровом делопроизводстве, выполнены по схеме описи монастырского имущества, где описание колокольни и колоколов всегда было обязательным элементом формуляра. Анализируемая нами Писцовая книга Вологды содержит описание Ильинского монастыря в Каменье, включение его в писцовую книгу обусловлено наличием здесь государственной руги (ежегодного денежного и хлебного жалования). Руга была установлена при Иване Грозном, который традиционно считается основателем этой обители. Данные писцовой книги дают нам достаточно развернутое описание звонницы: «Колокольня рубленая, круглая о осми стенах, на колокольнице 5 колоколов, один благовестной, два средних, два невелики, зазвонные» [7, с. 122]. В некоторых случаях писцы без явной причины сокращают описание колокольни до минимума. Например, в описании Горнего-Успенского женского монастыря в Вологде указан только один (хоть и достаточно крупный колокол): «да на колокольнице колокол благовестной весу 36 пуд» [7, с. 130]. Предположить, что в городском монастыре весь набор состоял из одного колокола достаточно сложно. Но источники не позволяют определить, имеем ли мы дело с сокращением описания составителями кадастровой документации или с крайне скромным колокольным набором в монастыре.

Значительно больший объем информации о монастырских колокольнях можно почерпнуть из описей монастырского строения и имущества. Возникновение описей имущества как самостоятельных документов относится к первой половине XVI в. (Соловецкого монастыря 1514 и 1549 гг., Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г.). Наиболее ранние описи вологодских монастырей относятся также к XVI в. Важным преимуществом описи имущества как источника является изначальная цель фиксации имущественных прав монастыря, что побуждало составителей к более детальному отражению особенностей отдельных предметов. Прослеживается это и при описании колоколов. Кроме того, наличие значительного объема источников данного типа позволяет проанализировать развитие колокольных наборов на протяжении длительного периода времени.

Типичные преамбулы описей монастырского строения и имущества содержат требование переписывать среди прочего имущества и колокола. Для примера приведем преамбулу описи Спасо-Прилуцкого монастыря 1593 г.: «...пересмотрити и переписати в Вологоцком уезде в Прилуцком монастыре церкви и в церквах образы окладные и неокладные, и у образов кузнь, золотые, и камень, и жемчуг, и цаты, и гривны серебряные и золотые, и суды церковные, и книги, и ризы, и свечи местные, и на колоколнице колокола, и

всякое церковное строение, и в казне монастырские денги, и суды серебряные, и платье, и государевы жалованные грамоты, и кабалы денежные и хлебные, и на погребе и в поварнях суды медные и оловянные, и по службам всякие монастырские запасы, и на конюшенном дворе лошади, и на воловьей дворе волы и коровы, и всякой монастырской скот, и в житницах хлеб всякой, и что к тому монастырю сел и деревень, и всяких угодей, и на села и на деревни данные и купчие, и по усольям монастырские торговые промыслы и соляные варницы, и под монастырем и в селех монастырскую пашню, и всякое монастырское строение» [6, с. 28].

В качестве примера рассмотрим описание колокольни Спасо-Прилуцкого монастыря по описям 1593 и 1688 гг. В ранней описи находим следующее описание: «Да колоколнице колоколов болшей очяпной, а в нем двести пуд. Да три колокола очяпных болшие же. Да восемь колоколов язычных. Да на колоколнице ж часы боевые с перечасьем» [6, с. 35]. При кажущейся лапидарности данное описание весьма информативно. Здесь мы находим сведения не только о количестве и весе колоколов, но и о способе звона. На колокольне Спасо-Прилуцкого монастыря в конце XVI в. сочетается два способа звона: «очепный» и «языковой». При первом раскачивается колокол, который закрепляется на специальном валу, при втором – раскачивается язык.

Описание 1688 г. фиксирует в монастыре уже две колокольни, что соответствует истории архитектуры монастыря. «Колокольня, а на ней колоколов болш их и малых. Колокол по прозищу Протас да два колокола благовестные ж – все три очапные. Да на другой колоколне краснаго звону больших и средних и малых колоколов числом восемь да клепало железное» [6, с. 72]. Из описания мы видим, что набор практически не изменился, только произошло размещение колоколов на двух площадках, каждая из которых предполагала свой тип звона. В описании появляется «клевало» или било. Это достаточно архаичный тип колокола, характерный для малых монастырей и сельских храмов Средневековой Руси. На фоне общего экономического роста монастыря, выразившегося в значительном увеличении числа икон, книг, риз, росте землевладения, сохранение количества колоколов указывает на консервативность этой сферы жизни обители. Стабильность колокольного набора может быть вызвана высокой стоимостью колоколов, сложностью их покупки и тому подобными факторами.

Писцовые книги и описи монастырского имущества дают нам преимущественно статическую информацию о колоколах и колокольнях. Она может быть дополнена динамической информацией, которая содержится в актовом материале. Наибольший интерес представляют документы о купле-продаже колоколов. Колокольня вологодского Софийского собора в XVII в. была знаменита редкими колоколами, изготовленными в Западной Европе. Целый ряд документов по этому поводу уже опубликован Т.М. Воропановой [2, с. 326-332].

О внутренней торговле колоколами свидетельствует грамота патриарха Питирима архиепископу Вологодскому Симону об отсылке в Москву священ-

ника церкви Рождества Богородицы Шашедомской волости Пошехонского уезда Артемия и церковного старосты Венедикта Иванова по делу о их долге гостиной сотни Якову Пантелееву за колокол и церковную утварь, датированная декабрем 1672 г. [3, л. 1].

Особый интерес представляют материалы, отражающие процесс сбора колокольной меди и ее отправки в Москву в рамках преобразований Петра Великого. По сути, это уникальный источник, позволяющий получить статистический срез о количестве и качестве колоколов на Европейском Севере России [9, л. 1-13]. Данный комплекс источников еще не в полной мере введен в научный оборот и требует дополнительного изучения.

Подводя итоги, следует отметить, что совокупность опубликованных и архивных источников в полной мере позволяет реконструировать распространенность колоколов в монастырских и приходских храмах Европейского Севера России в XVII в., однако тема требует активного продолжения исследований.

Литература и источники

1. Бондаренко, А. Ф. Московские колокола XVII в. / А. Ф. Бондаренко. – Москва : Русская панорама, 1998. – 256 с.
2. Воропанова, Т. М. К истории софийских колоколов / Т. М. Воропанова // Вологда. Историко-краеведческий альманах. – Вологда, 1994. – Вып. 1. – С. 326-332.
3. Грамота патриарха Питирима архиепископу Симону об отсылке в Москву священника церкви Рождества Богородицы Шашедомской вол. Пошехонского у. Артемия и церковного старосты Венедикта Иванова по делу о их долге гостиной сотни Якову Пантелееву за колокол и церковную утварь. Память архиепископа Симона игумену Андреановой пустыни Пошехонского у. Филарету об отсылке священника и старосты в Москву // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 3650. Л. 1.
4. Израилев, А. А. Ростовские колокола и звоны / А. А. Израилев. – Москва, 1884. – 24 с.
5. Оловянишников, Н. Я. История колоколов и колоколотейное искусство / Н. Я. Оловянишников. – Москва, 1912. – 450 с.
6. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / ответственный редактор М. С. Черкасова. – Вологда : Древности Севера, 2011. – 496 с.
7. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII вв. Т. 3. – Вологда : Древности Севера, 2018. – 392 с.
8. Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР / Н. Н. Рубцов. – Москва : машгиз, 1962. – 288 с.
9. Сказки священников и церковных причетников церковью Белозерского у. о количестве колоколов, их весе, доставке в Вологду четвертой части колокольной меди для отправки в Москву, ответственности за утайку колоколов // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 12182. Л. 1–13.

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

В.К. Абрамов

доктор исторических наук, профессор
Межрегиональная общественная организация
мордовского (мокшанского и эрзянского)
народа (г. Саранск)

МОРДВИНЫ И ПРАВОСЛАВИЕ

В статье показаны основные этапы сложного и долгого пути мордовского народа к православию, который начался главным образом после присоединения края к Московскому государству в 1551 г. и завершился в XIX в.

The article shows the main stages of the difficult and long journey of the Mordovian people to Orthodoxy, which began mainly after the annexation of the region to the Moscow State in 1551 and ended in the 19th century.

Ключевые слова: политеизм, ислам, крещение, Никон, Несмеян, Кузьма Алексеев.

Keywords: polytheism, islam, christening, Nikon, Nesmeyan, Kuzma Alekseev.

Распространение православия в Мордовском крае имеет долгую и сложную историю. С древнейших времен здесь сложилась собственная религия, основанная на политеизме и испытавшая влияние соседних народов. Верховным богом (пазом) считался Шкай, Ине (великий) Шкай паз (диалектально – Шкабавас, Нишкепаз), одновременно являвшийся олицетворением времени. Среди богов видное место занимал бог грома и молнии Пургине (Пурьгине), что приводит к выводу о давних связях мордвы с народами Балтии (литовский бог Перкунас) и Русью (Перун) [1, с. 135-136].

С образованием в Поволжье Волжско-Камской Булгарии, принявшей в 922 г. ислам в качестве государственной религии, мордвыны стали испытывать его влияние. Наибольшее распространение он получил в северном (эрзянском, по столице – Эрземазы) мордовском княжестве, традиционном союзнике волжских булгар и в меньшей степени в южном (мокшанском – по столице Мокша), о чем свидетельствует посол французского короля Людовика IX к всемонгольскому хану Менгу (Мункэ) Вильгельм (Гийом) де Рубрук, проехавший степью в 1253 г.: «К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники... Сзади них живут другие, именуемые мердас, которых латины называют мердинис, и они сарацины» [9, с. 98]. Но в последующих источниках факты о мусульманстве мордвы не встречаются и это говорит об исламизации только части мордовской феодальной верхушки. Остальные же массы эрзян и мокшан исповедовали древнюю религию, то есть, по выражению Рубрука, были «чистыми язычниками».

Имеются сведения, что накануне монгольского нашествия некоторые мордовские князья делали попытки распространить в своих землях христианство. Так, посланец венгерского короля Белы IV Юлиан, проезжавший в 1236 г. «в течении пятнадцати дней... царством мордванов» (*regnum Morduanorum*) писал о мордовском посольстве «к князю великой Лодомерии» с просьбой прислать священника для крещения. Владимирский князь Юрий Всеволодович тогда почему-то ответил отказом на эту просьбу [3, с. 181], но сам факт такого посольства, с учетом массовых крещений, проводившихся в 1223 г. в соседней с мордвой, Муромской земле, выглядит вполне достоверно.

Со времени установления ислама как государственной религии в Золотой Орде, значительная часть феодалов Мордовского края, входившего в ее состав, стала принимать мусульманство для укрепления своего социального положения. Во всяком случае наиболее известные мордовские феодалы, поступавшие позднее на службу к русскому царю, как правило, переходили в православие из ислама. Так, предка известного рода графов Мордвиновых, взявших при крещении фамилию по имени своего народа [7, с. 5] звали мусульманским именем Мурат. Князь Баюш, защитивший в 1612 г. от ногайцев тылы ополчения К. Минина и Д. Пожарского, вообще получил русский княжеский титул, будучи еще мусульманином. Его дети и внуки крестились позднее [10, с. 78-80]. Кстати, из-за мусульманских имен мордовских князей у некоторых исследователей сложилось неверное представление о том, что феодалами в Мордовии в это время были главным образом татары.

Основная часть мордовских земель вошла в состав Московского государства по Свияжскому договору 1551 г., и с этого времени началось целенаправленное распространение православия в мордовской среде. На первых порах этот процесс носил добровольный характер. Активную миссионерскую политику проводили монастыри. Благодаря их деятельности уже к началу XVII в. была крещена значительная часть мордовского населения, примыкавшего к Нижнему Новгороду. В 1605 г. здесь в мордовской деревне Вельдеманово родился Никита Минин (Минов) – будущий шестой патриарх Русской церкви, принявший при переходе в монашество имя Никона.

Ход и результаты Никоновской реформы хорошо известны, и поэтому не имеет смысла детально излагать их. Но хотелось бы высказать мнение по некоторым дискуссионным вопросам. Первый: почему Никон предложил ввести единообразие богослужения во всей Русской церкви по образцам новогреческих книг, а не взял за основу обряды и тексты священных книг, сложившиеся в одном из прошлых русских княжеств? В историческом аспекте ответ вполне ясен. Кроме авторитета греческой церкви, от которой и пошла христианская вера на Руси, здесь не последнюю роль играли политические мотивы. Как известно, Алексей Михайлович считал себя законным наследником греческих (византийских) императоров и земель всех православных народов. Лозунг «Москва – третий Рим» решительно поддерживался и Никоном. Поэтому полное единообразие русской церкви с греческой и другими православными церквями, с одной стороны, идеологически подготавливало их будущее политиче-

ское объединение под эгидой русской церкви и русского царя, а с другой – демонстрировало поддержку всем православным народам, находившимся тогда под властью мусульманской Османской Порты и католической Польши. Обращение в этом смысле к церковным традициям одной из русских земель таких преимуществ не давало, но могло породить оппозиционное движение в других землях.

Второй вопрос связан со сложившимся в отечественной церковной литературе и историографии устойчивым мнением, что именно в результате проведения реформы в Русской православной церкви возник раскол. Здесь необходимо напомнить, что раскол появился не вследствие реформы, он накапливался постепенно за столетия раздробленности Руси, когда в каждом княжестве возникали свои особенности проведения церковных служб, из века в век переписывались свои летописные своды и тексты библии вместе с накопленными ошибками и производством новых. Основной целью реформы как раз являлось преодоление этого раскола. Насчет слишком резкого реформирования следует отметить, что видоизменять церковь Никон начал весьма осторожно. Со времени назначения его новгородским митрополитом в 1648 г. он постепенно вводил в церковные обряды проповеди, хор и т.д. [2, с. 139]. Здесь же митрополит принимается за исправление церковных книг по греческим образцам, устраивает для массового печатания типографию в новгородском Хутыньском монастыре. То есть, «обкатывает» реформу пока в рамках одной Новгородской митрополии. Став в 1652 г. патриархом и подготовив изменения в церковных обрядах, Никон представил их собору для утверждения. Заручившись поддержкой Константинопольского патриарха, в 1656 г. он созвал новый собор с участием Антиохийского и Сербского патриархов и митрополитов Никейского и Молдавского. Этот собор полностью одобрил его действия и предал анафеме его противников. Будущее подтвердило дальновидность этого великого деятеля. Даже после его ухода с патриаршества «устроенная» им единая православная церковь продолжала развиваться, в отличие от организаций «староверов» и «старообрядцев», которые так и не смогли объединиться в единую конфессию.

Никон был вторым и последним из русских патриархов, удостоенных титула «Великий государь», что давало ему право не только церковного, но и светского руководства. И здесь он проявил себя самым лучшим образом. В это время «в лице Никона власть русского патриарха и значение духовенства достигли такой степени, какой они никогда не достигали ни прежде, ни после» [5, с. 91]. Многие дела и замыслы патриарха впоследствии были продолжены и реализованы Петром I. Поэтому ряд историков, в частности А.П. Шапов, В.С. Иконников и др., видели в Никоне прямого предшественника Петра I [2, с. 140], т.е. церковь готовила к будущему не только себя, но и всю страну.

С такой же решительностью, с какой он реформировал церковь, патриарх распространял православие. Как пишет П.И. Мельников-Печерский: «Особенно же заботился он о крещении и обрусении мордвы» [6, с. 40]. Еще будучи новгородским митрополитом, он уговорил царя назначить иеромонаха Ми-

саила рязанским архиепископом, чтобы тот провел массовое крещение мокшан. Позднее, уже став патриархом, Никон давал Мисаилу указания использовать для крещения солдат. Впрочем, после сожжения ряда монастырей и убийства Мисаила в 1656 г., он отменил свои прежние распоряжения.

Сильно пострадали монастыри Мордовского края и в Крестьянскую войну 1670–1671 гг. После нее христианизация продолжалась более осторожными методами: новокрещенных освобождали от налогов, рекрутской повинности и даже платили за крещение немалые по тем временам деньги. Гибкая политика правительства принесла свои плоды. За последующие десятилетия в православную веру перешли десятки тысяч мордвинов.

Однако значительная масса народа отказывалась от нее даже на таких условиях. Кроме того, было замечено, что новокрещенные, формально принимая новую веру, продолжали молиться своим богам, включая в их число христианских святых. Таким образом, на базе православной и древней, национальной, создавалась новая национальная религия, чего царское правительство не хотело допускать. Поэтому в первой половине XVIII в. процесс христианизации мордвы был вновь форсирован. Указом от 9 апреля 1718 г. мордовские дворяне, отказывавшиеся от крещения, лишались своих поместий и вотчин. Этот процесс в царствование Петра I совпал с усилением налогового гнета и рекрутских наборов из-за постоянных войн. Недовольство мордовского крестьянства особенно усилилось при дворцовых переворотах после смерти Петра, когда высшие государственные органы, занятые борьбой за власть, практически уже не ограничивали произвол местных помещиков и чиновников.

Положение обострилось, когда епископом Нижегородским и Алатырским был назначен весьма энергичный чиновник от церкви Дмитрий Сеченов, которому вменялось в обязанность крещение «волей или неволей» иноверцев в Казанской, Астраханской, Сибирской, Нижегородской и Воронежской губерниях [4, с. 268]. Его действия вызвали массовое недовольство, в т.ч. уже крещеных мордвинов, выступавших против разрушения старых кладбищ, где были похоронены их предки. В ряде мест недовольство вылилось в волнения, наиболее крупным из которых стало восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородской губернии. При первой же попытке разрушить кладбище у с. Сарлей, 18 мая 1743 г. на Д. Сеченова и его солдат напали несколько сот новокрещен. На помощь епископу были направлены воинские команды из губернского центра. Однако экзекуции лишь подлили масла в огонь. Шесть тысяч повстанцев взяли за оружие. Во главе их встал крестьянин села Большое Сеськино Несмеян Васильев. В Санкт-Петербург полетели жалобы и просьбы о немедленной присылке воинских частей, иначе «...прочих мест некрещенные ж народы... мордва и черемиса, и чуваша все от того возмутятся и воссвирепеть могут» [8, с. 169]. Военная коллегия направила в район восстания крупные силы под командованием генерал-майора Стрешнева и премьер-майора Юнгера. 26 ноября 1743 г. у деревни Лапшиха в ожесточенном бою отряды повстанцев были разбиты. Однако сопротивление властям не прекратилось. Крестьяне перешли к методам партизанской войны, отказывались ра-

ботать и платить подати, бежали из родных мест, прятались зимой в лесах, массами умирали от холода, но продолжали упорствовать.

Царское правительство было вынуждено остановить репрессии [4, с. 329-330]. Далее политика христианизации продолжалась более гибкими и осторожными методами: налоги, поставки рекрутов перекладывались на некрестившихся; иноверцев уговаривали, выплачивали им за крещение немалые по тем временам деньги и т.д. и т.п. К началу XIX в. таким образом была крещена основная часть мордвы Среднего Поволжья.

Последнее крупное движение в Мордовском крае, носившее религиозную окраску, развернулось в 1804–1810 гг. в той же Терюшевской волости под руководством Кузьмы Алексеева. Он призывал возрождать древнюю мордовскую религию, но при этом наряду с древнемордовскими атрибутами в молениях терюшевцев использовались христианские иконы, например Николая Чудотворца, и большинство крестьян при этом продолжало посещать православные храмы. К концу XIX в. 98,9 процента мордвин, сохранивших родной язык, исповедовали православную веру ортодоксального толка. Немногим более 1 процента относились к старообрядцам и «уклоняющимся от православия». Из других христианских конфессий Всеобщая перепись 1897 г. зафиксировала несколько лютеран и католиков мордовской национальности. То есть к этому времени православным практически стал весь мордовский народ.

Источники и литература

1. Абрамов, В. К. Легенда о серебряном всаднике / В. К. Абрамов. – Саранск : Мордовское книжное издательство. – 144 с.
2. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь. В 41 + 2д т. Т. 21 / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Санкт-Петербург : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1897. – 962 с.
3. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. В 4 т. (6 ч.). Т. 1. Ч. 1. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1940. – 430 с.
4. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. В 4 т. (6 ч.). Т. 2. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1940. – 350 с.
5. Каптерев, Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. Т. 1 / Н. Ф. Каптерев. – Сергиев Посад : Тип. Св.Тр. Сергиевой Лавры, 1909. – 533 с.
6. Мельников-Печерский, П. И. Очерки мордвы / П. И. Мельников-Печерский. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1981. – 134 с.
7. Мордвин, С. И. Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова / С. И. Мордвин. – Санкт-Петербург : Типография Морского Министерства, 1868. – 78 с.
8. Очерки истории Мордовской АССР. В 2 т. Т. 1. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1955. – 575 с.
9. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. – Москва : Государственное издательство географической литературы, 1957. – 291 с.
10. Смирнов, Н. И. Мордва. Историко-этнографический очерк / Н. И. Смирнов. – Казань : Типография Императорского университета, 1895. – 382 с.

БРАКИ ДЕТЕЙ ВСЕВОЛОДА БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО: ПОЛИТИКА И ГЕНЕАЛОГИЯ

Данная статья посвящена бракам детей Всеволода Юрьевича Большое Гнездо в конце XII – начале XIII вв. Автор сделал анализ всех брачных союзов сыновей и дочерей Всеволода, пришел к выводу об их тесной связи с политическими отношениями. Смоленские Ростиславичи и черниговские Ольговичи были главными брачными партнерами Всеволодовичей, как одни из самых влиятельных княжеских линий древнерусских князей.

This report is devoted to the marriages of the children of Vsevolod Yuryevich the Big Nest in the late XII-early XIII centuries. The author made an analysis of all the marriages of Vsevolod's sons and daughters, came to the conclusion that they are closely connected with political relations. The Smolensk Rostislavichi and Chernihov Olgovichi were the main marriage partners of the Vsevolodovichi, as one of the most influential princely lines of the Old Russian princes.

Ключевые слова: князь, Рюриковичи, политика, дети, брак, родственные связи, Всеволод Большое Гнездо.

Keywords: prince, Rurikovich, politics, children, marriage, family ties, Vsevolod the Big Nest.

2021 год по праву проходит под эгидой 800-летия со дня рождения выдающегося полководца и государственного деятеля Руси Александра Ярославича Невского. Князь происходил из семьи суздальских князей и приходился внуком великому князю владимирскому Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо (1176–1212 гг.). Правление Всеволода – период единства и укрепления влияния на соседние земли, в первую очередь на Новгород и Рязань, и на Южную Русь, где зависимым от него владением был Переяславль. Политические отношения связывали владимирского князя с правителями других княжеств Руси, переживавшей время феодальной раздробленности. Весьма важной составляющей межкняжеских связей правящей династии Рюриковичей была брачная политика. Изучение данного аспекта позволяет лучше понять внешнеполитические цели и направления интересов владимирского князя и более всесторонне рассмотреть как ситуацию на русских землях в целом, так и во Владимиро-Суздальском княжестве.

Отметим, что нет специальных работ, посвященных теме. В то же время о браках, в частности, детей Всеволода Юрьевича в конце XIX – начале XXI вв. писали А.В. Экземплярский [12], Н.А. Баумгартен [15], О.М. Рапов [11] и Л.В. Войтович [13].

К 1176 г. двадцатидвухлетний Всеволод Юрьевич после злоключений и превратностей судьбы победил в борьбе за власть своих племянников Ростис-

славичей и со смертью старшего брата Михалко стал единовластцем во Владимиро-Суздальском княжестве [7, с. 379-380]. По мере укрепления своей власти и выстраивания межкняжеских отношений Всеволод Юрьевич начал создавать свою брачную конструкцию, главными составляющими которой стали его дочери и сыновья. Однако в первые годы его правления все его дети, рожденные от первой жены Марии Шварновны, происхождение которой вызывает бурную дискуссию среди ученых, или были совсем маленькими, или еще не родились [4].

Но первой Всеволод в 1178 г. выдал замуж свою племянницу Михалковну за Владимира, сына киевского князя Святослава Всеволодовича из черниговских Ольговичей [6, с. 612]. Как только подросли собственные дети, Всеволод Юрьевич поспешил заключить новые брачные союзы. В 1187 г. он отдал свою старшую дочь Всеславу за 14-летнего Ростислава (если принять корректировку даты рождения князя [14, с. 309]), сына черниговского князя Ярослава Всеволодовича [7, с. 405]. Жених приходился юной невесте троюродным племянником. Сестра Ростислава Ярославича была замужем за племянником Всеволода переяславским князем Владимиром Глебовичем (1179 г.) [6, с. 613].

Желание установить связи с лидером смоленских Ростиславичей, главным претендентом на Киев, привело к тому, что владимирский князь поспешил выдать свою восьмилетнюю дочь Верхуслану-Анастасию за сына Рюрика Ростислава. Помпезные торжества, на редкость подробно описанные в летописи, расходятся в датах: Ипатьевская летопись датирует его заключение 24 июля 1189 г. [6, с. 658], а Лаврентьевская 30 июля того же года [7, с. 407], но при коррекции года брак относят к 1187 или к 1188 г. [14, с. 345; 13, с. 552]. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства: неканонический брачный возраст невесты и все та же седьмая степень родства жениха и невесты, как и в предыдущем браке. Всеволод демонстрировал заинтересованность в делах Южной Руси. В 1194 г. Рюрик после смерти Святослава Всеволодовича стал киевским князем, при этом признавая старейшинство свата Всеволода Юрьевича и показывая свое уважение к владимирскому князю [6, с. 681].

Двумя браками малолетних дочерей с сыновьями видных представителей Ольговичей и Мономашичей Всеволод уравнивал политические связи и играл на противоречиях между родственниками. Всеволод способствовал конфликту Рюрика с его зятем Романом Мстиславичем, который позднее схватил Рюрика с женой и дочерью и постриг их в монахи. Всеволод остался равнодушен к судьбе свата, добившись освобождения только зятя Ростислава [5, с. 167-169; 1, с. 66].

15 октября 1195 г. своего десятилетнего сына Константина Всеволод поспешно женил на дочери наследника смоленского стола Мстислава Романовича, известной только под монашеским именем Агафьи, которая приходилась двоюродной племянницей Ростиславу Рюриковичу [9, с. 36, 51]. Второй союз со смоленскими Ростиславичами можно объяснить высоким статусом этой линии Рюриковичей, представлявшей влиятельную владетельную семью

верхнего и среднего Поднепровья, претендующей на Киев. Впрочем, отношения Юрьевичей с Мстиславичами в конце правления Андрея Боголюбского были далеко не безоблачными [6, с. 572-578]. Тем самым владимирский князь постарался восстановить близкие отношения с этой линией Мономашичей.

В 1200 г. Всеволод Юрьевич отправил своего десятилетнего сына Ярослава (1190–1246) номинально княжить на юг в Переяслав [7, с. 416]. Слабость положения Ярослава на юге заставила Всеволода искать сильного союзника. Его очередным сватом зимой 1205–1206 гг. стал едва ли не сильнейший из половецких князей Юрий Кончакович [7, с. 426].

10 апреля 1211 г. Всеволод устроил венчание своего двадцатидвухлетнего сына Юрия (1188–1238) с дочерью киевского князя Всеволода Чермного, сына Святослава Всеволодовича [7, с. 435; 8, с. 116]. Второй союз с Ольговичами был ответом на новые реалии, сложившиеся на юге. В результате нового альянса, возможно, была решена судьба свата Рюрика Ростиславича. После этого события Рюрик сошел с политической сцены [2, с. 677-679].

После первой жены, судьбы которой мы не знаем, Ярослав Всеволодович женился на Ростиславе, дочери Мстислава Мстиславича Удатного из все тех же смоленских Ростиславичей [7, с. 426]. Мать княжны была дочерью хана Котьяна Сутоевича и сестрой жены галицкого князя Даниила Романовича Анны [8, с. 129]. В ходе борьбы за власть между сыновьями Всеволода после его смерти тесть и зять оказались во враждебных лагерях, и Мстислав после победы в 1216 г. отобрал у Ярослава жену, к которой тот был сильно привязан. Если она не была возвращена, о чем умолчали летописи, тогда Ярослав вступил в третий брак, а его супруга стала матерью Александра Невского.

В 1213 г. новый великий князь владимирский Юрий Всеволодович отправил брата Владимира (1193–1227) княжить в Переяслав Южный. Здесь Владимир, нуждавшийся в поддержке, в 1215 г. женился на дочери черниговского князя Глеба, сына Святослава Всеволодовича и его жены Анастасии Рюриковны, дочери Рюрика Ростиславича [10, с. 110]. Тем самым он породнился и с Ольговичами, и с Мономашичами. Глебовна приходилась супругу внучкой троюродного брата. Впрочем, правление Владимира в Переяславе скоро закончилось его неудачной битвой и пленением половцами. После освобождения он вернулся на север, получив Стародуб [10, с. 115, 122].

Мы не знаем, кто стал женой самого младшего из сыновей Всеволода Большое Гнездо Ивана (1198 – после 1246), но его старший брат Святослав Всеволодович (1196–1252) женился на дочери муромского князя Давыда Юрьевича Евдокии [7, с. 450-451]. Брак Святослава Всеволодовича с муромской княжной не датирован (вероятно, в начале 10-х гг. XIII в.), но в любом случае следует рассматривать как продолжение политики его отца в отношениях с вассальными муромскими правителями. В 1228 г. после смерти отца Евдокия ушла от мужа к родне в Муром, где постриглась в монахини [7, с. 450].

Подводя итоги, следует сказать, что брачная политика Всеволода Большое Гнездо имела свои закономерности, а сами родственные связи оказались

довольно запутанными, в силу частых браков внутри династии Рюриковичей. Дочь Верхуславу и Константина Всеволод Юрьевич женил на представителях династии смоленских Ростиславичей. В начале особое значение имел альянс с киевским князем Рюриком Ростиславичем, но с годами Всеволод перестал поддерживать свата и не оказал ему помощи. В некоторой степени он способствовал его падению. Затем старшего Всеволодовича Константина ребенком женили на дочери смоленского князя Мстислава Романовича, племянника Рюрика, ставшего в 1214 г. киевским князем. Эту же политику укрепления родства с Ростиславичами продолжил и его сын переяславский князь Ярослав Всеволодович, правда, он и его тесть Мстислав Удатный оказались позднее во враждебных лагерях. В какой-то мере в родстве с Ростиславичами состоял и переяслав-южный князь Владимир Всеволодович (через внучку Рюрика Ростиславича по матери). Дочь и сын Всеволода Юрьевича состояли в браке соответственно с дядей и племянницей. К тому же три сына Всеволода Большое Гнездо были женаты на троюродных сестрах из трех линий сыновей Ростислава Мстиславича. Одновременно внутри династии Мономашичей трое Всеволодовичей были женаты на внучках своих троюродных братьев. Беспрецедентные родственные связи с Ростиславичами говорят об особых политических интересах владимирских князей.

Трижды (дважды при жизни Всеволода) его дети породнились со старшими Ольговичами, потомками киевского князя Всеволода Ольговича [1139–1146]. Сыновья Всеволода Юрьевича Юрий и Владимир (после смерти отца) женились на двоюродных сестрах: дочерях черниговских князей Всеволода и Глеба Святославичей, но первой в родство с сыном черниговского князя Ярослава Всеволодовича Ростислава вступила дочь владимирского князя (ее муж приходился двоюродным дядей женам ее братьев). Если добавить брак племянницы Михалковны, родственные связи с Ольговичами становятся еще более выпуклыми. И в данном случае, по родству с Марией Мстиславной, двоюродной сестрой Всеволода Юрьевича, братья Всеволодовичи состояли в браках с внучками своих троюродных братьев. Опять-таки очевидно стремление к родству с Ольговичами, занимавшими старший черниговский стол и игравшими видную роль в Южной Руси. В итоге шесть из семи внутрдинастических браков детей Всеволода приходились на потомков Ростислава Мстиславича и Всеволода Ольговича, которых владимиристо-суздальские князья только и признавали достойными такой чести. Ради выгодных альянсов Всеволод Юрьевич шел на снижение допустимого церковью брачного возраста, но в то же время не позволял матримониальных союзов ближе седьмой степени родства, в то время как сват Рюрик Ростиславич охотно шел на брачные альянсы и в шестой степени [3, с. 100].

При этом трудно не заметить отсутствие браков Всеволодовичей за пределами Руси (исключение – брак его сына с половчанкой), а также с представителями других линий. Вероятно, это можно объяснить отсутствием политического интереса к отдаленным и не влиятельным княжествам Руси в одном случае, жесткой политикой в отношении Рязани и давним неприятием влади-

миро-суздальскими князьями волынских Изяславичей, установивших в лице Романа Мстиславича свою власть над Галичем. Отсутствие родственных связей иногда не менее красноречиво, чем их наличие.

Источники и литература

1. Абуков, С. Н. К вопросу о причинах и обстоятельствах насильственного пострижения Рюрика Ростиславича / С. Н. Абуков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 2 (179). – С. 63–69.
2. Абуков, С. Н. К вопросу о «черниговском княжении» князя Рюрика Ростиславича / С. Н. Абуков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. – 2018. – Том 45, № 4. – С. 674-681.
3. Абуков, С. Н. Седьмая степень родства во внутридинастических браках Рюриковичей в XII веке / С. Н. Абуков // Самарский научный вестник. – 2016. – №4 (17). – С. 98-101.
4. Литвина, А. Ф., Успенский Ф. Б. Кем была «Мария Всеволожая»? Отчество и происхождение трех русских княгинь XII в. / А. Ф. Литвина // Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики. – Москва : Индрик, 2006. – С. 368–381.
5. Литвина, А. Ф. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: От интерпретации обстоятельств к реконструкции причин / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Средневековая Русь. Вып. 10: к 1150-летию зарождения российской государственности / ответственный редактор А. А. Горский. – Москва, 2012. – С. 135-169.
6. ПСРЛ. Ипатьевская летопись. Т. 2. – Москва : ЯРК, 2001. – 648 с.
7. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Т. 1. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 762 с.
8. ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку. Т. 7. – Санкт-Петербург : Типография Эдуарда Праца, 1856. – 345 с.
9. ПСРЛ. Летопись Симеоновская. Т. 18. / под редакцией А. Е. Преснякова. – Санкт-Петербург : Типография М. А. Александрова, 1913. – 316 с.
10. ПСРЛ. Московский летописный свод конца XV века. Т. 25. / под редакцией М. Н. Тихомирова. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1949. – 464 с.
11. Рапов, О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. / О. М. Рапов ; под редакцией Б. А. Рыбакова. – Москва : Московский государственный университет, 1977. – 264 с.
12. Экземплярский, А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т.1: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские / А. В. Экземплярский. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1889. – 474 с.
13. Войтович, Л. В. Княжа доба: портрети еліти / Л. В. Войтович. – Біла церква, 2006. – 782 с.
14. «Літопис Руський» за Іпатським списком / пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; відп. ред. О. В. Мишанич. – Киев : Дніпро, 1989. – 591 с.
15. Baumgarten, N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle / N. Baumgarten // Orientalia Christiana. – Roma, 1927. – Т. 35. – 96 p.

КНЯЗЬ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВОРОТЫНСКИЙ: НОВЫЕ НАХОДКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются новейшие архивные находки, относящиеся к двум эпизодам служебной карьеры кн. М.И. Воротынского. В декабре 1544 г. Воротынский отказался быть «сходным» воеводой в отряде кн. П.М. Щенятева, что парализовало действия русских частей во время набега крымских татар на южные рубежи России. Летом 1562 г. армия Воротынского не смогла настичь отступавших от Мценска крымских татар, после чего высший командный состав был обвинен в государственной измене.

The article discusses the latest archival findings relating to two episodes in the career of Prince M.I. Vorotynsky. In December 1544 Vorotynsky refused to be the voivode in the detachment of prince P.M. Shenyatev. In summer of 1562 Vorotynskiy's army could not catch the Crimean Tatars retreating from Mtsensk, after which the high command was accused of high treason.

Ключевые слова: князья Воротынские, князья Щенятевы, князья Курлятевы, Иван IV Грозный, военно-служилая аристократия, воеводы, крымские набеги.

Keywords: Vorotynsky Princes, Shcheniatev Princes, Kurlyatev Princes, Ivan IV the Terrible, military and service aristocracy, vevods, Crimean raids.

Жизни и деятельности князя Михаила Ивановича Воротынского посвящена обширная литература [8, с. 153–158; 16, с. 34–53; 18; 31; 11, с. 157–196; 12; 32, с. 19–21; 10, с. 275–282; 13, с. 196–236; 7, с. 7–44]. Тем не менее, отдельные моменты биографии воеводы остаются непроясненными. Расширить наше представление о военных службах князя Михаила и его участии в политических процессах времени правления царя Ивана IV Грозного возможно не только за счет реинтерпретации уже введенных в оборот опубликованных источников¹, но и привлечения нового рукописного материала. В ходе изучения неизданных частных разрядных книг и летописцев нам удалось обнаружить новые данные, способные пролить дополнительный свет на дискуссионные моменты жизненного пути Михаила Воротынского. Каждой из этих находок мы посвятили специальные исследования, как уже увидевшие свет, так и находящиеся в печати. Настоящая заметка призвана аккумулировать промежуточные результаты наших разысканий и наметить пути дальнейшей архивной работы.

¹ См., например, недавнюю попытку выяснения обстоятельств казни кн. М.И. Воротынского в работе Д.М. Володихина [11, с. 190–196].

1. Местнический конфликт декабря 1544 г.²

В декабре 1544 г. войско крымского калги («царевича») Имин-Гирея напало на южные рубежи России. Повоевав белевские и одоевские «места» и захватив большой полон, татары безнаказанно отступили в степь. Официальная летопись – т.н. Царственная книга – объясняет успех крымского набега неожиданностью нападения, «небрежением» украинских воевод и трактует его как Божью кару за людские грехи [22, с. 445]. В конце правления Ивана IV придворные «лицевые» (иллюстрированные) летописи подверглись редактуре. На полях финальных томов Лицевого летописного свода – Синодального тома и Царственной книги – появились многочисленные приписки, в значительной степени направленные против виднейших политических деятелей второй половины XVI в. Многие исследователи небезосновательно считают автором этих приписок самого царя Ивана Грозного. Подобная приписка была оставлена анонимным редактором и напротив статьи о крымском набеге декабря 1544 г. Из ее текста следует, что в военной неудаче на южной границе виноваты трое воевод: князя Петр Михайлович Щенятев, Константин Иванович Курлятев и Михаил Иванович Воротынский. Получив весть о нападении Имин-Гирея, воеводы затеяли местническую свару: «распрешася о местех, и того ради не поидоша помогати тем местом» [22, с. 445].

На протяжении длительного времени этот эпизод был известен лишь по одному источнику – приписке Царственной книги. В научной литературе он породил обширную дискуссию [2, с. 141–142; 3, с. 618–619; 9, с. 263–264]. Н.Е. Андреев обнаружил запись о некоем местническом споре князей П.М. Щенятева и М.И. Воротынского в Описи царского архива XVI в. [4, с. 146–147]³. находка Андреева подтвердила реальность конфликта, но не смогла прояснить его сути.

Мы можем указать еще три источника, связанных с упомянутым «делом» декабря 1544 г. Вкупе с известными ранее данными – припиской Царственной книги и лапидарной записью Описи царского архива – они проясняют позицию князя Воротынского в интересующем нас местническом конфликте. Первый источник, «память» кн. В.Ю. Голицына (ноябрь 1579 г.), сообщает, что один из участников «дела о местех», кн. П.М. Щенятев, имел «правую грамоту в отечестве» на кн. М.И. Воротынского, то есть некогда держал сторону ответчика в местническом споре и вышел из него победителем [29, с. 20]. Из второго документа, «памяти» кн. И.К. Курлятева (август 1582 г.), следует, что третий участник разбирательства, кн. К.И. Курлятев, также местничался со Щенятевым (был ему «месник»), правда, непонятно в какой именно роли: истца или ответчика [25, с. 227]. Позиция Курлятева становится ясна с привлечением третьего источника – записи Колубакинского списка Разрядной книги 1478–1603 гг., сообщающей, что в аналогичной ситуации, при отраже-

² Этот сюжет подробно рассмотрен нами в специальной статье, написанной в марте 2020 г. и в настоящее время готовящейся к изданию.

³ См. в издании Описи, подготовленном С.О. Шмидтом: [19, с. 41]. Наблюдения Н.Е. Андреева развили А.А. Зимин и Б.М. Клосс [15, с. 301; 17, с. 260].

нии ногайского набега декабря 1550 г., кн. К.И. Курлятев отказался быть «в сходе» с кн. П.М. Щенятевым, потому что доводился ему «месником» [27, л. 173].

Суммируя данные пяти источников, можно заключить, что, когда 30 декабря 1544 г. татары Имин-Гирея пришли на белевские и одоевские «места», кн. К.И. Курлятев и кн. М.И. Воротынский отказались быть «сходными воеводами» под началом молодого и неопытного в воинском деле кн. П.М. Щенятева, имевшего, кроме того, не вполне ясный местнический статус. Князья затеяли против Щенятева местническую «прю» и не пошли на помощь «украинным» воеводам, чем предопределили успех крымского набега. Трое «месников» понесли заслуженное наказание: кн. М.И. Воротынский был «разряжен» воеводой в пограничную крепость Васильсурск, кн. К.И. Курлятев в течение трех лет не получал воеводских назначений, а кн. П.М. Щенятев стал наместником Каргополя.

Полученные данные позволяют высказать предположение о происхождении приписки Царственной книги. Полагаем, что эта приписка стала отражением комплекса документов, собранного царем Иваном Грозным при подготовке инициированного им местнического суда князей В.Ю. Голицына и М.И. Воротынского весной-летом 1573 г. Царский протеже Василий Голицын должен был выйти победителем из, по-видимому, важного для Ивана IV «дела». К началу суда царским дьякам удалось обнаружить документ, ставший настоящим «местническим козырем» князя Голицына – правую грамоту его родича кн. П.М. Щенятева на кн. М.И. Воротынского. Заполучив этот документ, кн. В.Ю. Голицын мог быть вполне уверен в победе над своим противником. Тщательно срежиссированное царем местническое «дело» так и не было доведено до суда. По не до конца понятным причинам, незадолго до него кн. М.И. Воротынский был арестован, доставлен в Москву и умерщвлен по приказу Ивана IV [24, с. 341].

2. Опала князей Воротынских в сентябре 1562 г.⁴

В начале осени 1562 г. князья Михаил и Александр Ивановичи Воротынские были вызваны в столицу. 15 сентября царь Иван Грозный велел наложить на них опалу, конфисковать родовые вотчины и отправить в ссылку: «князя Михаила посадить в тюрьму со княгиней на Белеозере, а князя Александра и со княгиней велел посадить в тыне в Галиче за сторожи». Официальная летопись не сообщает причины внезапной опалы, объясняя ее некими «изменными делами» братьев Воротынских [22, с. 344].

В исторической литературе это событие получило различные трактовки. А.А. Зимин полагал, что Воротынские подверглись опале вследствие служебной провинности, допущенной ими на воеводской службе в июле 1562 г. Князья руководили пятиполковой «береговой» армией, посланной из Серпухова навстречу войску крымского хана Девлет-Гирея I, осадившему крепость Мценск. Действия Воротынских были неудачны: татары сняли осаду Мценска

⁴ Этот сюжет подробно рассмотрен в нашей работе: [6, с. 68–72].

и, разорив болховские и белевские «места», благополучно ушли от погони [14, с. 97–98]⁵. Иначе объяснял опалу князей Р.Г. Скрынников, считавший, что ее непосредственной причиной стало недовольство Воротынских новыми нормами земельного законодательства, ущемлявшими их права на наследование собственных родовых владений [30, с. 150–151]⁶. Еще одно, третье, предположение высказано В.В. Каргаловым. Историк допускал, что братья Воротынские были заподозрены в неверности московскому престолу после измен князей Д.И. Вишневецкого и И.Д. Бельского, а также ввиду близости кн. М.И. Воротынского к опальному царскому фавориту А.Ф. Адашеву [16, с. 42]. Наконец, совсем уж неправдоподобная версия случившегося предложена И.Я. Фрояновым. Основываясь на неверной датировке сообщения Андрея Курбского, ученый полагал, что кн. М.И. Воротынский был обвинен в колдовстве против царя Ивана и попытке отъезда в Литву [34, с. 634–636].

Имевшихся в распоряжении исследователей источников было недостаточно для того, чтобы с уверенностью ответить на вопрос о причинах ареста и ссылки князей Воротынских⁷. Важные сведения об этом «деле» выявлены нами в кратком летописце, составленном, вероятнее всего, в окружении митрополита Макария незадолго до введения опричнины, в 1563–1565 гг. Летописец связывает «дело» Воротынских с последующей опалой удельного князя Владимира Старицкого [28, л. 242]⁸. Сопоставление этого известия с данными официального летописания, воинских разрядов и Описи архива Посольского приказа позволяет весьма надежно реконструировать обстоятельства опалы братьев Воротынских.

Неуспех «береговой» армии, в июле 1562 г. посланной к Мценску против Девлет-Гирея I, убедил царя Ивана IV если не в существовании разветвленного военного заговора, то, по меньшей мере, в преступной халатности высшего армейского командования. Этот эпизод русско-крымского противостояния спровоцировал начало масштабного «изменного дела». Формальный руководитель войска, князь Владимир Старицкий, утратил доверие Ивана Грозного, что во многом предопределило его падение летом следующего 1563 г. Фактические командующие армией, князья М.И. и А.И. Воротынские, были заподозрены в измене и разосланы по северным городам. Другие воеводы «береговой» рати также угодили под подозрение и в основном завершили свои карьеры.

⁵ См. в источниках: [22, с. 342; 23, с. 99]. Предположение А.А. Зимина нашло поддержку в работах Д.М. Володихина [11, с. 174–176; 13, с. 214–218], В.В. Пенского [20, с. 132–133], В.А. Волкова [10, с. 278–279].

⁶ Версию Р.Г. Скрынникова безоговорочно поддержали Н.С. Борисов [8, с. 156] и В.П. Ульянов [31, с. 74–76].

⁷ Б.Н. Флоря прямо писал о «деле» 1562 г.: «в чем состояли эти "изменные дела", мы, к сожалению, ни из <...> официальной летописи, ни из других источников узнать не можем» [33, с. 144]

⁸ Исследование и публикацию летописца см.: [6].

Обращение к архивным нарративным и документальным источникам в контексте изучения военно-служилой знати Российского государства XVI в. имеет большой потенциал. Опубликованные разрядные книги предоставляют в распоряжение исследователей уникальную по своей полноте и точности историческую информацию⁹, однако их данных явно недостаточно для полноценной реконструкции «послужных списков» московских воевод. Хранящиеся в архивах и рукописных отделах неизданные частные разрядные книги содержат значительное число уникальных сведений и должны быть привлекаемы при изучении русского служилого сословия¹⁰. Нельзя оставлять в стороне и неопубликованные, по большей части неизученные, памятники позднего летописания, а также воинские повести и сказания¹¹. Комплексное исследование жизни и деятельности русских воевод XVI столетия невозможно без комплексного же подхода к отбору и анализу источникового материала.

Источники и литература

1. Аксаныян, К. Э. Разрядные книги как источник для реконструкции служилых биографий представителей русской аристократии : на примере князя В. И. Шуйского / К. Э. Аксаныян // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. – 2019. – № 5. – С. 16–25.

2. Альшиц, Д. Н. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования / Д. Н. Альшиц // Труды ГПБ. – Ленинград : Государственная Публичная библиотека, 1957. – Т. 1 (4). – С. 119–146.

3. Альшиц, Д. Н. Иван Грозный или дьяк Висковатый? / Д. Н. Альшиц // Труды Отдела древнерусской литературы. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1960. – Т. 16. – С. 617–625.

4. Андреев, Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного / Н. Е. Андреев // Труды Отдела древнерусской литературы. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1962. – Т. 18. – С. 117–148.

5. Белов, Н. В. Военно-служилая деятельность князей Щенятевых в неопубликованных частных разрядных книгах : предварительные наблюдения и перспективы исследования / Н. В. Белов // Источниковедение в современной медиевистике : сборник материалов Всероссийской научной конференции, Москва 2020–2021 гг. – Москва : ИВИ РАН, 2020. – С. 37–40.

6. Белов, Н. В. Фрагменты митрополичьего летописания кануна опричнины / Н. В. Белов // Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований. – 2021. – № 1 (5). – С. 62–88.

7. Богданов, А. П. Забытые полководцы : от Воротынского до Багратиона / А. П. Богданов. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – 448 с.

⁹ Об информационном потенциале разрядных книг см., например: [1; 21].

¹⁰ Нам уже доводилось писать о потенциале частных разрядов на примере изучения военно-служилых карьер князей Щенятевых [5].

¹¹ Так, например, в летописной Повести о Казанском взятии, созданной, вероятно, во 2-й четверти XVII в., читается уникальное известие о том, что князья П.И. Шуйский и М.И. Воротынский во главе комиссии разрядных дьяков руководили смотром русских войск накануне осады Казани, «и сочтоша войска во всех полках конных и пеших воинства 290 000» [26, л. 92 об.]. Происхождение и достоверность этого сообщения не вполне ясны. Исследование Повести и публикация ее текста подготовлены автором этих строк.

8. Борисов, Н. С. Русские полководцы XIII–XVI веков / Н. С. Борисов. – Москва : Просвещение, 1993. – 190 с.
9. Веселовский, С. Б. Исследования по истории опричнины / С. Б. Веселовский. – Москва : АН СССР, 1963. – 539 с.
10. Волков, В. А. Войско грозного царя : в 2 т. Т. 1. / В. А. Волков. – Москва : Прометей, 2016. – 322 с.
11. Володихин, Д. М. Воеводы Ивана Грозного / Д. М. Володихин. – Москва : Вече, 2009. – 320 с.
12. Володихин, Д. М. Отважный «кунктатор» : Князь Михаил Воротынский на степных рубежах России / Д. М. Володихин // Родина. – 2011. – № 4. – С. 76–77.
13. Володихин, Д. М. Полководцы Московского царства / Д. М. Володихин. – Москва : Молодая гвардия, 2020. – 343 с.
14. Зимин, А. А. Опричнина Ивана Грозного / А. А. Зимин. – Москва : Мысль, 1964. – 535 с.
15. Зимин, А. А. Государственный архив и учреждение опричнины / А. А. Зимин // Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. – Москва : Наука, 1975. – С. 296–304.
16. Каргалов, В. В. Московские воеводы XVI–XVII вв. / В. В. Каргалов. – Москва : Русское слово, 2002. – 336 с.
17. Клосс, Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков / Б. М. Клосс. – Москва : Наука, 1980. – 312 с.
18. Назаров, В. Д. «Победоносец и оборонитель вся Русские земли» (Князь Михаил Иванович Воротынский) / В. Д. Назаров // Подвижники России : исторические очерки / А. Н. Сахаров, В. Д. Назаров, А. Н. Боханов. – 4-е изд. – Москва : Русское слово, 2008. – С. 181–193.
19. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С. О. Шмидта. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1960. – 195 с.
20. Пенской, В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей / В. В. Пенской. – Москва : Вече, 2012. – 320 с.
21. Подчасов, Н. А. Возможности привлечения разрядных источников для реконструкции слабоизученных моментов биографии военно-политических деятелей России XVI в. на примере кн. Ф. М. Трубецкого / Н. А. Подчасов // Клио. – 2018. – № 5 (137). – С. 18–21.
22. Полное собрание русских летописей. – Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1906. – Т. 13, Ч. 2: Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. – 234 с.
23. Разрядная книга 1475–1605 гг. / составитель Н. Г. Савич. – Москва : Ин-т истории АН СССР, 1981. – Т. 2, Ч. 1. – 219 с.
24. Разрядная книга 1475–1605 гг. / составитель Н. Г. Савич. – Москва : Ин-т истории СССР, 1982. – Т. 2. – Ч. 2. – 440 с.
25. Разрядная книга 1475–1605 гг. / составитель Л. Ф. Кузьмина. – Москва : Ин-т истории СССР, 1984. – Т. 3. – Ч. 1. – 232 с.
26. Российская государственная библиотека, Научно-исследовательский отдел рукописей. – Ф. 29. – Собрание И. Д. Беляева. – № 4.
27. Российская государственная библиотека, Научно-исследовательский отдел рукописей. – Ф. 178. – Музейное собрание. – № 4464.
28. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 181. – Собрание МГАМИД. – № 365.
29. Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. – Москва : Унив. тип., 1838. – Т. 2. Местничество. Дела, собранные П. И. Ивановым. – 480 с.
30. Скрынников, Р. Г. Царство террора / Р. Г. Скрынников. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – 571 с.

31. Ульянов, В. П. Князь М. И. Воротынский – военный деятель России XVI в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В. П. Ульянов. – Нижневартовск : [б.и.], 2006. – 214 с.

32. Усачев, А. С. О книгах князей Воротынских в XVI в. / А. С. Усачев // Вестник архивиста. – 2012. – № 3. – С. 17–28.

33. Флоря, Б. Н. Иван Грозный / Б. Н. Флоря. – Москва : Молодая гвардия, 2002. – 403 с.

34. Фроянов, И. Я. Драма русской истории : На путях к опричнине / И. Я. Фроянов. – Москва : Парад, 2007. – 952 с.

А.А. Гордеева, А.С. Простова
средняя школа № 65 Красноармейского района
(г. Волгоград)

ДВОЙНИЧЕСТВО КАК СПОСОБ РАСКРЫТИЯ ОБРАЗА КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ПОЭМЕ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА «ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ»

В статье дан анализ характеров литературных героев поэмы Константина Симонова «Ледовое побоище» в сопоставлении. Выдвинута гипотеза о глубоком внутреннем родстве персонажей: князя Александра и кузнеца Онцыфора-Тучи, их своеобразном двойничестве. Рассмотрены примеры обращения к художественным деталям, сближающим главных героев поэмы.

The article analyzes the characters of the literary heroes of Konstantin Simonov's poem «Battle on the Ice» in comparison. A hypothesis has been put forward about the deep inner relationship of the characters: Prince Alexander and the blacksmith Ontsyfor, their kind of duality. The examples of the appeal to artistic details that bring together the main characters of the poem are considered.

Ключевые слова: двойничество, художественная деталь, историческая личность.

Keywords: duality, artistic detail, historical personality.

Защита родной земли – сквозная тема в творчестве Константина Симонова. Эта тема в каждом произведении обрастает новыми сюжетными деталями, передается новыми интонациями. *Поэма «Ледовое побоище» (1938) – пожалуй, первое обращение к этой значимой теме большого советского поэта.*

Объектом художественного осмысления в поэме становятся историческая личность, ее деяния. Симонов, опираясь на подлинные исторические факты, художественно интерпретирует важный этап русской истории. Специфика изображения исторической личности в литературе заключается в стремлении автора раскрыть ее духовный мир, опираясь на свое мировоззрение, сформированное индивидуальными особенностями и общественно-социальными отношениями.

В поэме К. Симонова два значимых персонажа: князь Александр Невский и кузнец Онцыфор-Туча. Именно им суждено повести за собой людей и победить в сражении, которое останется в памяти потомков на многие века. В поэме действуют два вождя: князь и представитель народных масс. Неслучайно и сходство значений имен героев (Александр – «защитник», Онцыфор – «несущий победу»).

Понятие «двойничество» часто используется в литературе. Мы обратились к толкованию Н.Т. Рымаря в монографии «Поэтика романа»: «Образ разрабатывается при помощи введения персонажей, которые выступают как его отражения, ведущие самостоятельную жизнь» [7, с. 114]. С.З. Агранович и И.В. Саморукова полагают, что для литературных двойников важно «...наличие общих корней, каковыми может быть кровное родство, общее детство, общее тело, сходный социальный статус, возраст...» [1, с. 24]. Таким образом, двойничество – один из способов сюжетно-композиционного развертывания образа героя, позволяющий сформулировать авторскую позицию. К. Симонов неслучайно вводит двух похожих героев: Онцыфор-Туча, являясь двойником князя, подчеркивает черты характера Александра Невского.

Посредством приема сплошной выборки из текста поэмы нами выделены глаголы, глагольные формы, наречия, использованные для создания образов князя Александра и Онцыфора; полученный материал систематизирован в приведенных ниже таблицах. Создавая образ Онцыфора, Симонов использовал 25 глаголов и деепричастий в 31 словоупотреблении. Образ князя создан с помощью 27 глаголов в 33 словоупотреблениях. Нами выявлены совпадения, присутствующие в обеих таблицах: глаголы со значением активно производимого действия *развернуть, вскарабкаться, рвануться, скакать, клясться, знать*; наречия *молча, быстро, круто*.

Анализируя данный материал, можно сделать вывод о сходстве образов главных героев, так как, во-первых, автор использует слова одной окраски: в обеих таблицах подавляющее большинство глаголов, деепричастий, наречий выражают активное действие. Кроме того, как сказано выше, поэт прибегает к одним и тем же лексическим средствам.

Таблица 1

Лексические средства, используемые автором при характеристике образов

Онцыфор	
ГЛАГОЛЫ, ДЕЕПРИЧАСТИЯ	
Пробиться	Пробился к городской стене... Онцыфор в глубь рядов пробился ...
Рвануться	И вниз рванулся прямо с кручи... На немца рыжего рванулся ...
Уйти	Уйдя от немцев сажень на сто...
Спешиться	Онцыфор, спешась , прыгнул в лес...
Прыгнуть, прыгать	Вертась и прыгая ...

Онцыфор	
ГЛАГОЛЫ, ДЕЕПРИЧАСТИЯ	
Влезть, залезть	С конем в овраг глубокий влез ...
	... влезу первый с топором!
	...бородатый залезть на башню норовил...
Зажать	Онцыфор храп его зажал ...
Гнать	Гнал в Новгород, не отдыхая...
Скакать	Скакал сквозь лес всю ночь...
	...длинное лесное эхо семь суток скачет за спиной!
Ползти, проползти	Прополз молчком на животе...
	Онцыфор полз все выше, выше...
Закричать, кричать	Он закричал , стуча в перила...
	И закричал на всю округу, Чтоб слышал бог на облаках...
	Крича налево и направо, Что псам ливонским отдан Псков...
Хлестать	Хлестать заморенных коней...
Проклинать, клясть	И, проклиная хлебосольство, В гостях у князя ест и пьет...
	Дорогу чертову кляня ...
Повторять	Онцыфор повторял упрямо...
Вскарабкаться	С трудом вскарабкался на крышу...
Вертеться	Вертясь и прыгая, рубился...
Рубиться	Вертясь и прыгая, рубился ...
Стиснуть	Смертельно стиснул на прощанье...
НАРЕЧИЯ	
Скорей, скорее	Скорее в Новгород приехать! Без отдыха, любой ценой!
	Чтоб в Новгород скорей скакал...
Широко	И, широко перекрестившись, Шагнул в волну босой ногой.
Молчком, молча	Прополз молчком на животе...
	Онцыфор молча обернулся, С трудом собрал остаток сил...
Прямо	Не отзываясь, глядя прямо В насечку княжеской брони...
Упрямо	Онцыфор повторял упрямо ...
Смертельно	Смертельно стиснул на прощанье Мясистый рыцарский кадык.

Князь Александр	
ГЛАГОЛЫ, ДЕЕПРИЧАСТИЯ	
Громить	Громила шведа и немчина его тяжелая рука...
Прищемить хвост	Он хвост боярам прищемил ...
Ломать, сломать	...он руками подковы конские ломал ...
	Немецкий городок сломал ...
Грозить, грозиться	Поворотил коня на Запад и погрозился кулаком.
Хлестнуть	Коня хлестнувши ремешком...
Злиться	И по глазам его колючим, и по тому, как злился он...
Клясться	Князь клялся раз и вновь клянется : Руси ливонцам не видать!
Взять	Князь первым делом взял Копорье...
Убить	Кого убил , кого поймал.
Опередить	Опередив полки свои.
Гнать	Со всеми наравне гоня ...
Рвануть	Коня застывшего рванул ...
Наказать	В берлоге зверя наказать .
Развернуть	Коня с разлета развернул ...
Ткнуть	Закованными в сталь руками Под облака сердито ткнул .
Вскарабкаться	Князь поскакал к прибрежным скалам, На них вскарабкавшись с трудом...
Врубиться	И первым на коне огромном В немецкий строй врубился князь.
НАРЕЧИЯ	
Наперекор	Боярам всем наперекор ...
Сердито	Потом спросил сердито , быстро: Как немцы вооружены...
	Закованными в сталь руками Под облака сердито ткнул.
Круто	Князь повернул на месте круто ...
Молча	И молча прочь погнал коня.
	Князь молча слушал разговоры...
Быстро	Потом спросил сердито, быстро : Как немцы вооружены...
Остро, острее	Острей , чем все, давно он слышал, Как в гости к нам они ползут...
Внезапно	Он обложил внезапно Псков.
Спокойно	А князь по-прежнему спокойно Следит за битвою с горы.
Твердо	Он видел все, он твердо знал...

Одним из частотных средств художественной выразительности в тексте поэмы К. Симонова выступает фразеологизм. В тексте поэмы нами выявлено

28 фразеологизмов (*греть руки, поднять руку, взять верх, отложить на время, кануть в воду, сложить голову и др.*). В описании двух главных героев, в их речи нами выявлены следующие фразеологизмы:

Таблица 2

Фразеологизмы, используемые автором в описании двух главных героев

Князь Александр	Кузнец Онцыфор
Но в Новгород придя с победой, Он хвост боярам прищемил ...	Скорее в Новгород приехать! Без отдыха, любой ценой!
Князь не торопится с ответом - То водит за нос , то молчит...	От холода себя не помня , Он толком слов не расслышал...
...перемигнувшись, ему ударили челом .	Крича налево и направо , Что псам ливонским отдан Псков...
Он даже в Новгород вернется, Чтоб им под зад коленкой дать ...	И, приподнявшись через силу , Окинув взглядом все кругом...
Он испытал их многократно И поминал всегда добром!	Ответа ждет, баклуши бьет ...
Пусть с немцами нас бог рассудит Без проволочек тут, на льду...	Пусть черт возьмет меня в геенну, Пусть разразит на месте гром ...

Мы можем сделать вывод об ориентации Симонова на разговорную фразеологию в описании не только кузнеца Онцыфора, но и князя. Автор употребляет экспрессивно-окрашенные, разговорно-просторечные, даже грубоватые выражения (*под зад коленкой, прищемить хвост, водить за нос*), чтобы подчеркнуть близость князя к народу, его крутой нрав. Живая разговорная речь, не свойственная, казалось бы, образованному высокородному правителю, рисует незаурядную личность, не отделяющую себя от народа. Эмоциональный тон, экспрессивная окраска речи – понятия, существенные для характеристики персонажа и отношения к нему автора. Симонов прибегает к стилистически сниженной лексике с конкретной целью: поставить вровень два ярых образа, как бы уравнивать человека простого звания и князя.

Симонов сознательно снижает образ князя, ведь, с одной стороны, Александр привык брать не красивыми и благочестивыми речами, а делом, поступками, своим примером. А с другой стороны, такая экспрессивная окраска речи очень подходит ситуации, в которой находится князь – вражеские войска одержали победу в сражении, пленили людей и заняли русский город. Александр Невский эмоционален и решителен в своих планах.

Итак, можно сделать вывод о цели употребления стилистически сниженных выражений, фразеологизмов. Близкая к разговорной естественность интонаций помогает создать близкий к народу образ князя Александра Невского, подчеркивает его непоказной патриотизм.

Картина изображенного мира складывается из отдельных художественных деталей. В отечественном литературоведении художественная деталь определяется как выразительная подробность произведения, несущая значительную смысловую и идейно-эмоциональную нагрузку и отличающаяся повышенной ассоциативностью. В современных академических словарях худо-

жественная деталь – это «особо значимый, выделенный элемент художественного образа, <...> микроэлемент образа: портрета, пейзажа, быта, действия, поступка, изображенной речи» [2, с. 73]. Е.С. Добин говорит так: «Смысл и сила детали в том, что в бесконечно малое вмещено целое» [3, с. 11].

Под художественной деталью мы понимаем мельчайшую изобразительную или выразительную художественную подробность: элемент пейзажа или портрета, отдельную вещь, поступок, психологическое движение. В поэме К. Симонова такой деталью, по нашему мнению, выступает рука.

В творчестве многих деятелей литературы и искусства рука является ярким символическим образом: высшей, божественной силы и власти, силы и чести, приветствия. В описаниях Онцыфора эта деталь появляется 7 раз. Руки Онцыфора – сильные, жилистые, все в ожогах. Поэт подчеркивает таким образом ремесло героя (кузнец), его «низкое» происхождение, силу и неукротимый нрав.

Таблица 3

**Художественные детали, используемые автором
в описании двух главных героев**

Кузнец Онцыфор	Князь Александр
Он закричал, стуча в перила Костлявым черным кулаком...	Не верилось, что он руками Подковы конские ломал.
... в жесткие ладони Онцыфор храп его зажал.	Поворотил коня на Запад И погрозился кулаком.
Онцыфор поднял к небу руку В ожогах, в шрамах, в желваках...	Закованными в сталь руками Под облака сердито ткнул.
Онцыфор полз все выше, выше, Рукою доставал карниз...	Громила шведа и немчина Его тяжелая рука.
С ладони кожу обдирая, Пролез он всею пятерней...	Сам князь из вотчин их обширных Железной выудил рукой.
Он в пальцах, жестких и худых, Смертельно стиснул на прощанье Мясистый рыцарский кадык.	И князь, едва остыв от свалки, Из-под руки уже следил,

В описании князя Александра эта деталь встречается почти так же часто (6 словоупотреблений) и характеризует князя как неуступчивого, крутого нравом воина. Автор рисует образ властного, могущественного правителя, прибегая при этом к метафорам: «закованная в сталь», «железная». Анализируя эту деталь, можно сделать вывод, что оба героя – сильные и уверенные в себе, все держат под контролем, «в своих руках». Таким образом, эта художественная деталь сближает образы главных героев поэмы.

Во время единственной встречи оба героя дают клятву. *Клятва – торжественное обещание, подкрепляемое иногда упоминанием чего-л. священного, дорогого для того, кто обещает* [2, с. 121]. Онцыфор выкрикивает князю, жителям Переяславля, Богу, что не пощадит себя в бою. Несколько строк

спустя князь Александр дает обещание изгнать врага с русской земли. Две клятвы, произнесенные почти одновременно, связывают двух главных героев поэмы, подчеркивают их своеобразное равенство.

Главные герои поэмы – люди дела, которые берут инициативу в свои руки и ведут за собой других людей. Подтверждением этих слов служит частотное употребление числительного «первый», глагола «опередить». И князь, и кузнец готовы первыми идти в бой, ведя за собой остальных.

Таблица 4

**Слова, используемые автором
для характеристики лидерских качеств героев**

Кузнец Онцыфор	Князь Александр
Пусть черт возьмет меня в геенну, Пусть разразит на месте гром, Когда я на псковскую стену Не влезу первый с топором! Их князь поставил в середину, Чтоб первый приняли напор, –	Сам князь, накинув кожух новый Поверх железной чешуи, Скакал прямым путем ко Пскову, Опередив полки свои. И первым на коне огромном В немецкий строй врубился князь.

В результате нашего анализа можно сделать вывод, что К.М. Симонов создает новый образ Александра Невского. Это не былинный герой, которому все по плечу, а скорее обычный человек, наделенный острым умом, отвагой и мужеством. Чтобы ярче и точнее изобразить ключевые черты характера князя, автор вводит героя-двойника, которого наделяет этими же качествами. Двойничество как художественный способ помогает раскрыть основную идею произведения и понять подсознательные мотивы поведения героя.

Источники и литература

1. Агранович, С. З. Двойничество / С. З. Агранович, И. В. Саморукова. – Самара : Самарский университет, 2001. – 129 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с.
3. Добин, Е. С. Искусство детали: Наблюдения и анализ / Е. С. Добин. – Ленинград : Советский писатель, 1975. – 192 с.
4. Комова, Т. Д. Двойники в системе персонажей художественного произведения: на материале западноевропейской и русской литературы XIX в. : специальность 10.01.08 «Теория литературы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2013.
5. Кормилов, С. И. Деталь художественная / С. И. Кормилов // Современный словарь-справочник по литературе / составитель и научный редактор С. И. Кормилов. – Москва, 2000.
6. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. – Москва, 1967.
7. Рымарь, Н. Т. Поэтика романа / Н. Т. Рымарь. – Куйбышев : Саратовский университет : Куйбышевский филиал, 1990. – 252 с.

РАЗГРОМ ЛАДОГИ И НОВГОРОДА ОПРИЧНЫМИ ВОЙСКАМИ КАК ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕПОСТЕЙ

В данной статье изучается вопрос разорения в XVI веке территорий Ладоги и Новгорода, которые на тот момент являлись крупнейшими торговыми городами. Анализируются различия в захватах, методах ведения войны. Также рассматривается восстановление разрушенных крепостей в последующие годы.

This article examines the issue of the devastation of the territories of Ladoga and Novgorod in the 16th century, which at that time were the largest trading cities. Differences in seizures, methods of warfare are analyzed. Also, the restoration of destroyed fortresses in the following years is being considered.

Ключевые слова: крепость, город, разорение, опричнина, Средние века
Keywords: fortress, city, ruin, oprichnina, Middle Ages

В настоящее время наиболее заметна тенденция изучения истории отдельных регионов России. Современное поколение заинтересовано в изучении не только столичных событий, но и локальных сражений, происходивших на территории нашей страны, что делает данную статью особенно актуальной.

Новгород в XVI в. находился в составе Московского государства. При правлении Ивана III в городе 3 года свирепствовал мор, причиной которому стала чума, вероятно, занесенная из Пскова [2]. Погибло более 15 тыс. человек. В августе 1508 года, после мора, случился страшный пожар – он длился двое суток, и была сожжена почти вся Торговая сторона [4, с. 166]. Погибло около 3 тыс. новгородцев. При Василии III город восстанавливался от потрясений: росло население, происходило строительство, велась внешняя торговля. До становления опричнины в Новгороде утвердились московские порядки: Москвой назначалась приказная и церковная администрация, осуществлялось распоряжение фондом новгородских земель [12, с. 157]. Новгородское дворянство превосходило любое другое по численности. Оно имело значительное политическое влияние, поэтому многие стремились заручиться его поддержкой. В 1560-х годах после упразднения новгородского наместничества заметно усилилось влияние главы церкви и приказных на местное самоуправление. В годы опричнины церковь оказывала услуги царю – например, помощь архиепископа Пимена опричному правительству в расправе над митрополитом Филиппом.

Ладога, как и Новгород, входила в состав Московского государства и делилась на пять концов: Климентовский, Богородицкий, Спасский, Никольский, Симеоновский. В каждом конце стоял приходской храм. Данная система

деления появилась незадолго до присоединения к Москве и была не стабильна [10]. К 1568 году количество концов Ладоги сократилось до трех. Городом управлял наместник, располагавший гражданской, военной, административной и судебной властью. При наместнике имелись тиуны и доводчики, которые сменялись вместе с самим наместником. В 1550-х годах был введен институт судебной и полицейской земской власти, представленный губными старостами. Тогда же был введен институт городских приказчиков. Делопроизводством занимались подьячие, земские и церковные дьячки. В соответствии с тем, что Ладога располагалась по обоим берегам реки Волхов, Ладожский уезд делился на Водскую и Обонежскую половины. В середине XVI в. происходит развитие сухопутных связей Ладоги с Новгородом – была соединена прямой ямской дорогой. Но по причине того, что Новгород имел связи с Ивангородом и Нарвой, Ладога оказывается в стороне от важнейших путей. Главным богатством города были рыболовные угодья. Также два раза в год осенью проводились ярмарки, на которые съезжались люди из других городов [7, с. 276].

Таково было состояние городов накануне разгрома опричными войсками. Согласно Большой Советской энциклопедии, опричина, как часть государственной политики Руси в 1565–1572 гг., характеризуется конфискацией земель и имущества знати и церкви в пользу государства, борьбой с предполагаемой изменой бояр путем массовых казней [8]. Данная политика объяснялась несовпадением интересов царя и Избранной рады по различным вопросам [6, с. 94-95]. Так, например, Иван Грозный был не согласен с мнением Адашева о приоритетности завоевания Крыма в сопоставлении со сражениями на западе. В период опричнины земля делилась на опричнину (территория с войском и государственным аппаратом, доходы с которой поступали в государственную казну) и земщину (территория, управляемая боярам, на которую царь выселял тех, кого не хотел видеть в опричном дворе). Опричное войско насчитывало около 6 тыс. человек.

Причин разорительных походов было несколько. Свое начало они берут с 1566 г., когда на Земском Соборе большинство новгородцев поддержало требование об отмене опричнины. Новгородское ополчение по численности вдвое превосходило силы опричного корпуса, что заставляло опричное войско пристально следить за настроениями новгородских земель. Первой причиной можно назвать давнее торговое и культурное соперничество между Москвой и Новгородом. Вторая – экономический упадок второй половины 1560-х гг. в Новгороде (эпидемия чумы и голод) и вызванные в связи с этим социальные противоречия. Антимосковские настроения подпитывались злоупотреблениями московской администрации.

Поводом к разгрому послужили «изменное» дело Пскова и поиск сообщников князя В.А. Старицкого. По обвинению Пскова в сдаче литовцам Изборска в январе 1569 г. происходили опричные репрессии и выселение из Пскова и Новгорода всех неблагонадежных лиц: 500 семей было выселено из Пскова и 150 из Новгорода [3, с. 42]. Подозрения новгородцев в заговоре в пользу

двоюродного брата царя князя В.А. Старицкого объяснялось тем, что князья рода Старицких, владения которых находились близ Новгорода, давно поддерживали с ним дружбу и имели вассалов среди новгородских помещиков.

Главными инициаторами новгородского дела были опричные думные дворяне Малюта Скуратов и Василий Грязной. Именно они возглавили руководили погромом Новгорода. Раскрытие новгородской «измены» позволило Скуратову устранить старое опричное руководство и захватить власть в опричной думе.

Опричина на Новгород двинулась через Клин, Тверь, Торжок и Бежецкую пятину [12, с. 162]. Новгородский погром, в соответствии с А.А. Зиминым, явился преодолением последних остатков политической раздробленности страны [5, с. 304-305].

2 января 1570 г. передовые отряды опричной армии оцепили Новгород и заняли главнейшие монастыри в окрестностях города. Они опечатали монастырскую казну и взяли под стражу многих монахов и попов. Через несколько дней в Новгород прибыл Грозный, остановившийся лагерем на Городище. В воскресенье 8 января царь отправился к обедне в Софийский собор. Архиепископ торжественно встретил его, но Иван отказался принять от него благословение и обвинил его и всех горожан в измене. Опричники забрали из Софии драгоценную утварь и иконы, выломали из алтаря древние Корсунские ворота.

9 января начался суд в царском лагере на Городище. Дознание велось с применением жестоких пыток: опальных жгли на огне, привязывали к саням длинной веревкой, волокли до Новгорода и сбрасывали с моста в реку. С помощью пыток опричники добивались нужных им показаний. Суд на Городище продолжался до конца января [12, с. 165].

Новгородские записи синодика содержат подробные списки лиц, осужденных по новгородскому делу [13, с. 10]. Согласно им, во время суда было казнено более 200 дворян и подьячих. Примерно 100–200 дворян было увезено под стражей в Александровскую слободу.

После изобличения и казни главных «заговорщиков» опричники взялись за монастыри. Царь самолично руководил изъятием из них сокровищ [15, с. 90]. Опричники грабили монастырскую казну и кельи, снимали колокола, громили монастырское хозяйство. Также царь наложил на 27 монастырей громадную контрибуцию. Объезд монастырей занял примерно неделю. По словам участника похода опричника Штадена, царь велел громить посад только по возвращении из монастырского объезда. В дни погрома все торговые склады и лавки Новгорода были разграблены: ценные товары забирались в казну, прочие товары сжигались. Опричные ломали ворота и грабили дома посадских людей.

Особой свирепостью отличались меры опричины против новгородской бедноты. Множество отчаявшихся голодных людей искали спасения в Новгороде. Царь приказал выгнать за ворота города всех нищих. Вследствие чего большая часть погибла от сильного мороза и голода. Позже было велено то-

пить в реке неимущих и бродяг, избличенных или подозреваемых в людоедстве [14, с. 31-32].

Опричники пробыли в Новгороде шесть недель – со 2 января до 13 февраля 1570 г. 13 февраля царь освободил посадских людей. Однако на духовенство это не распространялось.

В 1570 г. вскоре за разгромом Новгорода Ладога подверглась разорению опричниками во главе с князем Петром Ивановичем Борятинским [9, с. 133]. Из 108 дворов уцелел 31 двор. Многие жители выбирали два пути: переждать или сменить город проживания. Пережидали в основном в лесу в землянках, пряча хлеб в потайных ямах и украдкой распахивая лесные опушки. Переезжали же в более благополучные волости и уезды. Согласно переписи Ладоги 1572 г., значительное число жителей ушло в ближайшие опричные волости, где можно было вновь начать создавать хозяйство, – Силосарскую (Кисельня) и Порожскую (Волхов). В земщине население пострадало от побоев.

Вслед за ним в 1571 г. произошло еще 2 разорительных похода. Один из них учинен Леонтием Кузьмичом Понточиным. Он взыскивал долги по кабалам, организовывал долговые тюрьмы. Должника держали в заключении до тех пор, пока он или его родственники не расплачивались по долгам. Применение телесных наказаний и пыток при взыскании долгов было обычной практикой. Вероятно, взыскиваемые долги были сделаны во время прошлого разорения, когда с посада были взяты чрезвычайные поборы.

Следующим разгромом руководил Данило Иванович Исленьев (Ивана Меньшого сын) [9, с. 139]. В его задачу входило «править государьскую обиходную рыбу и за рыбу деньги». При этом опричники вели себя в городе и в ближайшей округе как на завоеванной территории – жгли дома с целью согреться, грабили и убивали жителей.

Новгород не перестал существовать, не потерял свой статус. В 1571 г., во время похода крымского хана Девлет-Гирея на Москву, царь вместе с государственной казной нашел убежище именно в Новгороде. А в 1572 г. Новгород становится для Грозного и ставкой, и тыловой базой [11]. Царь не опасается ни мести новгородцев, ни их мятежа.

Ладога же занялась укреплением. В 1580-е гг. крепость была перестроена: возведены стены толщиной до 7 м с 5 башнями (Стрелочная, Тайничная, Раскатная, Климентовская, Воротная) [1]. На рубеже 16 и 17 вв. с южной стороны к крепости пристроен дерево-земляной город с 3 бастионами.

1570-е годы – это эпоха повсеместного и тотального разорения Северо-Запада России в ходе опричных безумств Ивана Грозного, это время нарушения всего хозяйственного уклада.

Сравнивая разорения Новгорода и Ладоги, можно прийти к следующим заключениям: 1) новгородский погром был однократным в отличие от Ладоги; 2) за разорение Ладоги отвечали участники опричного войска, когда разгромом Новгорода руководил сам Иван Грозный; 3) основанием разорений Ладоги было взыскание долгов, а Новгорода – измена.

В истории опричнины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие расправы над населением сделали самое понятие опричнины синонимом произвола.

В 1950–1960-е гг. крепости были подвержены музеефикации. В их экспозициях представлено освещение опричного произвола на территории данных городов, в то время как в подробных крупных исторических музеях столиц данная информация может быть изложена менее подробно.

Источники и литература

1. Большая российская энциклопедия : Старая Ладога. – URL: https://bigenc.ru/fine_art/text/5747837 (дата обращения: 02.09.2021). – Текст : электронный.
2. Военное обозрение: «Черная Смерть» в России. Часть 2. – URL: <https://topwar.ru/22015-chernaya-smert-v-rossii-chast-2.html> (дата обращения: 23.08.2021). – Текст : электронный.
3. Вопросы истории СССР XVI–XVIII вв. – Ленинград : [б. и.], 1965. – 291 с.
4. Дубровин, Г. Е. Пожар Торговой стороны Новгорода 1508 года / Г. Е. Дубровин. – Текст : электронный // Поволжская археология. – № 2. – С. 166-172. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozhar-torgovoy-storony-novgoroda-1508-goda/viewer> (дата обращения: 23.08.2021).
5. Зимин, А. А. Опричнина Ивана Грозного / А. А. Зимин. – Москва : Мысль, 1964. – 535 с.
6. Зимин, А. А. Россия времени Ивана Грозного / А. А. Зимин, А. Л. Хорошкевич. – Москва, 1982. – 184 с. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=123096&p=1> (дата обращения: 02.09.2021). – Текст : электронный.
7. Кирпичников, А. Н. Ладога в третьей четверти XVI в. (первопубликация писцовой книги 1568 г.) / А. Н. Кирпичников // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. – Санкт-Петербург : Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2002. – С. 268-277. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42512944_34990823.pdf (дата обращения: 25.08.2021). – Текст : электронный.
8. Корецкий, В. И. Опричнина / В. И. Корецкий // Большая Советская энциклопедия. Т. 18. – URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/1803.htm> (дата обращения: 02.09.2021). – Текст : электронный.
9. Павлов, А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.) / А. П. Павлов. – Санкт-Петербург : Наука : Санкт-Петербургское отделение, 1992. – 278 с.
10. Селин, А. А. Ладога при Московских царях / А. А. Селин. – URL: <http://www.ladogamuseum.ru/article/selin/pub7/> (дата обращения: 21.08.2021). – Текст : электронный.
11. Сидорчик, А. «1490 человек ручным усечением». Зачем Иван Грозный разгромил Новгород / А. Сидорчик. – Текст : электронный // Аргументы и факты. – URL: https://aif.ru/society/history/1490_chelovek_ruchnym_usecheniem_zachem_ivan_groznyy_razgromil_novgorod (дата обращения: 02.09.2021).
12. Скрынников, Р. Г. Опричный разгром Новгорода / Р. Г. Скрынников. – URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2016/08/Skrynnikov_R_G_9.pdf (дата обращения: 21.08.2021). – Текст : электронный.
13. Скрынников, Р. Г. Синодик опальных царя Ивана Грозного (7091 года) / Р. Г. Скрынников. – URL: http://www.lifeofpeople.info/LibraryOwnData/Conspect/30_1_16_s23_1.pdf (дата обращения: 02.09.2021). – Текст : электронный.
14. Шлихтинг, А. Новое известие о России времени Ивана Грозного / А. Шлихтинг. – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1935. – 97 с.
15. Штаден, Г. Записки немца-опричника / Г. Штаден. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 238 с.

В.В. Казаков

Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в СПб и Ленинградской области (г. Санкт-Петербург)

ЭКСПЕДИЦИЯ В РАЙОН ЛЕДОВОГО ПОБОИЩА: РЕВИЗИЯ ВЫВОДОВ ИССЛЕДОВАНИЙ Г. Н. КАРАЕВА

Экспедиция на Чудском озере (2019–2021 гг.), проводимая при поддержке РВИО, провела всестороннюю ревизию итогов «Комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища» шестидесятилетней давности. Проверка версий Г.Н. Караева и Э.К. Паклара о месте сражения показала, что следует признать достоверной и обоснованной версию Э.К. Паклара, именно она дает основание для дальнейших исследований по окончательной локализации места Ледового побоища.

The expedition on Lake Peipus (2019–2021), conducted with the support of the Russia's Military Historian Society, completed an audit of the results of the «Comprehensive Expedition to Clarify the Place of the Ice Battle» sixty years ago. Verification of the versions of G.N. Karaev and E.K. Paklar about the place of the battle showed that it is necessary to recognize the the version of E.K. Paklar is more reliable and justified. This version have the basis for further researches on the final localization of the Ice Battle site.

Ключевые слова: Александр Невский, Г.Н. Караев, Э.К. Паклар, Чудское озеро, Ледовое побоище, экспедиция Российского военно-исторического общества.

Keywords: Alexander Nevsky, G.N. Karaev, E.K. Paklar, Lake Peipus, Ice Battle, the expedition of the Russia's Military Historian Society.

Общественным фондом «Братский корпус Николая Чудотворца» при поддержке Российского военно-исторического общества третий год проводится экспедиция по локализации места Ледового побоища (1242 г.) на Чудском озере. Битва дружины Александра Ярославича с тевтонскими рыцарями и их приспешниками происходила в прибрежной и береговой части Чудского озера в районе Желченского залива, которая сейчас из-за изменения уровня водоема находится под водой.

Подготовка к экспедиции началась в 2017 г. и основным ориентиром для ее организаторов была экспедиция, проводившаяся на Чудском озере в 1958 г. под руководством военного историка, писателя Георгия Николаевича Караева, результаты которой не пересматривались более полувека. В связи с результатами работы нынешней экспедиции и 130-летием со дня рождения генерала Караева представляется важным вспомнить основные жизненные вехи и заслуги Георгия Николаевича, а также рассмотреть вопрос о ревизии результатов его экспедиции на основе современных исследований.

Г.Н. Караев родился 24 июня 1891 г. в Петергофе и с детства впитал интерес к войне от отца – осетина, героя балканских войн, Дудара (в крещении Николая) Караева, и любовь к литературе от матери – выпускницы Бестужевских курсов, директора одной из петербургских школ, дворянки Ольги Николаевны Лапшиной. Георгий окончил гимназию с золотой медалью, а затем Павловское военное училище. В Первую Мировую войну был командиром рот, был награжден Георгиевским оружием, получил тяжелейшую контузию. В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, был командиром батальона, командиром полка и начальником оперативного отдела штаба армии.

Караев преподавал в военных учебных заведениях, принимал участие в разработке организации и методики боевой подготовки войск РККА. От военной секции Общества пролетарского туризма и экскурсий организовывал и проводил с молодежью военизированные походы по местам боев Гражданской войны. В начале 1930-х годов подготовил и издал несколько брошюр по данному направлению. Позже появились книги по военной истории, а затем и художественные произведения на историческую тематику.

Великая Отечественная застала Г.Н. Караева на должности начальника кафедры истории военного искусства Военно-Транспортной академии.

После войны Караев защитил диссертацию по средневековому военному искусству на примере Грюнвальдской битвы. Получил звание генерал-майора (1949), был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени и многими медалями, а в 1951 г. вышел в отставку.

В этот период Георгий Николаевич, будучи председателем Военно-исторической секции Ленинградского дома ученых, сосредоточился на событиях, связанных с историей войн Тевтонского ордена и выступил организатором и руководителем проекта, получившего название «Комплексная экспедиция по уточнению места Ледового побоища».

Летописные рассказы о сражении войска князя Александра Ярославича с немецкими рыцарями в 1242 г. дают следующий набор топонимов: «на Чудском озере, на Узмени, у Воронья камени», а также упоминают, что преследование убегающего врага велось «на 7-ми верстах по льду до Суболичьскаго берега» [10, с. 78].

Вопрос о том, где именно на Чудском озере произошла историческая битва в 1242 г., поднимался историками начиная с середины XIX в. Различные версии предлагали: Н.И. Костомаров [7, с. 363], И.И. Василев [4, с. 184], Ю. Трусман [13, с. 44-46]. Историк А.И. Бунин, занимавшийся вопросами летописной топонимики и географии, впервые в 1899 г. отождествил Вороний Камень с Вороньим островом [3, с. 214-219].

Общей особенностью всех этих версий была их умозрительность – никому не удавалось убедительно доказать преемственность современных и древних топонимов, а натурных исследований на местах никто из авторов не проводил. Иначе к этой проблеме подошел исследователь Эрнст Карлович Паклар. Рожденный в Златоусте, эстонец по национальности, Э.К. Паклар в 1931 г., после окончания Ленинградского педагогического института, впервые

совершил поездку к предполагаемому месту сражения: в деревни Кобылье Городище и Подборовье. В своей статье «Где произошло Ледовое побоище?» [11, с. 304-316] 1950 года Э.К. Паклар составил подробный обзор различных версий, указывающих места сражения. Затем автор определил три факта:

Прежде всего – изменение очертаний берегов Чудского озера из-за подъема воды. Он первым заострил внимание на том, что авторы отталкиваются от *современной* географии, что может быть совершенно неверным по отношению к реалиям времен Александра Невского.

Во-вторых, он описал расположенный вблизи западной части Вороньего острова на глубинах от полуметра до 1 м выход размытых озером песчаных пород, превратившихся в некую «каменную гриву» [11, с. 309].

И, в-третьих, выдвинул свою, логически проработанную версию, в которой он точно привязал место сражения: «у Вороньего камня, находящегося в 12–14 км от эстонского берега, в 9 км от острова Пийрисаар, в 2,2 км от нынешней деревни Подборовье и в 3,3 [км] от Кобыльего городища» [11, с. 316]. Таким образом, точка битвы оказывалась севернее устья р. Желчи. Здесь до 1920-х гг. из воды торчал так называемый Подборовский камень, взорванный как помеха местному судоходству. Вот его-то Паклар и определил как Вороний камень, так как именно район Подборовья отстоит на 7 верст от Соболицкого берега [11, с. 312]. В соответствии с этим фактом и саму битву Э.К. Паклар локализовал в восточной части акватории Желченского залива.

Несмотря на выводы Паклара, дискуссия начала 1950-х гг. – в какой именно точке берега все происходило – не была закрыта.

В это время Караев, явно под влиянием работы Паклара, начинает проработку экспедиции, координируя свои действия с АН СССР и лично с академиком М.Н. Тихомировым.

Еще до начала экспедиции 1958 г. Г.Н. Караев выбрал единственный вариант локализации битвы – к западу от о. Вороньего. Водолазы, в сущности, должны были просто подтвердить каким-то реальным результатом уже сформированную версию.

Эту уверенность начальника экспедиции почувствовал и зафиксировал в своих дневниках М.Н. Тихомиров: «В Пнево внезапно произошла мимолетная, но неприятная ссора с генералом, почему-то ревниво оберегавшим свой вариант, что надо искать место побоища у о. Вороньего. Я давно уже заметил какую-то его особую нервность, в явной связи с тем, что весь наш флот и аквалангисты пока ничего не нашли. Удивляться этому нечего, так как объем работ громадный, но плохо то, что генерал несколько упрощенно думает об истории» [1, л. 9].

Намного серьезнее выглядит критика самим М.Н. Тихомировым тезисов отчетного доклада Г.Н. Караева по итогам работ 1958 года [2, л. 1-3]. Прежде всего, историк резонно возражал против определения экспедиции Караева как «комплексной». Она была достаточно узкопрофильной.

Далее М.Н. Тихомиров указал на умозрительность предположений генерала о гидрографии озера и безапелляционность его заявлений типа, «700 лет

назад Теплого озера не существовало», а острова Вороний и Городец представляли собой «составные части большого полуострова» [2, л. 5-6]. М.Н. Тихомиров писал: «Такие заявления звучат фантастически, так как они ничем не подтверждены. К тому же заявления Г.Н. Караева о том, какими были берега Чудского озера 700 лет тому назад, опровергаются картами и планами XVIII в.» [2, л. 2].

В качестве летописного «камня» Г.Н. Караев определил район западной оконечности о. Вороний. Здесь, по умозрительному предположению генерала, находилась некогда «исполинская скала бурого песчаника» – это и был Вороний камень. Подводные изыскания, проведенные в этом районе, выявили «не-что, напоминающее остатки каменной основы земляных валов» [5]. Таким образом, то, что Э.К. Паклар описывал как «каменную гриву» естественного происхождения (а именно – обширный выход девонского бурого песчаника) Г.Н. Караев, опираясь на показания водолазов, определил как остатки искусственного сооружения. Значительная мутность воды полностью исключала возможность подводной фотосъемки, и аквалангисты экспедиции вынуждены были ограничиться карандашными зарисовками. Эти скопления камней были определены как остатки древней каменной кладки, некоего укрепленного сооружения [12].

Режиссер Виталий Мельников, автор научно-популярного фильма «На Чудском озере», посвященного работе экспедиции 1958 г., в своих воспоминаниях так описывает открытие «кладки»:

«Аквалангисты запаслись грифельными досками и нырнули в Чудское озеро. Вынырнули они подозрительно быстро с корявым изображением каких-то квадратиков.

– Древняя каменная кладка! – доложили они.

– Ну, вот! Оборонительное сооружение новгородцев! Давно бы так, – похвалил их генерал» [9].

При всей беллетризованности и возможной неточности этих воспоминаний, в них схвачен важный момент: изначально нормальная для исследователя-профессионала формула «отрицательный результат – тоже результат» начальника экспедиции генерала Караева не устраивала.

Здесь надо упомянуть о том, что точка в районе Подборовья, предложенная Э.К. Пакларом, была отвергнута, при этом критика «места Паклара» Г.Н. Караевым строится на довольно зыбких основаниях. Валун, указанный эстонским историком, как будто был найден, но на роль Вороньего камня не годился, потому что от него нельзя было преследовать отступающего врага семь верст до Суболицкого берега

Таким образом, Г.Н. Караев фактически встал на одну из существовавших точек зрения о месте локализации Ледового побоища и направил усилия на поиски ее доказательств. Подробно разработанная позиция Э.К. Паклара, несмотря на некоторые «реверансы» в его сторону, была отвергнута.

Место битвы Г.Н. Караев определил у берега южнее мыса Сиговец в 1,5 км от Вороньего острова. По однозначному убеждению руководителя

экспедиции, именно на этом берегу (ныне скрытом под водой) и приняло бой войско князя Александра, а после перелома в ходе сражения преследовало бегущих врагов через Узмень [6].

Однако в ходе работ ни одного археологического артефакта XIII в. (например, предмета вооружения), позволяющего прямо привязать сражение к данному месту, экспедиция Г.Н. Караева не обнаружила.

Позиция Г.Н. Караева по вопросу места Ледового побоища получила своеобразный «освященный» статус на последующие пятьдесят лет. А его экспедиция получила собственный нарратив, благодаря книгам самого Караева («Загадка Чудского озера» (1966, 1976), «К Вороньему камню» (1967), «Путем Александра Невского» (1970)); а также документального фильма молодого ленинградского режиссера Виталия Мельникова «На Чудском озере» (1959). Все это закрепило локацию Караева не только в сознании широкой общественности, но и в науке – все графические изображения места и схемы сражения, созданные за полвека, так или иначе восходят к выводам караевской экспедиции.

Проверка и уточнение результатов Комплексной экспедиции стали возможны только при условии масштабных изысканий с помощью современных приборов. Именно таким образом работала на озере Поисковая научная экспедиция, организованная общественным фондом «Братский корпус Николая Чудотворца» при поддержке Российского военно-исторического общества под руководством председателя Регионального отделения РВИО в Ленинградской области О.И. Титберия.

Прежде всего, была выполнена батиметрическая съемка нескольких участков акватории Чудского озера, которые могли быть тем или иным образом связаны с событиями 1242 г. С помощью интерферометра специалисты-гидрографы составили графическое изображение изучаемых районов. Данный метод позволяет выявлять на дне различные объекты, например скопления крупных камней. Наибольшее внимание уделялось двум районам акватории – вблизи о. Вороний, где, по версии Г.Н. Караева, находился Вороний камень, и в районе банки Подборовье.

Получив от гидрографов координаты объектов у о. Вороний, начали действовать аквалангисты экспедиции. Они визуально обследовали выявленные на дне предметы, фотографировали их, подняли на поверхность образцы девонского бурого песчаника коренного берега острова Вороний, который на протяжении столетий затапливался и разрушался озером, что создало зрительную иллюзию каменной «кладки». Фрагменты песчаника при высыхании на воздухе теряют внешнюю крепость и легко рассыпаются. Таким образом, он никак не мог служить строительным материалом.

Говоря об участке в районе банки Подборовье, где находился большой гранитный валун, который летописным Вороньим камнем считал Э.К. Паклар, необходимо вспомнить, что Г.Н. Караев признавал, что труды Паклара отражают новый этап в поисках места Ледового побоища, и в этом месте, по записям Тихомирова, даже проводились подводные изыскания, но генерал не стал включать эти поиски в свой отчет [2, л. 1].

Специалистами-подводниками было поднято со дна озера в этом месте несколько фрагментов наиболее вероятного Вороньего камня, известного в лоциях Чудского озера под именем Подборовского камня [8, с. 15]. На извлеченных из озера осколках гранита отчетливо видны следы разрушений, вызванных взрывом, произведенным в начале XX века в целях безопасности прибрежного судоходства. По показаниям приборов остатки валунов представляют собой россыпь кусков гранита до полутора метров в высоту общей площадью более 10 000 кв. м, что суммарно дает объем около тысячи кубических метров.

Объект такого масштаба, безусловно, не мог быть незамеченным и является явным претендентом на имя собственное в равнинно-болотистом окружении. И, разумеется, каменный объект имеет безусловное предпочтение перед песчаным холмом в присвоении ему названия «Вороньи камни».

Вследствие этого меняется и место самого сражения. Так как оно происходило в непосредственной близости от Вороньего камня, то и зона Ледового побоища перемещается не менее чем на 5 км от места, где его расположил Г.Н. Караев.

Таким образом, при проведении всесторонней ревизии итогов «Комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища» было доказано, что выводы Г.Н. Караева в отношении летописного Вороньего камня и места сражения на Чудском озере следует признать ошибочными, а позицию Э.К. Паклара – безусловно достоверной и обоснованной, имеющей основание для перспективы дальнейших исследований по окончательной локализации места Ледового побоища.

Источники и литература

1. Архив Российской академии наук. Ф. 693. Оп. 3. Д. 68. Л. 9.
2. Архив Российской академии наук. Ф. 693. Оп. 1. Д. 225а. Л. 1–3.
3. Бунин, А. И. О месте битвы русских с немцами, бывшей 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера / А. И. Бунин // Труды Десятого археологического съезда в Риге. – Москва, 1899. – Т. 1. – С. 214-219.
4. Василев, И. И. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда / И. И. Васильев. – Псков, 1882. – С. 184.
5. Караев, Г. Н. К вопросу о месте Ледового побоища / Г. Н. Караев. – URL: <http://www.a-nevsky.ru/library/karaev-ledovoe-poboische2.html> (дата обращения: 05.03. 2020). – Текст : электронный.
6. Караев, Г. Н. Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции // Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. – Москва ; Ленинград, 1966. – URL: <http://www.a-nevsky.ru/library/karaev-ledovoe-poboische10.html> (дата обращения: 05.03.2020). – Текст : электронный.
7. Костомаров, Н. И. История Новгорода, Пскова и Вятки / Н. И. Костомаров. – Санкт-Петербург, 1868. – Т. 1. – С. 363.
8. Лоция Чудского и Псковского озер. Составлена в 1912 году. – Санкт-Петербург, 1912. – С. 15.
9. Мельников, В. Жизнь. Кино / В. Мельников. – URL: <https://r5.rbook.top/book/16104060/read/page/140/> (дата обращения: 17.08. 2021). – Текст : электронный.
10. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. – Москва, 2000. – С. 78.

11. Паклар, Э. К. Где произошло Ледовое побоище? / Э. Л. Паклар // Исторические записки. – 1951. –Т. 37. – С. 304-316.

12. Раппопорт, П. А. Археологическое обследование восточного побережья Чудского озера / П. А. Раппопорт, Я. В. Станкевич, И. К. Годунова. – Текст : электронный // Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. – URL: <http://www.a-nevsky.ru/library/karaev-ledovoe-poboische3.html> (дата обращения: 5.03. 2020).

13. Трусман, Ю. О месте Ледового побоища в 1242 г. / Ю. Трусман // Журнал Министерства народного просвещения за 1884 г. Январь. – С. 44-46.

М.В. Катрушенков

Российский государственный
гуманитарный университет (г. Москва)

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПОЛКОВОДЦЕВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ КАК ВАЖНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В данной статье рассматривается эволюция отображения образов полководцев Средневековой Руси не только в художественных, но и мультипликационных фильмах. Выделяются полководцы Средневековой Руси, которые могут быть интересны современному зрителю. Показывается необходимость продолжения популяризации героев Руси-России в современном киноискусстве.

This article examines the evolution of the representation of the images of the generals of Medieval Russia not only in fiction, but also in animated films. The commanders of Medieval Russia, who may be of interest to the modern viewer, stand out. The necessity of continuing the popularization of the heroes of Russia-Russia in modern cinema is shown.

Ключевые слова: полководец, фильм, история, кинопродукт, мультипликация, Средние века.

Keywords: commander, film, history, film production, animation, the Middle Ages.

В последние десятилетия в Российской Федерации уделяется большое внимание съемкам художественных, документальных и мультипликационных фильмов с изображением образов русских князей, полководцев и военачальников, оказавших заметное влияние на развитие нашего государства.

В настоящее время существует несколько проблем:

- советское поколение, которое хочет узнать историю дореволюционной России, стремится за знаниями;
- современное поколение, которое в целом не знает российской истории и культуры.

Русская история неразрывна с мировой. Развитие киноиндустрии началось в 1930-е гг. Тогда советский кинематограф решительно взял курс на

съемки первых художественных фильмов о русских героях-полководцах, которые сражались с внешней угрозой. Подобные фильмы должны были показать преемственность истории, свободу и героизм русского человека. Наша страна начинает борьбу за патриотическое воспитание граждан, объясняя, что до 1917 г. у России тоже была история, которая состоит не только из черных красок.

Кинематограф отвечал на веяния общества. Поэтому в 1937 г. появляются первые исторические фильмы, среди них «Александр Невский». Он сразу ставит перед советским зрителем мысль: угроза с Востока (от войск Золотой Орды) не столь важна. Определяющее направление – Запад: войска Тевтонского Ордена, то есть немцы и литовцы. «Атака крестоносцев «свиньей» вызвала ассоциации с прокламируемыми фашистами танковыми клиньями. Великие же полководцы, согласно режиссерской интерпретации, лишь потому одерживали победы, что не придерживались канонов военного искусства» [5, с. 125].

Именно в эти года начинают выходить первые фильмы о Красной армии, о подвигах народов, проживающих на территории СССР. Населению показывают триумф и стремление славянских народов, проживающих в других странах, к свободе.

«Эти фильмы смотрела вся страна. Они создавали некий пантеон героев, предшественников советской власти. Критериями для включения в этот пантеон того или иного персонажа из дореволюционной истории были его заслуги в расширении и укреплении государства, в его защите от внешних и внутренних врагов» [1, с. 96].

Затем исторические фильмы снимались про Петра Первого. Это были фильмы «Арап Петра Великого», «Юность Петра» и «Россия молодая». Но с наступлением 1990-х годов и отказом от марксистско-ленинской идеологии России потребовался новый взгляд на прошлое. Дореволюционной истории стало уделяться большее внимание. Это выразилось в доступе к ранее секретным документам, увеличении исследований об истории Средних веков без идеологизированности.

В 2004 г. был снят первый мультипликационный фильм, посвященный князю Владимиру. Его имя известно каждому современному школьнику, во многом благодаря «раскрутке» этого имени. «Именно сказочный образ Владимира открывает возможность создания анимационного образа. И такой мультипликационный фильм «Князь Владимир» был создан и имел успех у зрителя» [1, с. 98].

На сегодняшний день мультфильмы о героях, русских богатырях снимаются при поддержке Русской православной церкви, но они не имеют массового зрителя. Об этих кинопродуктах практически никому не известно.

В нынешнем году празднуется 800-летие рождения святого благоверного князя Александра Невского. О нем был снят черно-белый художественный фильм в 1937 г., цветной фильм в 1991 г. «Житие Александра Невского» и в 2008 г. «Александр. Невская битва». Последние фильмы не получили массовой поддержки.

В свою очередь, в истории средневековой Руси было большое количество других гениальных полководцев. Среди них и Дмитрий Донской, и Ослабля, и Пересвет, и Михаил Воротынский, и другие, но до сих пор не создан качественный кинопродукт.

Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) для школьников различных уровней образования предполагает гражданско-патриотическое воспитание. Пункт 41.1.1. стандарта [4] прямо говорит о том, что данный процесс предполагает «сопричастность к прошлому, настоящему и будущему своей страны и родного края». Поэтому было бы хорошо создать новый качественный контент, основанный на коротких мультипликационных сюжетах, и, возможно, даже комиксах с историей битв, в которых те или иные полководцы принимали участие.

Данный контент должен иметь цветной формат, так как он лучше всего воспринимается современной молодежью. Цвет является важной частью жизни человека. Цвет – это зрительное ощущение, которое человек получает, когда в глаз попадают световые лучи разной длины волны [2, с. 4].

Восприятием цвета на человека активно занимался еще Иоганн Вольфганг Гете. В своей работе «Учение о цвете» он выделял цвета, которые вызывают позитивный и негативный отклик у человека.

Цвет, как выразительное средство искусства и психологического воздействия на человека, рассматривался в статьях и монографиях К.С. Малевича, М. Антониони, А.А. Тарковского, М.И. Ромма.

Советский ученый Е.М. Голдовский в своей работе «К проблеме цвета в современном кино» подводит к следующему выводу: в черно-белом кино, чтобы передать погоду, явление природы, отношение человека к событию, главной становится роль героя, который должен максимально войти в образ. Но если в кадр добавить цвет, то можно абсолютно достоверно передать ощущение от происходящего, подчеркнув смыслы. Это усиливает воздействие на зрителя [2, с. 18].

Правильно подобранное цветовое решение создает определенный художественный образ в фильме. Цвет не только дает окрас окружающим нас предметам, но и является одним из факторов психологического восприятия мира, поэтому так важно создать именно цветной кинопродукт.

Необходимо создать у подрастающего поколения образ героя освободителя, заложить основы преемственности этого образа в современной жизни. Но тут возникает вопрос, кто должен быть этим героем?

Каждый год проводятся опросы населения в рамках проекта «Имя России», в котором люди выбирают имя героя России. На протяжении долгого времени главное имя России среди средневековых полководцев неизменно занимает Александр Ярославич Невский. А в 2008 г. он же стал победителем в народном голосовании. Его имя стало символом России. В непростой борьбе князь Александр обошел Петра Столыпина и Иосифа Сталина [3]. Этот образ является, безусловно, положительным и однозначным в российском обществе.

Российское общество готово воспринимать своих героев. Российские средства массовой информации, в условиях большого запроса на патриотизм, могли бы вновь вернуться к съемкам фильмов про средневековых полководцев. Особенно интересным было бы вновь создать мультипликационный фильм об Александре Невском как главном полководце всей Средневековой Руси.

Источники и литература

1. Борисов, Н. С. Средневековая Русь в современных средствах массовой информации / Н. С. Борисов // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – № 6. – 2019. – С. 95-100.
2. Голдовский, Е. М. К проблемам цвета в современном кино / Е. М. Голдовский. – Москва, 1971. – 26 с.
3. Официальный сайт храма святителя Арсения Тверского. – URL: <http://church-arseniy.cerkov.ru/2020/12/05/simvol-rossii/> (дата обращения: 02.09.2021). – Текст : электронный.
4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования : приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 286. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/> (дата обращения: 01.09.2021). – Текст : электронный.
5. Секиринский, С.С. История страны. История кино / С. С. Секиринский. – Москва, 2004. – 496 с.

Л.И. Кубецкая, Н.О. Кудрявцева
ФГБУ ЦНИИП Минстроя РФ
(г. Москва)

ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ И СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАССЕЛЕНИЯ РАЙОНОВ ОНЕГИ И СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ (ПРИОНЕЖЬЯ И ПОДВИНЬЯ)

В статье доказывается ведущая основополагающая роль монастырей в сложении исторического расселения территорий вдоль русел рек Онеги (Поонежья) и Северной Двины (Подвинья). На основании исследования фактических данных о перемещениях и духовных связях основоположников монастырей прослеживаются начертания структуроформирующих трактов, дорог, путей передвижения, что позволяет проследить духовную канву расселения на труднодоступных территориях, которая опосредованно отражает воздействие духовного подвижничества в освоении территорий, а деятельность основанных ими монастырей влияла на экономическое, просветительское и гуманитарное развитие. Анализ локализации, ареалов скопления монастырей показал особенности складывающихся систем расселения и их продвижение от основных ядер, отслеживая путь Москва – Ростов – Вологда – Соловки.

The article proves the leading fundamental role of monasteries in the formation of the historical settlement of territories along the riverbeds of the Onega (Poonezhya) and Northern Dvina (Podvinya) rivers, based on the study of actual da-

ta on the movements and spiritual ties of the founders of monasteries, the outlines of structure-forming tracts, roads, ways of movement are traced, which allows us to trace the spiritual outline of settlement in hard-to-reach territories, which indirectly reflects the impact of spiritual asceticism in the development of territories, the development of economic, educational and humanitarian activities of the inhabitants of monasteries the analysis of localization, areas of accumulation showed the influence on the features of the emerging settlement systems and their progress from the main cores, tracking Moscow-Rostov-Vologda-Solovki.

Ключевые слова: историческое расселение, монастырское расселение, опорный каркас расселения, историко-генетические взаимосвязи, духовный потенциал, зоны влияния, национальные традиции.

Keywords: historical settlement, monastic settlement, the basic framework of settlement, historical and genetic relationships, spiritual potential, zones of influence, national traditions.

Одна из важнейших подсистем опорной сети исторического расселения на Русском Севере – монастырская. Роль монастырей в освоении территории невозможно переоценить. Среди основанных в XII веке новгородцами упоминаются Михайловский Архангельский, Николаевский Корельский (на Двинском устье) и Соловецкий. Обширные земли Заонежья, Подвинья (Двинской и Мезенской земель) осваивались достаточно поздно. Только в XV веке они присоединились к Московскому государству. В самих поселениях монастыри располагались в кремле, в центре или за чертой вблизи города (г. Каргополь: Успенский женский на юге и Спасо-Преображенский мужской на правом берегу р. Онеги). Вне городских поселений монастырь служил центром локальной взаимосвязанной системы населенных мест. Например, Александро-Ошевенский монастырь был духовным центром волости и одновременно вместе с поселениями вокруг составлял единую планировочную систему. Благодаря характерной для Поонежья традиционной «гнездовой» форме расселения, вместе с монастырской формировалась развитая единая система поселений, удерживающая обширнейшие территории.

Отличительная черта расселения на территории бывших Каргопольской и Двинской земель – наличие четырех урбанизированных центров: Каргополь, Онега, Холмогоры, Архангельск. Тип расселения сложился в условиях малого количества городов и населенных мест, специфики их взаиморасположения, конфигурации связей. Для каждого пункта важна близость к городам высшего и низшего ранга, наличие историко-культурных ландшафтов, характер и масштабы сельского расселения. В пределах и вблизи Каргопольского района присутствует Кенозерский национальный парк с особым этнотипом – озерным расселением, что и определяет особую сложную структуру территории [4, с. 254].

Именно в этих районах с низкой плотностью населения, в труднодоступных местах, в том числе в Каргопольском районе, Холмогоро-Архангельской

системе расселения на территориях вдоль пойм рек Онеги и Северной Двины, включая островные и Соловецкий архипелаг, возникли пустынножительные монастыри и пустыни. Расположенные вдали от поселений и на островах, они выполняли важную роль в формировании опорной сети расселения вместе с генетически взаимосвязанными с ними поселениями. Так сформировались Кожеозерский, Кийостровский Крестный, Антониево-Сийский Троицкий и Спасо-Преображенский Соловецкий монастыри [1; 11, с. 12, 13]. Шло долгое обживание пустыней, постепенно перераставших в монастыри. Система расселения обростала усложняющейся сетью населенных мест. Иногда селение образовывалось в результате существования вблизи монастыря. Так, сосуществование двух соперничающих монастырей Успенского и Введенского дало начало городу Тихвину [4, с. 465].

Оплотом Европейского Севера являлись Соловки, сильно удаленные от материка, но при этом остающиеся влиятельным центром притяжения. История возникновения Соловецкого монастыря начинается с X века на Ладожском озере, где действует древнейший русский монастырь Валаамский, скалы которого были по преданию благословлены Андреем Первозванным. В XV веке в нем подвизался преподобный Савватий, пострижник Кирилло-Белозерского монастыря, который вместе с преподобным Германом, (уроженцем Тотмы), положил начало монастырю на Соловецком острове.

Пожертвование даров монастырям от государей, бояр было традицией. Новгородские бояре Борецкие подарили Соловецкому монастырю всю Кемскую волость и Сумской посад. Марфой Борецкой был богато одарен Соловецкий монастырь и восстановлен Никольский, расположенный в 90 верстах от Архангельска [14, с. 267].

Позднее монастыри нового типа с крупными землевладениями, иногда обладающие великокняжескими льготами на торговлю хлебом, солью, рыбой, обеспечивали социальную помощь немощным, устраивали богадельни, больницы, производили пожертвования в дело просвещения, грамотности. Монастырские летописцы составили летописные списки – национальную летопись. Холмогорские летописные списки, наряду с Устюжскими, внесли огромный вклад в русскую историю [3, с. 56, 87]. Духовные подвижники, первыми обживавшие Вологодчину и Каргополье, являли образец нравственного совершенствования в служении миру. Мы видим *цепь* взаимопорождающих обителей, основанных пустынножителями. Эта мощная канва опорных центров – крупных монастырей Европейского Севера – обозначила своеобразный исторический каркас, берущий начало от центральных районов (от Москвы к Вологде и Каргополю) (рис. 1).

Условные обозначения

- Границы областей
- Опорные центры
- Монастыри
- Существующая дорога с проектным повышением категории
- Активизируемое звено связывающего каркаса (меридиан)

*Рис. 1. Пространство скопления монастырей.
Исторические истоки монастырского расселения:
Вологда – Каргополь – Соловки*

От Кирилло-Белозерского скопления через Каргополье шел путь к ближайшему Александро-Ошевенскому монастырю, затем к Соловкам. Сложилось обширное пространство локализации монастырей: Каргопольско-Онежские, среди которых Александро-Ошевенский, Кенорецкий Преображенский, Кожезерский Богоявленский, Кийостровский Крестный, затем Антониев-Сийский монастырь, который прозвали «Малые Соловки», Михаило-Архангельский, Пертоминский Преображенский монастырь и далее к «духовной вершине пути» – к Соловецкому архипелагу. Мы видим в прямом смысле

«духовную канву» расселения, продолжающую Вологодское скопление, с выходом напрямую к Троице-Сергиеву монастырю и Москве.

С XVI века в Русском государстве монастыри стали использоваться как место ссылки и заточения религиозных и государственных преступников. Была распространена практика насильственного пострига в северные монастыри, отличающиеся суровостью устава, быта. Наиболее известными были Соловецкий, Антониево-Сийский, Красногорский, Николо-Кеврольский, Кирилло-Белозерский, Кожеозерский Богоявленский монастыри. Среди узников северных монастырей Федор Романов (будущий патриарх Филарет), протопоп Сильвестр, писатель публицист Амвросий Палицын, герцог Брауншвейгский Антон Ульрих и его семейство (Холмогорский Успенский монастырь 1744 г.) и многие другие [9].

Кожеозерский Богоявленский монастырь

Город Онега – ближайший город к одному из самых удаленных монастырей – Кожеозерскому Богоявленскому (110 км) [5, с. 126; 11, с. 196]. Монастырь основан в 1557 году иноком Нифонтом и преподобными Серапионом и Авраамием [11, с. 196]. Свое название получил от местоположения на Лопском полуострове, омываемом водами озера Кожа (25 верст длины и не более 2-х сажен глубины), протяженностью более 20 км, которое по своим береговым очертаниям имеет вид распростертой кожи [12, с. 256]. Согласно царской грамоте 1617 года монастырь причислялся вместе с деревнями к Турчасовской десятине или стану Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Затем он вошел в состав Архангельской губернии. По состоянию на начало XX века входил в состав Онежского уезда Архангельской губернии. Удаленность от ближайшего Прилуцкого прихода была в 50 верст. Первый поселенец священноинок Нифонт, предположительно, постриженник Александро-Ошевенского монастыря Каргопольского уезда, закрепил уже существовавшую тесную духовную связь между Ошевенским и Кожеозерскими монастырями. Обе обители писали своих святых представителей преподобного Александра и преподобного Никодима на одной иконе. Земельные владения монастырей были смежными.

Преемником Нифонта был татарский царевич из Казани Турсас Ксангарович, принявший христианство под именем Сергей, а при посвящении в монашество Серапион. Благодаря ему монастырь расширил владения. Стараниями монастырских послушников (40 человек) были построены две церкви. Преемником Серапиона игуменом Авраамием, управлявшим обителью с 1608 по 1634 год, к владениям монастыря прибавилось еще 10 деревень, с пахотной и сенокосной землей.

Будущий патриарх Никон был три года игуменом этого монастыря. В 1640 году Никон ушел из Соловецкого монастыря от Елезара Анзерского, поселился пустынником на речке Виленке в 7 км от монастыря и прожил там полтора года. После кончины игумена Иова братия призвала Никона стать его преемником. За время игуменства Никона (1643–1646 годы) и впоследствии в продолжение его патриаршества в Кожеозерском монастыре число насельни-

ков выросло до 100, обитель достигла полного расцвета. Позднее будущий патриарх основал Онежский (Кийский) Крестный монастырь [7; 8].

В Кожезерскую обитель принудительно заточен и пострижен в монахи по приказанию Бориса Годунова опальный князь Иван Сицкий. Позже в монастырь были сосланы участники «Соловецкого сидения». Условия пребывания в Кожезерском монастыре как месте ссылки были куда страшнее, чем в Сийском и Соловецком.

В 1764 году обитель была закрыта и возобновила свою деятельность лишь в 1853 году. Стараниями Соловецкого иеромонаха Питирима проведено было значительное обустройство возобновленного монастыря, и построена дорога в 70 верст – знаменитая «монастырка» [11, с. 147; 5, с. 126]. В советское время на месте монастыря возник Кожпоселок, а по берегам озера еще три деревни. В конце 1950-х жители переехали в онежские деревни и поселки. В апреле 2000 года монастырь вновь открыт для монашеской жизни.

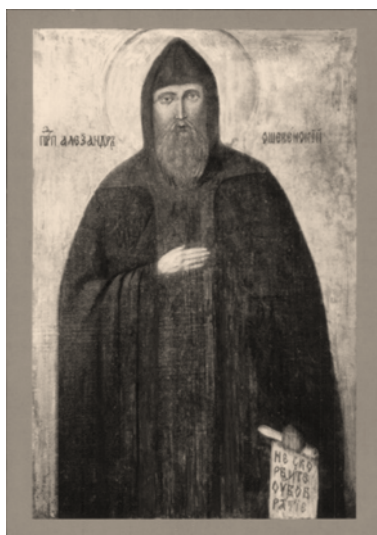
Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь

Один из главных монастырей Каргополья – Подвинья – Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь на острове большого Михайловского озера у истоков реки Сии на восточном краю Онежского уезда Каргополья. В XVI–XVII веках он был крупнейшим на Севере. В современных масштабах расстояние до Архангельска составляет – 150 км, до Холмогор – 75, ближайшая почтовая станция находится в 9-ти км от монастыря [2, с. 108].

Возникновение монастыря, основанного в 1520 году, связано с именем преподобного Антония. Символично его изображение на летописном карандашном рисунке сохранившегося издания Двинской летописи. Мы видим преподобного во весь рост, у ног которого красуется воздвигнутая им обитель (рис. 2) [13, с. 5].

а

б

в

Рис. 2. а – Преподобный Антоний Сийский с изображением основанного им Свято-Троицкого Антониево-Сийского монастыря [13, с. 5]; б – Преподобный Александр Ошевенский постриженник Кирилло-Белозерского монастыря, основатель Александро-Ошевенского монастыря; в – Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь

Преподобный Антоний «родом он был Двинского уезда из Кехотской волости. Монашеский образ принял на 30-ом году своего возраста Онежского уезда в Кенском Преображенском (при реке Кене) монастыре и жил в оном 12 лет» [6]. Преподобный Антоний, испрашивая разрешение на основание обители у великого князя Василия III в 1544 году, получил в подарок вотчину. К концу XVII века в нем было шесть храмов, из которых четыре каменных. Вне ограды – две церкви.

В 1692 году в монастыре была установлена архимандрия, к нему было приписано 5 монастырских обителей, несколько более мелких монастырей и пустыней. Библиотека, собранная стараниями архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия, имела не менее 250 единиц и была второй после Холмогорской. Монастырь обладал большой церковной административной властью на Севере, его настоятели контролировали сбор налогов, производили суд по духовным делам, организовывали выполнение различных повинностей на огромной территории Поморья. Подворья монастыря располагались в Москве, Вологде, Архангельске.

В монастыре развивалась иконопись, летописание, переписка книг. Уникальная книга – огромных размеров рукописное пергаментное Евангелие «АПРАКОС» конца XVII века – сегодня находится в библиотеке Академии наук Санкт-Петербурга. Здесь был заточении в течение шести лет Федор Никитич Романов, будущий патриарх Филарет [7]. Антониево-Сийский монастырь оставил богатое культурное и духовное наследие, стимулировал распространение грамотности, развитие национального искусства, промыслов и традиций каменного зодчества на Двине [3, с. 125].

* * *

Изучение генезиса монастырской системы показало, что духовные основы инициировали возникновение монастырей. Планировочное развитие лишь закрепляло передвижения подвижников, переселяющихся от учителей к самостоятельным пустыням. Так, Александр-Ошевенский монастырь на реке Чурьюге, связанный с Кирилло-Белозерским, Кожеозерский с Соловками продвинули поселенческую сеть на Север, осваивая труднодоступные районы. Прослеживается преемственность духовных традиций служения высшим нравственным идеалам от преп. Сергия Радонежского к преп. Кириллу Белозерскому и преп. Александру Ошевенскому. Кенский монастырь духовно связан с преп. Антонием Сийским. Ибо здесь 12 лет пребывал и принял монашеский постриг основатель Антониево-Сийского Троицкого монастыря. Бывший игумен Кожеозерского Богоявленского монастыря и будущий патриарх Никон, переселившийся сюда из Соловецкой обители, по личной инициативе основал Кийоостровский Крестовоздвиженский монастырь, преп. Нифонт, постриженник Александр-Ошевенского монастыря, положил начало Кожеозерскому Богоявленскому монастырю [8, с. 36]. Родство монастырей видно и

в преемственности храмовых традиций. Соловецкие образные символы и приемы храмового зодчества заметны в Каргопольском Спасо-Преображенском монастыре и в Антониево-Сийском [10, с. 42, 43, 46; 11, с. 25].

Несмотря на то, что многие монастыри, а их в целом насчитывалось 2300, прекратили свое существование, они выполнили свою миссию, стимулируя жизнедеятельность окружающих деревень и содействуя развитию расселения Русского Севера [12, с. 5].

Источники и литература

1. Алферова, Г. В. Ансамбль Крестного монастыря на Кий-острове / Г. В. Алферова // Архитектурное наследие. Выпуск 24. – Москва : Стройиздат, 1976. – С. 83-93.
2. Архангельская область. Путеводитель / А. Г. Хропов и др. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 224 с.
3. Архиепископ Афанасий и религиозно-культурное пространство Нижнего Подвинья (конец XVII–XX вв.) : материалы III Афанасьевских чтений / под общ. ред. Л. Д. Поповой. – Архангельск : Поморский ун-т, 2008. – 204 с.
4. География России. Энциклопедия / главный редактор А. П. Горкин. – Москва, 1998 г. – 799 с.
5. Гунн, Г. П. Каргополье-Онега / Г. П. Гунн. – [2-е изд., испр. и доп.]. – Москва : Искусство, 1989. – 167 с.
6. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи : с библиографическим указателем / сост. и изд. В. В. Зверинский. – Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К°, 1890–1897. – 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. – 1892. – VI, 462 с.
7. Ильин, М. А. Крестный на Кий-острове монастырь / М. А. Ильин // Архитектурное наследие. Выпуск 14. – Москва : Стройиздат, 1963. – С. 90-104.
8. Кий-остров: история и современность : сборник материалов научно-практической конференции / науч. ред. и сост. Л. Д. Попова. – Архангельск : Правда Севера, 2005. – 211 с.
9. Кудрявцева, Н. О. Холмогоры. Природоградостроительная системы расселения / Н. О. Кудрявцева, Л. И. Кубецкая // Градостроительство. – 2013. – № 3 (25). – С. 56-62.
10. Масиэль Санчес, Л. К. Каменная архитектура Каргополя начала XVIII в. / Л. К. Масиэль Санчес // Academia. Архитектура и строительство. – 2015. – № 1. – С. 41-48.
11. Монастыри Русской православной Церкви. Справочник-путеводитель. Выпуск 1 / составители Л. Г. Рудин, П. В. Кузнецов. – Издательство Московского патриархата, 2001. – 464 с.
12. Ратшин, А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России / Сост. из достовер. источников Александром Ратшиным. – Москва : Унив. тип., 1852. – 566 с.
13. Титов, А. А. Летопись Двинская / А. А. Титов. – Москва : Издательство Снегирева, 1889. – 240 с.
14. Случевский, К. К. По Северу России. Путешествие их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 годах / К. К. Случевский. – Т. 1. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Гоппе, 1886. – 458 с.

РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА, УГОЛОВНОГО СЫСКА И ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В XIV–XVI ВВ.

Статья посвящена рассмотрению развития органов правопорядка в XIV–XVI вв. Анализируется роль уголовного сыска в борьбе с преступностью в период правления Ивана III и Ивана IV. Показана организация работы судебной системы и мест лишения свободы.

The article is devoted to the consideration of the development of law enforcement bodies in the XIV–XVI centuries. The role of criminal investigation in the fight against crime during the reign of Ivan III and Ivan IV is analyzed. The organization of work of the judicial system and places of deprivation of liberty is shown.

Ключевые слова: правоохранительная система, общественный порядок, преступность, судебные органы, розыскной процесс.

Keywords: law enforcement system, public order, crime, judicial authorities, search process.

Вторая половина XV в. ознаменована событиями, ставшими знаковыми и определяющими для всей русской истории. Вместе с последней войной между Юрием Звенигородским и его сыновьями против Василия Темного (1425–1453) ушла в прошлое дикая эпоха феодальных войн. Отныне окончательно устанавливается порядок передачи престола не к старшему в роду, а от отца к старшему сыну. Московское княжество утвердилось в качестве безальтернативного лидера и собирателя земель бывшего северо-востока Руси (ранее с Москвой соперничали Тверское княжество и Великое княжество Литовское) и успешно справилось с этой задачей. С падением Константинополя Московская Русь стала единственным государством – оплотом византийского православия, что требовало от Ивана III восстановить статус Руси как независимого православного государства. Русско-ордынское противоборство, борьба русского народа за независимость, растянувшаяся на четверть тысячелетия, завершилась победоносным стоянием на реке Угре осенью 1480 г.

Россия как суверенное государство вступила в новый этап своего развития, который неумолимо требовал реорганизации внутренней жизни, унификации правовой и государственной структур некогда независимых княжеств по образцу Москвы, создания централизованных отраслевых органов управления, готовых к включению воссоединенных княжеств в единый государственный механизм.

Изначально такие органы дворцового управления существовали в форме управляемых боярами или дьяками «изб». Со временем они приобрели форму приказов. Руководство указанными учреждениями по-прежнему осуществлялось боярами или дьяками. По сути, приказы соединяли в себе как админист-

ративные, так и судебные функции. Постепенно сложилась специализация приказной системы [3, с. 12]

Челобитный приказ, появление которого относится к эпохе Ивана Грозного, включал в делопроизводство дела, подлежащие непосредственному рассмотрению царя. Отдельными отраслями великокняжеского (а затем царского) хозяйства занимались так называемые дворцовые приказы (Конюшенный, Сокольничий, Казенный приказ), по управлению военными делами (Стрелецкий, Казачий, Иноземский, Оружейный, Разрядный, Пушкарский), отраслевые приказы (Ямской, Холопий), приказы, занимавшиеся борьбой с преступностью (Разбойный, Сыскной). Кроме них, существовали территориальные приказы (Смоленский, Сибирский, Казанского дворца). Деятельность приказов неизменно включала полицейскую работу – охрана спокойствия и порядка в городах, селах и на торговых путях, обеспечение своевременного сбора государственных податей.

Преступность всегда создавала особую напряженность в государстве, мешая должному функционированию механизмов управления. О значении проблемы говорит сам факт упоминания ее в русских летописях, куда попадали только самые важные события. Отмечается, что одним из первых вопросом борьбы с воровством и разбойничеством занялся московский князь Иван Калита, «исправивший землю русскую от татей».

Итак, правоохранительная система в рамках приказной системы была представлена Разбойным приказом, призванным заниматься расследованием преступлений (отчасти функции борьбы с преступностью выполнял Стрелецкий приказ), и Сыскным приказом. Приказы объединяли функции судебной и исполнительной ветвей власти. Слабость законодательной базы обусловила размытость полномочий как самих приказов, так и служивших в них чиновников. В результате эффективность деятельности учреждений на протяжении многих десятилетий оставалась предельно низкой из-за медлительности, проволочек, а нередко и взяточничества [3, с. 15].

Складывание Разбойного приказа стало реакцией государства на резкий рост преступности, в том числе организованной – в виде разбойничьих шайк. Кроме собственно борьбы с уголовной преступностью, Разбойный приказ занимался преступлениями политического характера. В подчинении приказа находились земские и губные органы. Непосредственную работу по охране общественного порядка и борьбе с уличной преступностью осуществляли сторожи и огневщики. На них же возлагалась обязанность борьбы с пожарами. Для своевременного пресечения преступления им давалось право задерживать и направлять в тюрьму любых подозрительных лиц.

Организационный фундамент противодействия уголовной преступности на местах составляли губные старосты. В их обязанности входило не только раскрытие преступлений, но и их предупреждение – пресекать деятельность воровских притонов и сборищ. Основную массу дел составляли дела об убийствах, разбоях и кражах.

В случае необходимости привлекалась помощь Стрелецкого приказа как военного ведомства.

Москва, в свою очередь, была выделена из общей системы. В столице и столичном уезде функции по противодействию преступности исполнял Земский приказ. Он занимался преследованием разбойников, сбором налогов, охранял повседневный порядок. В конце XVI столетия произошло объединение Земского и Стрелецкого приказов. Последний с того времени унаследовал исполнение полицейских функций.

В XVI в. в российском праве четко оформился статус «лихого человека» – профессионального преступника. Значительный размах преступности проявился в период боярского правления времени малолетства Ивана Васильевича Грозного. В губной Белозерской грамоте отмечалась неприглядная картина расцвета преступности на русском Севере (причем, как отмечает составитель документа, об этом в Москве известно по челобитным грамотам): убийства и грабежи, сотрудничество людей с разбойниками.

В XVI в. судебные-следственные функции выполнялись в числе прочего губными избами, органами местного самоуправления, до губной реформы право вынесения смертных приговоров принадлежало только центральной власти. В данный период чиновники Разбойного приказа занимались составлением инструкций для губных старост, назначали сыщиков для рассмотрения дел на местах, управляли тюрьмами и следили за содержанием преступников. В известных границах сыщики должны были ограничить власть воевод и наместников.

Необходимость борьбы с преступностью стала одной из причин, побудивших молодого царя Ивана IV приступить к губной реформе. Серия преобразований усилила карательную направленность государства. С целью создания специальных органов борьбы с преступниками создавались губные избы.

Состав губной избы, как органа губного управления, был неоднороден. Она состояла из губных старост и губных целовальников, губных дьячков или подьячих, которые вели письменную часть, сотских, пятидесятских и десятских, которые преследовали разбойников и татей, а также тюремных сторожей и целовальников, надзиравших за заключенными; палачей, которые пытали и наказывали заключенных; бирючей, которые обнародовали постановления правительства. Губные старосты отвечали за соблюдение порядка, поиск и допрос преступников. В помощь старостам придавались специальная команда. Старосты составляли отчеты для Разбойного приказа, проводили допросы и пытки, следили за исполнением судебных решений [2, с. 247].

В середине XVI в. произошло усиление политики репрессий, которое подтверждается рядом фактов. Задача судебных-полицейских органов того времени состояла в том, чтобы установить фактическую принадлежность лица к «ведомым лихим». Уставная книга Разбойного приказа признает массовость разбойных шаек и оправдывает обязательную казнь профессиональных преступников, так как было невозможно содержать их в тюрьме в связи с тем, что их обязательно освободят подельники.

В XV в. существенно возрастает роль государственных органов в расследовании и раскрытии преступлений. В XVI–XVII вв. становится ведущей про-

цессуальная форма, получившая название «розыск» или «сыск». Таким словом обозначалось расследование по тому или иному делу, которое производилось государственными органами. При этом могли использоваться различные методы, в том числе и негласного характера [1, с. 42].

Сыскари, которые вели дело, допрашивали обвиняемого и добывали доказательства. Однако в основном в розыском процессе использовалась пытка. То признание, которое было получено в результате пытки, признавалось доказательством и служило основанием для того, чтобы наказать человека.

Розыскными органами были «особые обыщики». Они были заменены губными учреждениями, хотя еще долго продолжали существовать. Перед тем как начать розыск, обыщики и губные старосты должны были произвести повальный обыск – опрос представителей всех социальных групп (число опрашиваемых не ограничивалось). Их присылали из Москвы, если на определенной территории увеличивались разбои, но в основном они не приносили пользы. Из-за них население несло только убытки.

В процессе развития русского феодального государства розыскной процесс существенно потеснил состязательный. К концу XV в. в системе доказательств сформировался институт «облихования». Когда отсутствовали доказательства, закон обязывал «добрых» людей оговаривать подозреваемого для получения признания с помощью пытки («опыта»). К числу «добрых» людей относились зажиточные представители господствующего класса или рачительные крестьяне. Правительство поощряло частную инициативу по поимке преступников: отдельным лицам по их челобитным выдавались так называемые погонные грамоты, разрешавшие отыскивать известного ему вора и задерживать [4, с. 53].

Судебник 1497 г. ввел такие нововведения, как узаконенное право применять пытки к лицам, находящимся под следствием, а также по отношению к лицам, на которых преступники показали в ходе пыток и следствия. Одним из главных качественных изменений, привнесенных Судебником, стала новая трактовка понятия преступления, понимаемого как посягательство на государственный феодальный правопорядок. Исходя из этого, главным обвинителем выступает не потерпевший, а государство. Так, понятие «обида», имевшее более частный характер, заменено в Судебнике понятием «лихое дело». Отсюда еще один известный нам термин – «лихой человек», т.е. преступник. Само преступление стало восприниматься не только как посягательство на общественный порядок, но как нарушение воли государя. Преступление представлялось как несомненное зло, грех, поэтому преступник воспринимался как грешник и осуждался церковью.

Не менее жестко в отношении преступников предписывал действовать Судебник Ивана Грозного. В отношении подозреваемых разрешалось применение пыток. В случае, если под пытками человек сознавался, его ждала смертная казнь. Если не сознавался, то его следовало «вкинуть в тюрьму до смерти». Во многом смертная казнь имела частое применение вследствие из

рук вон плохо поставленной охраны тюрем, в результате чего преступники массово сбегали и возвращались в разбойничьи шайки.

Сыскной процесс отличался жестокостью. Даже если половина «обычных людей» назовут подозреваемого «лихим», то он подвергался пыткам. Если же он их выдерживал, то отпускался на поруки лиц, которые называли его «добрым человеком». В случае повторного совершения преступления преступника ожидала казнь, а поручителей – наказание: в виде выти и битья кнутом [5, с. 52].

Судебная система во многом оставалась размытой и рыхлой. В зависимости от тяжести совершенного преступления ими могли заниматься различные должностные лица.

Особой жестокостью отличалась система наказаний – избивание кнутом, выворачивание суставов на дыбе, прикладывание к телу раскаленного железа. В некоторых случаях перед тюремным заключением осужденным отрубали часть конечности. В качестве наказания за убийства, разбои, преступления против власти или церкви могли быть назначены повешение, отсечение головы (считалось гуманным наказанием), колесование, четвертование, сожжение (особенно по отношению к религиозным диссидентам). За дачу ложных показаний также могла быть назначена смертная казнь. Существовали специфические виды казни для отдельных преступлений: фальшивомонетчикам в горло заливали раскаленный металл, а женщин, признанных виновными в убийстве мужа, закапывали по горло в землю. В процессе дальнейшего развития русского феодального общества и обострения классовой борьбы такой вид наказания, как тюремное заключение, приобретает все больший удельный вес в системе карательных учреждений Российского государства.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода складываются предпосылки формирования органов правопорядка: формируется правовая система, суды, места лишения свободы. Это повышает эффективность борьбы с преступностью и помогает стабилизировать ситуацию в государстве.

Источники и литература

1. Дмитриев, Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях / Ф. Дмитриев. – Москва, 1859. – 580 с.
2. История отечественного государства и права : учебник / под редакцией И. А. Исаева. – Москва, 2018. – 247 с.
3. Курс лекций истории ОВД / под общей редакцией В. В. Гошуляка. – Пенза, 2018. – 214 с.
4. Смыкалин, А. С. Судебная система Российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II (XV–XVIII вв.) / А. С. Смыкалина // Вопросы истории. – 2004. – № 8. – С. 49-69.
5. Стус, Н. В. Участие представителей населения в отправлении правосудия в Московском государстве XV–XVII вв. / Н. В. Стус // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1 (29). – С. 51-54.

С.А. Пиляк
кандидат архитектуры, доцент
Смоленский государственный
университет (г. Смоленск)

СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ. ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Памятники военной истории являются интересным, но чрезвычайно сложным объектом музеефикации. В материале рассмотрены особенности музеефикации фортификационных сооружений на примере Смоленской крепости.

Monuments of military history are an interesting, but extremely complex object for the museumification. The article deals with the features of the museumification of fortifications on the example of the Smolensk fortress.

Ключевые слова: музеефикация, культурное наследие, актуализация, музей, сохранение наследия, Смоленск, Смоленская крепость.

Keywords: museumification, cultural heritage, actualization, museum, heritage preservation, Smolensk, Smolensk fortress.

Смоленская крепость является уникальным ансамблем, включающим земляные и кирпичные укрепления, иллюстрирующие русскую, итальянскую и голландскую фортификационные системы. В состав Смоленской крепости, являющейся крупнейшим памятником кирпичной фортификационной архитектуры в мире, входят выполненная из кирпича крепостная стена с 38 башнями. Смоленская крепость последовательно раскрывает развитие мировой фортификационной архитектуры и трансформации вооружения на протяжении XVI–XVII вв., является памятником военной истории и свидетельством крупнейших мировых войн [2–6].

Несомненный историко-культурный потенциал Смоленской крепости неоднократно приводил к мысли о ее музеефикации. Уже в начале XX в. возникает проект создания музея в Никольских воротах. Однако инициатор музеефикации – княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, получает отказ Императорской Археологической Комиссии. Спустя несколько десятилетий в башнях крепости возникают крупные агитационные выставки, получившие в соответствии с традициями эпохи статус музеев.

Одним из первых становится музей революции: «В 1928 г. приступили к организации музея в Воскресенской крепостной башне на правах отдела Исторического музея. Музей был открыт 24 февраля 1929 г. В 1930 г. музей был переведен ...» [7, с. 102]. В 1933 г. в башне находилось «общезитие учащихся» [7, с. 131]. Стоит отметить, что с XVIII в. в помещениях башни размещалась церковь. Музейная история Воскресенской башни продолжилась в 2003–2015 гг., когда часть помещения ярусов занимал частный Музей русской водки.

В 1929 г. в помещениях надвратной церкви Молоховских ворот был организован Антирелигиозный музей [1, с. 158; 7, с. 106]. Кроме этого, помеще-

ния Молоховских ворот некоторое время служили фондохранилищем для смоленского музейного собрания: «В 1915 г., когда Смоленску угрожала эвакуация, музей был сложен в ящики и перевезен в небольшую сырую комнату нижнего этажа Молоховской башни. Здесь он лежал до 1921 г. ...» [7, с. 118]. В данном случае речь идет о небольшом в то время собрании городского Исторического музея, основанного в 1888 г. Впоследствии ворота как объект, мешающий движению транспорта, были снесены.

7 ноября 1932 г. в Громовой башне был открыт Музей Соцстроительства [7, с. 108]. Среди экспонатов музея была продукция местных промышленных предприятий. «В музее, в красочных диаграммах, цифрах и текстах отражены итоги 1-й пятилетки СССР и задачи 2-й пятилетки [7, с. 108-109]». Очевидно, что музей представлял масштабную агитационную выставку. Музейный профиль башня вновь получает в 1977 г. с открытием экспозиции «Смоленск – щит России». До настоящего времени в помещениях башни размещены музейные экспозиции военно-исторической тематики.

«В 1933 г. в Маховой башне (Сосновский сад) организован кабинет охраны памятников исторических, революционных, археологических и архитектурных» [7, с. 122]. В собрание кабинета входили: «...фото-снимки, негативы, зарисовки, планы, чертежи, описания, проекты реставрации памятников» [7, с. 122], книжные издания и нормативные акты. Впоследствии башня Маховая оказалась самым «музейным» местом крепости. Расположенная вблизи оживленной городской площади, башня стала местом последовательного размещения музея пионерского движения, музея «Смоленские узоры», Музея счастья.

Как видно, постепенно экспозиции перемещались в более подготовленные помещения – жилые и общественные здания, храмы. Специфический температурно-влажностный режим и невысокая пропускная способность башен не позволяли в полной мере развернуть агитационную работу. Следующий этап музеефикации Смоленской крепости начинается несколько десятилетий спустя.

Вместе с реституцией объектов религиозного назначения объекты Смоленской крепости вновь стали пространством для экспозиций. Музей «Смоленский лен», созданный в 1980 г., в 2011–2012 гг. разместился в Никольских воротах крепости.

В 2020 г. решением Министерства культуры Российской Федерации создан музей «Смоленская крепость». Перед музеем поставлены серьезные задачи. Одним из важнейших направлений является разработка методической базы музеефикации крепостей и оборонительных сооружений. Не секрет, что музеефикация фортификационных сооружений встречает ряд сложностей. На примере объектов Смоленской крепостной стены возможно рассмотреть данные проблемы максимально наглядно.

Первой и наиболее заметной проблемой становится своеобразие габаритов сооружений. Тесные проходы, узкие лестницы, незначительные площади помещений являются следствием оборонительной функции объектов. Нетруд-

но заметить, что удобство музейного посетителя прямо противоположно сформированной среде.

Стоит отметить, что некоторые зоны кремлей и крепостей, напротив, вполне возможно приспособить для посещения. К примеру, нередко возможно организовать сквозной проход по верхнему боевому ходу. Зачастую этим музеефикация может и ограничиться. Однако создание экскурсионного маршрута, сопряженного со смотровой площадкой, далеко не всегда может удовлетворить вкусы взыскательных посетителей музея. Дополнение такого маршрута информационными стендами, а в перспективе – и музейными экспонатами, может встретить иные затруднения. Узкие лестницы, созданные для удобства обороняющихся, служат основным препятствием в увеличении пропускной способности фортификационных зданий и создают серьезные ограничения при эвакуации посетителей.

Следующим серьезным препятствием музеефикации оборонительных сооружений является специфичный температурно-влажностный режим. К примеру, отопление помещений башен и боевых печур Смоленской крепостной стены не предусматривалось. Защитники крепости отогревались у жаровен – кованых ажурных металлических емкостей, наполненных тлеющими углями. Первые печи в башнях крепости появились лишь в середине XIX в. во время реконструкции для размещения архивов. Культурный слой, постепенно охватывающий основания стен и башен, со временем превысил созданный еще в XVI в. гидроизоляционный слой из красной глины. Таким образом, организован беспрепятственный доступ поверхностных вод к пористой кирпичной кладке. Пропитанная влагой кладка не только разрушается в разы быстрее сухой, но и повышает влажность воздуха в интерьере до неприличных для музейной экспозиции величин. Поддержание достойных для музея показателей температурно-влажностного режима требует продуманной гидроизоляции, мощной системы вентиляции, а также немалых энергоресурсов. Однако и в этом случае экспонирование подлинных некоторых групп предметов, в том числе графики и живописи, представляется недостижимой мечтой музейщика.

Анализируя музеефикацию фортификационных сооружений, следует особо рассмотреть сложности приспособления зданий, имеющих внутренние помещения, и сооружений (к примеру, земляных бастионов), лишенных помещений. Особый историко-культурный и туристический потенциал имеет музеефикация подземных ходов, существующих у Смоленской крепости до сих пор. Среди них транспортные ходы, служившие для быстрой переброски людей и грузов и контрминные галереи, служившие для предотвращения вражеских подкопов и взрывов участков стен и башен. Музеефицированные подземные пространства на настоящее время представляют большую редкость. Однако с учетом множества факторов, в том числе действующих правовых норм, музеефикация подлинных подземных ходов, предполагающая их посещение группами экскурсантов, возможна лишь в долгосрочной перспективе.

Серьезным препятствием может стать и особый характер подобных памятников истории и культуры. Пространство, связанное как с победами, так и

поражениями, масштабными кровопролитными схватками, человеческими жертвами, не может не быть ограниченным в выборе тематики использования. Далеко не каждый выставочный или просветительский проект может быть органично реализован на базе объектов крепости. Музеефикация памятников военной истории требует особого внимательного и бережного отношения к исторической памяти.

Одна из наиболее фундаментальных проблем музеефикации Смоленской крепости состоит в ее масштабе. В настоящее время не существует ни одной универсальной точки обзора всех объектов крепости. Не существует единой территории крепости, в настоящее время «пунктиром» участков прясел охватывающей центральную часть Смоленска. Памятник фортификационного искусства «растворился» в городской среде, потеряв композиционную цельность. Размер Смоленской крепости, крупнейшей кирпичной крепости мира, стал визуальным препятствием в осознании художественной цельности и масштаба этого памятника архитектуры и военной истории.

Однако крепостные сооружения, редкие в современном городе, отчетливо видны в застройке. За счет существования эспланад – незастроенных участков земли снаружи линии укреплений – башни и прясла стен не существуют в плотно застроенной квартальной сетке, а имеют в своем окружении благоустроенные озелененные территории. Подобный ресурс в центре города крайне ограничен; его наличие является явным конкурентным преимуществом музеев, расположенных в памятниках фортификационного зодчества. Внешний вид средневековых укреплений воскрешает в сознании человека сказочные и былинные образы, что служит дополнительной мотивацией посещения музея.

Несмотря на ряд сложностей в музеефикации фортификационных сооружений, нельзя переоценить историко-культурный потенциал данных объектов. В конечном счете преимущества преобладают над недостатками, а открывающиеся возможности дают шанс успешной реализации проекта.

Источники и литература

1. Валуев, Д. В. Из истории повседневной жизни Смоленска (1929–1985 гг.). Очерки / Д. В. Валуев, И. Б. Красильников. – Смоленск : Край Смоленский, 2014. – 256 с.
2. Косточкин, В. В. Государев мастер Федор Конь / В. В. Косточкин. – Москва : Наука, 1964. – 176 с.
3. Косточкин, В. В. Крепость Смоленска / В. В. Косточкин. – Москва, 2000. – 40 с.
4. Раппопорт, П. А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. / П. А. Раппопорт. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 157 с.
5. Раппопорт, П. А. Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения / П. А. Раппопорт. – Санкт-Петербург : Лики России, 2013. – 325 с.
6. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Смоленская область. – Москва : Наука, 2001. – 646 с.
7. Смоленск. Путеводитель. – Москва ; Смоленск : Западное областное государственное издательство. – 167 с.

А.В. Попело
кандидат географических наук,
независимый исследователь (г. Воронеж)

**ЛЕТОПИСНОЕ СООБЩЕНИЕ
О ВОЕВОДЕ БРОДНИКОВ ПЛОСКЫНЕ:
К ВОЗМОЖНОСТИ ПРОЯСНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ,
СВЯЗАННЫХ С ЭТОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТЬЮ
В КОНТЕКСТЕ СООБЩЕНИЯ**

Этническая общность бродников в частности занимающая территорию Подонья является относительно малоисследованной. До конца непонятны некоторые вопросы, связанные с их этнографией, историей, культурой, административной средой, социальной средой. В связи с этим значимым является летописное сообщение о воеводе бродников Плоскыне после битвы при Калке.

The ethnic community of brodniks (wademen), in particular, occupying the territory of the Don region, is relatively little explored. Some issues related to their ethnography, history, culture, administrative and social environment are not fully understood. In this regard, the annalistic message about the voivode of the brodniks Ploskynya after the Battle of Kalka is significant.

Ключевые слова: бродники, Подонье, Средний Дон, Нижний Дон, Подонцовье, Плоскыня, воевода, лесостепь.

Keywords: brodniks (wademen), Don region, Middle Don, Lower Don, Podontsovye, Ploskynya, voivode, forest-steppe.

Историк Л.Н. Гумилев считал, что новые этносы появляются на стыках ландшафтов [5]. Лесостепь по сути и является таким «стыком» между двумя природными зонами: лесом и степью, естественно являясь и сама по себе природной зоной. Поэтому перспективно изучение зарождения и появления в природной зоне лесостепи новых народов, этнических общностей, одной из которых являются бродники, которые внесли определенный вклад в развитие истории и культуры средневековой Южной Руси. В том числе и Подонья [14; 15].

В настоящее время до конца не понятно этническое происхождение бродников.

Украинский историк О.Б. Бубенок пришел к выводу, что: «бродники – это ираноязычное население степей, «они же ясы»; термин «бродники» – это перевод на древнерусский язык самоназвания восточноевропейских аланов – f.rd-as, то есть «буртас», что в первоначальном варианте должно было означать «асы, обслуживающие переправы» [1].

По мнению историка Л.Н. Гумилева, «бродники – народ русско-хазарского происхождения, наследники древних хазар...; с XVI в. потомки бродников называются тюркским словом казаки» [4].

Историк С.А. Плетнева считает, что некоторые земледельческие народы и этнические общности, постоянно общавшиеся с кочевниками из своей среды

в степи, в конце выбрасывали (обычно на пограничье) целые группы людей, переходивших на полукочевой образ жизни; в том числе на Руси такой группой стали бродники [6; 12].

Целью данной работы является рассмотрение и анализ летописного сообщения о воеводе бродников Пლოსкыне, связанного с битвой при Калке, а также рассмотрение некоторых вопросов, касающихся этнической общности бродников в контексте летописного сообщения.

Возможно, несколько лучше прояснить этническое происхождение бродников на границе с Южной Русью в средневековье можно в контексте летописного сообщения о воеводе бродников Пლოსкыне (Плоскине).

Летописец записывает сообщение о Пლოსкыне и бродниках следующим образом: «А у града того остатса два воеводъ, Чьгырканъ и Тешюканъ, на Мьстислава и на зять его на Ондръа и на Олександра Дубровичского: бѣста бо два князя съ Мьстиславомъ. Ту же и бродници с Татары быша, и воевода их Плоскиня, и тѣ оканный воевода цѣловал крестъ честный къ Мьстиславу и кобоимъ княземъ, како их избити, нѣ пустити их на искупъ, и солгавъ оканный: сице связавъ, предаст их Татаром своимъ; а город взяша, а люди иссъкоша, и тупостью падоша» [11].

Это единственное летописное сообщение, где четко упоминается имя воеводы бродников, оно относится к битве при Калке, то есть к 1223 г. [11; 13; 19].

Анализируя данный фрагмент летописи, авторы отмечают, что: известие об участии донских бродников в битве на Калке указывает на их принадлежность к христианам, их воевода Пლოსкыня, клянясь в верности, целовал крест [20]; Пლოსкыня – восточнославянское мужское имя [10]; имя Пლოსкыня стало олицетворением гнусного предательства [2]; однако бродники не были подданными южнорусских князей, поэтому технически Пლოსкыня изменником не был [3]; тюрки называли удельного князя Белой Вежи Василия Юрьевича – Плоскиня, то есть Влас из Хина (Хином называли Белую Вежу); культура той территории (в частности, Нижнее Подонье) может отождествляться с культурой бродников [8].

Итак, можно сделать вывод, что историки изучают сообщение в летописи и другие данные о бродниках и их воеводе Пლოსкыне и уже сделали целый ряд выводов, установлено массовое представление о взаимодействии бродников и их лидера с русскими князьями после битвы при Калке.

Но исследователи до настоящего времени не обратили внимание на ряд вопросов.

1. Вероятная локализация бродников, упоминаемых в летописном сообщении: Средний и Нижний Дон; бассейн Северского Донца (Подонцовье).

2. Анализируя сообщение, можно сделать вывод, что летописец хотел проигрыш в битве русских князей свалить на бродников: «... предаст их Татаром своимъ; а город взяша, а люди иссъкоша, и тупостью падоша» [11]. Возможно, потому что бродники были чужды русскому населению средневековой Руси и были ближе к кочевникам (полукочевникам), в частности к половцам, возможно хорошо взаимодействовали с тюрками.

3. Из летописного сообщения трудно сделать объективный вывод, была ли сила бродников преувеличена.

4. Летописец назвал и лидеров татаро-монгол и лидера бродников воеводами. Достоверно не понятно, называли ли так Плоскыню другие бродники и как официально называлась его «должность». Например, лидер татаро-монгол по-русски назывался темник, но возможно, и хан.

Отметим, что у казаков они известны под таким названием в письменных источниках примерно с середины XV в. – лидеры назывались атаманы [например, 9].

5. По нашему мнению, нельзя однозначно сделать вывод, что Плоскыня был русского происхождения; он мог быть аланом, русским, тюрком и смешанным между выше по тексту приведенными национальностями в разной пропорции.

6. Трудно сделать вывод, что все бродники были христианами, в частности православными. В некоторых работах [16; 17] отмечается, что бродники, проживающие у восточных границ Венгрии в Прикарпатье, в XIII в. были идолопоклонниками, то есть язычниками.

Выделим, что исследователями отмечается, что плоскынями называется безсеянная пенька, в частности в Харьковской губернии [7], а в Амурских говорах плоскынь – это мужская особь конопли [18]. Отсюда следует, что само по себе слово «плоскыня» и соответственно имя воеводы бродников могут быть славянского происхождения.

Таким образом, в работе прояснен ряд вопросов, связанных с летописным сообщением о воеводе бродников Плоскыне.

Источники и литература

1. Бубенок, О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начала XIII вв.) / О. Б. Бубенок. – Киев : Логос, 1997. – 224 с.

2. Возчиков, В. А. Бродники. Обаяние авантюризма / В. А. Возчиков // Культура. Духовность. Общество. – 2014. – №9. – С. 57-62.

3. Головкин, А. Б. Рейд туменов Джебе и Субедея в Восточную Европу (1222–1223 гг.) в процессе формирования Монгольской империи и *Raх Mongolica* / А. Б. Головкин // Вестник Удмуртского университета. – 2016. – Т. 26, Вып. 1. – С. 46-58.

4. Гумилев, Л. Н. Открытие Хазарии / Л. Н. Гумилев. – Москва, 2002. – 340 с.

5. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Москва, 2004. – 560 с.

6. Елимахова, Т. В. К вопросу о взаимоотношениях кочевников и земледельцев / Т. В. Елимахова // Вестник Челябинского государственного университета. – 1993. – № 2 (том 1). – С. 51-53.

7. Ефименко, П. С. Дневник народных праздников Харьковской губернии / П. С. Ефименко // Змиевское краеведение. – 2015. – № 1. – С. 80-89.

8. Кирсанов, Е. В. Город Россия в отечественной историографии / Е. В. Кирсанов // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 55-64.

9. Краснов, С. Ю. Власть станичных атаманов по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX в. / С. Ю. Краснов // Власть. – 2011. – № 5. – С. 101-103.

10. Николаев, С. Л. Лексическая стратификация «Слова о полку Игореве» / С. Л. Николаев // *Slovene = Словъне. international Journal of slavic Studies*. – 2014. – № 2 (том III). – С. 107-109.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950. – 561 с.
12. Плетнева, С. А. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей / С. А. Плетнева. – Москва : Наука, 1982. – 192 с.
13. Плоскыня. – URL: ru.wikipedia.org/wiki/Плоскыня#cite_note-2 (дата обращения: 12.11.2021). – Текст : электронный.
14. Попело, А. В. Обоснование методов мониторинга земель историко-культурного назначения (на примере территории Верхнего и Среднего Дона) : специальность 25.00.26 «Землеустройство, кадастр и мониторинг земель» : диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. – Воронеж, 2006. – 177 с.
15. Попело, А. В. К концепции мониторинга земель и объектов историко-культурного назначения / А. В. Попело // *Вестник ВГУ, Серия: География. Геоэкология*. – Воронеж, 2013. – № 2 – С. 44-47.
16. Руссев, Н. Вблизи «Рутенских гор»: О древнерусском населении Прикарпатья в контексте этнополитической истории / Н. Руссев // *Русин*. – 2007. – № 4 (10). – С. 58–69.
17. Серия «Извори за Българска извори за българската история» – София, 1981. – Т. IV. – 292 с.
18. Словарь амурских говоров // *Слово: фольклорно-диалектологический альманах*. – 2017. – № 14. – С. 74-89.
19. Советский энциклопедический словарь / под редакцией А. М. Прохоровой (председатель). – Москва : Советская энциклопедия, 1982. – 1600 с.
20. Титова, Е. «... А уличи и тиверцы седаху по Днестру...». Этнический состав населения Карпато-Днестровских земель в VI–XIII вв. / Е. Титова // *Русин*. – 2008. – № 1–2 (11–12). – С. 206-212.

М.В. Турилова

кандидат филологических наук,
независимый исследователь
(г. Калуга)

КУРС «ПИШЕМ СЦЕНАРИЙ» О СВЯТОМ БЛАГОВЕРНОМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ АЛЕКСАНДРЕ НЕВСКОМ, В СХИМЕ АЛЕКСИИ, В ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ

В статье опубликованы материалы для проведения курса из 5 занятий о святом великом князе Александре Невском, в схеме Алексии, для подростков в православной воскресной школе, общеобразовательном учреждении или на мероприятиях другого формата. Участники занятий обсуждают и пишут сценарий эпизода кинофильма.

In the article we publish some materials for giving a course of 5 studies about Saint Right-Believing Grand Prince Alexander Nevsky (in schema Alexius) for teenagers in Sunday school, in school or at events of other formats. Students discuss and write a scenario for an episode of a film.

Ключевые слова: св. блгв. вел. кн. Александр Невский, житие, история, кинофильм, подросток, православие, школа.

Keywords: Saint Right-Believing Grand Prince Alexander Nevsky, film, hagiography, history, Orthodoxy, school, teenager.

В статье представлены материалы цикла занятий для подростков о святом благоверном великом князе Александре Невском, в схиме Алексии. Курс из 5 занятий под названием «Пишем сценарий» был проведен мной для подростков в рамках открытого образовательного мероприятия дополнительного образования для детей «Зимняя Пущинская школа» в марте 2012 г., на каникулах, в г. Пущино Серпуховского района Московской области. Материалы были размещены на сайте Зимней Пущинской школы zpsh.ru.

Занятия проводились в дневное время в течение 5 дней. У школьников было время для чтения книг вечером и в перерывах между занятиями и другими мероприятиями. Им были предложены 2 книги жития благоверного великого князя Александра Невского (иллюстрированное детское и более полное взрослое издания) [1] и видеозапись любительского школьного спектакля о благоверном великом князе Александре Невском, предоставленная педагогом дополнительного образования МБОУ «Лицей № 48» г. Калуги Н.А. Соловьевой, руководителем школьного театрального объединения.

На занятиях собралось несколько обучающихся 5–8 классов. На 1-м занятии мы читали житие, обсуждали события жизни благоверного великого князя Александра Невского и смотрели видеозапись спектакля.

На 2-м занятии обсуждали план написания сценария.

На 3-м занятии перешли к обсуждению сценария. Героя и события придумали школьники. Итогом занятия стала схема сценария (приложение 2). Я распределила между участниками эпизоды сценария, чтобы вечером каждый из них прописал подробно свой эпизод (реплики героев, описание их действий).

На следующий день (на 4-м занятии) мы прочли вслух придуманное школьниками. Получился сценарий нескольких эпизодов.

На 5-м занятии несколько участников готовили стенд (рис.) для стендовой конференции (она была на следующий день) в виде комикса из серии эпизодов. Реплики героев представлены в виде подписей к рисункам.

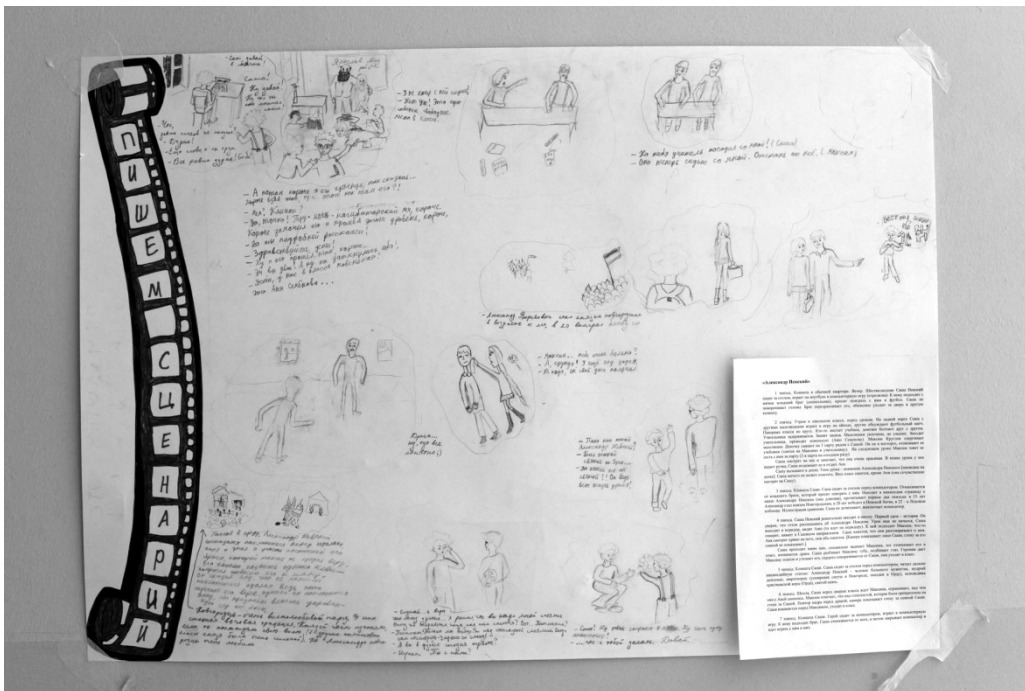

Рис. Стенд для конференции, подготовленный участниками

Источники и литература

1. Житие святого благоверного князя Александра Невского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского : С доп., объясн. примеч. и изображениями св. – Репринт. изд. – Печенга (Мурман. обл.) : Трифионов Печенг. монастырь ; Москва : Кн. Дело (ОАО Можайский полигр. комб.), 2003. – Кн. 7 : Март. – 750 с.
2. Астремский, А. (при участии Астремской Н.). Как написать сценарий. Часть первая. Разработка истории / А. Астремский. – URL: <https://astremsky.livejournal.com/616.html>. – Дата публикации : 08.06.2010. – Текст : электронный.
3. Астремский, А. Как написать сценарий. Часть вторая. Поэпизодный план / А. Астремский, при участии Н. Астремской. – URL: <https://astremsky.livejournal.com/1008.html>. (дата обращения 12.11.2021). – Текст : электронный.

Приложение 1

Материалы курса «Пишем сценарий»¹

Аннотация. Как написать сценарий, да так, чтобы дух захватывало? Как повернуть сюжет, чтобы до самого конца книги, фильма или спектакля нельзя было предположить, чем закончится дело, даже если речь идет о всем известных исторических событиях? На курсе «Пишем сценарий» мы прикоснемся к основам сценарного мастерства и будем сочинять сценарий спектакля о блгв. вел. кн. Александре Невском.

Цель курса – познакомиться с житием св. блгв. вел. кн. Александра Невского.

¹ Материалы могут быть использованы для проведения занятий в воскресной, общеобразовательной школе или в мероприятиях другого формата.

Задачи:

- 1) познакомиться с историческими материалами для сценария;
- 2) познакомиться с основами написания сценария;
- 3) написать сценарий на основе выбранного материала.

Аудитория: школьники 8–11 классов.

План занятий (по статьям А. Астремского [2; 3]):

А. (1–2) Разработка истории.

1. Кратко обсудить события. Записать сценарную идею в нескольких предложениях.

2. Исследовать тему: познакомиться с материалами (летописный рассказ, житие св. Александра Невского).

3. Определить основную идею, желаемый эффект. Обсудить, как добиться эффекта неожиданного финала.

4. Определить главные события, персонажей, конфликты.

Разработать историю:

– описать центральную ситуацию, в которую попал герой и из которой ему нужно выбраться победителем;

– описать главного героя (каковы цель и намерения персонажа, что он умеет, чего готов добиться, каковы его «инструменты» (ярко выраженная способность/орудие и пр.), внутренние конфликты («душевные раны»), недостатки (то, что может поставить под угрозу победу главного героя);

– описать антигероя, который будет противостоять герою, и наделить его силой;

– описать конфликт героя и антигероя (почему они противостоят друг другу) – главный конфликт сценария;

– описать варианты проблем, препятствий и трудностей, которые может создать антигерой для главного героя;

– описать других героев сюжета («друзья» и «враги» главного героя).

5. Обрисовать в нескольких предложениях начало, середину и конец истории.

6. Придумать несколько второстепенных конфликтов.

7. Описать финал. Что происходит с героем и антигероем?

8. Что случится с героем, если он не достигнет цели? (Эта угроза будет нависать над ним на протяжении всего сценария.)

9. Описать изменение героя. Что впечатлит зрителя и что он почувствует?

10. Создать вторую линию (второстепенную сюжетную линию с участием героя или антигероя).

11. Определить, у кого или чего главный герой может чему-то научиться.

12. Определить, какой образ жизни главный герой покидает («старая жизнь», начало сценария) и в какой вступает.

Б. (3–5) Написание эпизодического плана.

1. Проработка ключевых деталей.

2. Проработка главных и второстепенных сюжетных ходов.

3. Конструирование цельного сценария.

Сценарий фрагмента кинофильма

1 эпизод. Комната в обычной квартире. Вечер. Шестиклассник Саша Невский сидит за столом, играет на ноутбуке в компьютерную игру (стрелялка). К нему подходит с мячом младший брат (дошкольник), просит поиграть с ним в футбол. Саша не поворачивает головы. Брат передразнивает его, уходит за дверь в другую комнату.

2 эпизод. Утром в школьном классе, перед уроком. На задней парте Саша с другими мальчишками играет в игру на айпоне, другие обсуждают футбольный матч. Панорама класса по кругу. Кто-то листает учебник, девочки болтают друг с другом. Учительница задерживается. Звенит звонок. Мальчишки увлечены, не слышат. Заходит учительница, приводит новенькую (Аню Семенову). Максим Круглов одергивает мальчишек. Девочку сажают на 3 парту рядом с Сашей. Он не в восторге, отпихивает ее учебники (злится на Максима и учительницу). На следующем уроке Максим зовет ее сесть с ним за парту (2-я парта на соседнем ряду).

Саша смотрит на нее и замечает, что она очень красивая. В конце урока у нее падает ручка, Саша поднимает ее и отдает Ане.

Сашу вызывают к доске. Тема урока – княжение Александра Невского (написана на доске). Саша ничего не может ответить. Весь класс смеется, кроме Ани (она сочувственно смотрит на Сашу).

3 эпизод. Комната Саши. Саша сидит за столом перед компьютером. Отмахивается от младшего брата, который просит поиграть с ним. Находит в Википедии страницу о князе Александре Невском (она длинная), прочитывает первые два эпизода: в 15 лет Александр стал князем Новгородским, в 20 лет победил в Невской битве, в 22 – в Ледовом побоище. Иллюстрация сражения. Саша не дочитывает, выключает компьютер.

4 эпизод. Саша Невский решительно заходит в школу. Первый урок – история. Он уверен, что готов рассказывать об Александре Невском. Урок еще не начался, Саша выходит в коридор, видит Аню (та идет по коридору). К ней подходит Максим, что-то говорит, кивает в Сашином направлении. Саше кажется, что они разговаривают о нем. Аня смотрит прямо на него, они оба смеются. (Камера показывает лицо Саши, стену за его спиной не показывает.)

Саша проходит мимо них, специально задевает Максима, тот отпихивает его в ответ, начинается драка. Саша разбивает Максиму губу, подбивает глаз. Героиня дает Максиму платок и утешает его, сердито отворачивается от Саши, они уходят в класс.

5 эпизод. Комната Саши. Он сидит за столом перед компьютером, читает дальше википедийную статью: Александр Невский – человек большого мужества, мудрый дипломат, миротворец (усмирение смуты в Новгороде, поездки в Орду), исповедник христианской веры (Орда), святой князь.

6 эпизод. Школа. Саша перед дверью класса ждет Максима, спрашивает, над чем они с Аней смеялись. Максим отвечает, что над стенгазетой, которая была прикреплена на стене за Сашей. Повтор кадра перед дракой, камера показывает стену за спиной Саши. Саша извиняется перед Максимом, уходит в класс.

7 эпизод. Комната Саши. Он сидит за компьютером, играет в компьютерную игру. К нему подходит брат, Саша отмахивается от него, а потом закрывает компьютер и идет играть с ним в мяч.

В.А. Радзиевский

кандидат культурологии,
независимый исследователь (г. Киев)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

В работе анализируются дискурсы исторической памяти, патриотизма, героизма, архетипов и преемственности. Уделяется место бывшему Киеву в отдельной исторической рефлексии. Рассмотрены ряд актуальных для современности паттернов в исторической ретроспективе.

The paper analyzes the discourses of historical memory, patriotism, heroism, archetypes and continuity. A place is given to the former Kiev in a separate historical reflection. A separate of patterns relevant for the present are considered in a historical retrospective.

Ключевые слова: Киев, духовность, единство, государство, великие предки.

Key words: Kiev, spirituality, unity, state, great ancestors.

Помнить и чтить своих героев – дело не просто естественное и привычное, но и важное, закономерное и необходимое. Для премьеры Российской империи П.А. Столыпина знаковыми были слова: «Народ, не имеющий национального самосознания, – есть навоз, на котором произрастают другие народы» [6, с. 93]. А национальное, как и личное, самосознание в значительной мере формируется благодаря животворной преемственности – народным традициям, духовным скрепам, нравственным и иным подвигам предков и современников и, конечно же, благодаря светлой и немеркнувшей, здоровой и объективной исторической памяти: о славном прошлом Родины, о подлинных героях и подвижниках духа.

Среди ученых, изучающих историю и культуру Руси, на Украине выделяются объективные исследователи (П. Толочко, Г. Ивакин, А. Моця, А. Толочко, В. Король, В. Орленко, Н. Щербак и др.), чьи позиции мы и будем учитывать.

Территория исторической Руси велика и прекрасна. И, кроме отдельных местных героев, есть много выдающихся личностей, знаковых для всей традиционной большой русской территории. Это далеко не только святые равноапостольные Ольга и Владимир, Ярослав Мудрый и Владимир Мономах, Илья Муромец и Нестор Летописец или Антоний и Феодосий Печерские (киевские

основатели русского и восточнославянского монашества). Терзаемая внутренними нестроениями, усобицами и братскими ссорами, Древняя Киевская Русь была ослаблена и подорвана, а под натиском извне и вовсе сошла с исторической арены, преемственно передав эстафету своим северным землям. Она стала для многих своеобразным отголоском и архетипом в грядущие столетия. Киев, некогда второй по величине град Европы, после интервенций едва не погиб. Град Кия, – в период расцвета существенно превосходивший Париж и Лондон, Рим и Мадрид, – стал на столетия «оккупационных», «темных веков» глухим татарским, литовским и польским захолустьем.

Президент РФ В. В. Путин в статье «Об историческом единстве русских и украинцев» отмечает: «И русские, и украинцы, и белорусы – наследники Древней Руси, являвшейся крупнейшим государством Европы. Славянские и другие племена на громадном пространстве – от Ладоги, Новгорода, Пскова до Киева и Чернигова – были объединены одним языком (сейчас мы называем его древнерусским), хозяйственными связями, властью князей династии Рюриковичей. А после крещения Руси – и одной православной верой. Духовный выбор Святого Владимира, который был и Новгородским, и Великим Киевским князем, и сегодня во многом определяет наше родство» [5]. Президент РФ отмечает: «На Куликовом поле рядом с Великим князем Московским Дмитрием Ивановичем сражались воевода Боброк с Волыни, сыновья Великого князя Литовского Ольгерда – Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский... Важно отметить, что и в западных, и в восточных русских землях говорили на одном языке. Вера была православной. Вплоть до середины XV в. сохранялось единое церковное управление» [5]. Исторически военные и духовные подвиги у наших предков часто переплетались, а героическое служение своему народу и Отечеству было естественным делом, часто ратным подвигом и всегда священным долгом.

После судьбоносных решений 1653–1654 гг. по «украинскому вопросу» – по переходу и принятию под «великую руку царя Московского» статус Киева и многих южнорусских (малорусских) земель изменился. Бывшая столица Руси, град Владимира Великого и Ярослава Мудрого получил новый толчок для развития. И небезосновательно тема возрождения былой столицы долго была «на повестке дня». Императрица Елизавета Петровна, будучи в маргинальном браке с А.Г. Разумовским, лелеяла мысль переноса столицы империи в Киев. Дочь Петра Великого в 1744 г. посетила старинную столицу на берегу Днепра. Царица совершила богомолье и способствовала новому возрождению бывшей столицы (основание Андреевской церкви, Мариинского дворца и т.д.). В.В. Путин пишет: «Интеграция западнорусских земель в общее государственное пространство являлась не только результатом политических и дипломатических решений. Она проходила на основе общей веры и культурных традиций. И вновь особо отмечу – языковой близости» [5]. Императрица Екатерина II навестила Киев, подумывая о конфликтах с османами. Однако Киев после долгого упадка не очень впечатлил ее, хоть стратегически был очень важен не только для войны с Турцией. Английский посол Фитц-Герберт заме-

тил здесь «только развалины да избушки» [6]. Даже старания Елизаветы Петровны не вернули Киеву былого величия. Екатерина II, видя последствия «остатков польско-литовского хозяйствования», вынуждена была отказаться от переноса столицы с Невы к Днепру. Как показалось свите великой гостьи из Санкт-Петербурга, «европейские хозяева» за столетия своего руководства Киевом превратили его в слишком «глухой угол» [7, с. 40]. Александр I также подумывал о Киеве как о новой столице. Он любил Коренную, южную, малую Русь, и, говорят, Питер с памятью о трагедии отца его угнетал, а Москва, особенно после трагедии 1812 г., и вовсе печалила. Император, после победоносного Европейского маршрута и торжественного въезда в Париж в 1814 г., все более подумывал о Киеве-столице.

Геополитические интересы империи все более сосредотачивались на южном направлении. Мечтам Александра I не суждено было сбыться. Его преемник также был равнодушным к «киевскому вектору». Идею перенести столицу в Киев подал государю Николаю I генерал-губернатор Новороссийского края Михаил Воронцов. Николаю Павловичу идея очень понравилась. В середине 1835 г. начальник штаба 1-й армии генерал Муравьев утверждал, что предварительно «вопрос о переносе столицы окончательно решен». Начались работы по переезду первых правительственных учреждений. Государь много заботился о Киеве. Киев, как новая столица, среди прочего укрепил бы «восточнославянское начало», «традиционные православные скрепы», «решил бы польский вопрос». Непростые европейские дела и Крымская война не дали возможности Николаю I сделать Киев новой столицей империи. Преемник Николая I тоже симпатизировал Киеву. Особенно воодушевлял Александра II князь А.И. Барятинский. Перенос столицы в «Иерусалим земли Русской» (как говорили о Киеве Дмитрий Ростовский, Александр III и многие другие), в «мать городов Русских» (Нестор Летописец и т.д.) мог способствовать росту патриотических настроений и облегчить ряд внешнеполитических проблем (восточных, южных и прочих). В 1863 г. газета «Киевлянинъ» писала о грядущем признании Киева столицей и провозглашения Петербурга порто-франко [6, с. 103]. Но Александр II оказался не вполне самостоятелен в принятии судьбоносного решения. И, как и вопрос с Аляской, Киевский вопрос оказался неудачным для него. Многие понимали, что Киев – особенный город для восточнославянской ойкумены, знаковая обитель Руси, и он по-своему освящал Отечественную историю. Александр III также не был равнодушным к Киеву, а последняя попытка переноса столицы империи в Киев была при Николае II.

Премьер-министр П.А. Столыпин был уверен, что перенос столицы в Киев укрепит страну, усилит внутренние и внешние позиции государства, среди прочего сведя на нет новое, местное, так называемое «украинское движение». В Киев переехала вдовствующая государыня, мать императора Николая II – Мария Федоровна. Приятный киевский климат способствовал бы укреплению здоровья членов династии и облегчил бы страдания цесаревича Алексея. Хорошим поводом, по мнению Петра Аркадьевича, должны были стать торжества в связи с 300-летием дома Романовых. По мнению великого

премьер-министра, из Киева мог начаться новый период существования царствующей династии. Увы, в 1911 г. в Киевском оперном театре Столыпина смертельно ранили и вскоре похоронили в знаковой святыне славянства – в Киево-Печерской Лавре. Вскоре настала так называемая «70-летняя диктатура лжи и насилия», – ведь, как пишет В.В. Путин, «большевики относились к русскому народу как неисчерпаемому материалу для социальных экспериментов. Они грезили мировой революцией... Поэтому произвольно нарезали границы, раздавали щедрые территориальные «подарки». <...> Очевидно одно: Россия фактически была ограблена» [5].

Россия очень пострадала, но духовно обеднела и Украина. Так, политика безбожия, партократии, «классобесия» и «коренизации» (и отсюда «украинизации»), как и многое иное в «70-летке фальши и страха», формировалось не в Киеве. При этом исторически очень много на севере, да и по всей Руси было из Киевских и «околокиевских пределов». От ветви князей Черниговских вел род и русский боярин, воевода, составитель первого русского устава сторожевой и пограничной службы, выдающийся полководец – Михаил Иванович Воротынский. Его предок, князь Михаил Всеволодович Черниговский (знаковая личность для славянства и всего Православного мира), после своей мученической кончины был причислен к лику святых – на Соборе 1547 г.

Занимая одно из первых мест в придворной и военной иерархии царя Ивана Грозного, Михаил Воротынский прославился доблестными подвигами, участвуя в судьбоносных военных кампаниях. По В.А. Саблину, «Михаил Иванович Воротынский является примером чести, доблести, патриотизма и храбрости» [1]. В.А. Саблин точно заметил: «Одержанная им в 1572 г. победа над Крымским ханством в битве при Молодях спасла национальную государственность России и христианскую цивилизацию от порабощения Крымом и Портой. По мнению историков, значение победы при Молодях в 1572 г. в русской и советской историографии оценено не до конца, хотя по значимости и масштабам это сражение не уступает битве на Бородинском поле» [1, с. 2.]. Битва при Молодях позволила Московскому царству сохранить независимость и стала поворотной точкой в противостоянии Москвы и южных агрессоров, ханства [1]. Это актуально в контексте нынешних южных реалий как напоминание об имперском мышлении многих представителей турецкой элиты, о проблемах радикального ислама, южной и юго-восточной агрессии, а также иных несеверных вызовов. Необходимо вспомнить и Александра Невского – одну из знаковых, святых и консолидирующих личностей Руси (князь Новгородский, Киевский, Владимирский и т.д.). Известный Петербургский митрополит Иоанн (Снычев), уроженец Украины, в конце XX века писал: «Чудо сопровождает Россию сквозь века. В конце X века вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели – русский народ, в течение шести веков (с X по XVI) вдумчиво и сосредоточенно размышлявший о месте Святой Руси в мироздании, пока, наконец, в царствование Иоанна IV не утвердился в своем национально-религиозном мировоззрении» [4].

О преподобном Герасиме, игумене Вологодском читаем некогда общеизвестное: «Первый равноангельным житием в Вологодстей стране просиявший от гор Киевских». Основа культурной жизни Руси (в т.ч. и церковь с монашеством, школами, летописанием, иконописанием, храмостроительством и т.д.) формировалась в Киеве и перешла в Москву. Например, после очередного татаро-монгольского погрома Киева в 1299 г. митрополит Киевский Максим перенес митрополичью кафедру из Киева во Владимир на Клязьме. С митрополитом из Киева уехали многие. Новым центром Руси стал северо-восток.

В Галицию бежать же становилось все опаснее: литовцы, поляки, венгры и другие неправославные братья все активнее хозяйничали на западных рубежах захваченной и окровавленной Руси. Киевский владыка Максим скончался в декабре 1303 г. и был погребен во владимирском Успенском соборе. Ранее митрополитов Киевских хоронили в Киеве. В 1328 г. митрополит Киевский и всея Руси переехал в Москву, утвердив в ней резиденцию кафедры митрополитов. Духовное значение Киева как второго Иерусалима с уделом Пресвятой Богородицы и великим прошлым до XIX века оставалось, но по малочисленности населения и периферийности даже Киев времен Богдана Хмельницкого или Ивана Мазепы – это далеко не столица Ярослава Мудрого или Владимира Мономаха.

Н. Бердяев, много лет живший в Киеве, заметил: «Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира». При этом по другому великому русскому философу, И. Ильину, русская нация – многонародна [2, с. 13]. Культурный эквивалент в традиционной духовной «оболочке» со временем может рассматриваться как аналог генетического, а «духовная ДНК» станет определяющей. Для комплексности в понимании исторической памяти и проблематики отечественной преемственности отметим, что многие авторы (В. Жириновский, С. Воронин, С. Глазьев, Н. Малоросс, В. Король и др.) отмечают, что Украина исторически великолепная часть русского пространства [3, с. 46; 4; 6; 7; 8], а многие украинцы – борцы и подвижники. К примеру, украинцы-герои в России и в СССР – закономерное явление: много где воевали выходцы с юга Руси с момента воссоединения Великой и Малой ее частей. В Итальянском и Швейцарском походах А. Суворова прославились майор Марченко, капитан Колодежный, подпоручик Корытко, поручик Шрамченко и др. В войне 1812 г. 29% русских офицеров были уроженцами украинских губерний [9, с. 71]. Кроме Петра Кошки, тысячи малороссов-патриотов были важной частью русской армии и флота. В отдельных частях украинцы доминировали. Так, в Киевском и Одесском военных округах малороссы составляли «в начале XX в. от 70 до 100% нижних чинов» [9, с. 71]. И как минимум 50% русских солдат, освобождавших в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Болгарию, были малороссами [9, с. 71]. Прочитируем знаковые слова Президента РФ В.В. Путина об украинцах и русских: «Наше родство передается из поколения в поколение. Оно – в сердцах, в памяти людей, живущих в современных Рос-

сии и Украине, в кровных узах, объединяющих миллионы наших семей. Вместе мы всегда были и будем многократно сильнее и успешнее. Ведь мы – один народ» [5].

Источники и литература

1. Саблин, В. А. Предисловие / В. А. Саблин // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Вологда – Кириллов, 5–7 сентября 2019 г.). Вып. 1. – Вологда, 2020. – С. 3-4.
2. Жириновский, В. В. Русская душа / В. В. Жириновский. – Москва, 2016. – 80 с.
3. Жириновский, В. В. Россия – Европа: история непонимания / В. В. Жириновский, С. А. Воронин. – Москва, 2019. – 112 с.
4. Малороусс, Н. В. К России с любовью / Николай Малороусс. – Москва : Голос-Пресс, 2018. – 554 с.
5. Путин, В. В. «Об историческом единстве русских и украинцев». – URL: https://russiaun.ru/news/article_120721 (дата обращения: 20.08.2021). – Текст: электронный.
6. Радзиевский, В. А. Украина: время перемен (Russian Edition) / В.А. Радзиевский. – Paperback, 2017. – 148 с.
7. Радзиевский, В. Культура Украины: новые метаморфозы? (Russian Edition) / Виталий Радзиевский. – Б.м. : LAP LAMBERT, 2019. – 185 с.
8. Радзієвський, В. О. Домінуючі субкультури України початку ХХІ століття в теоретичному дискурсі : монографія / В. О. Радзієвський. – Київ, 2021. – 448 с.
9. Смирнов, А. Призыв державы. Многие поколения украинцев почитали за честь служить в русской армии / А. Смирнов // Родина. – 2019. – № 4. – С. 70-74.

И.А. Суздальцев

кандидат исторических наук,
школа № 1381 (г. Москва)

СОБЫТИЯ МОСКОВСКОЙ БИТВЫ (1612 Г.) В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ

Статья посвящена анализу современной (вторая половина XX в. – начало XXI в.) зарубежной историографии Московской битвы (1612 г.). Констатируется повышение интереса к изучению данной темы на основании того, что в последние десятилетия появляются исследования, где рассматриваются события Московской битвы. Автор выделяет ключевые проблемы, на которых сконцентрировано внимание исследователей.

The article is devoted to the analysis of the modern (second half of the 20th century – the beginning of the 21st century) foreign historiography of the Moscow battle (1612). An increase in interest in the study of this topic is stated on the basis of the fact that in recent decades there have been studies that examine the events of the Moscow battle. The author highlights the key problems on which the attention of researchers is focused.

Ключевые слова: Смутное время, Московская битва 1612 г., Второе ополчение, Минин, Пожарский.

Keywords: Time of Troubles, Moscow Battle of 1612, Second Militia, Minin, Pozharsky.

В 2022 г. исполнится 410 лет с момента Московской битвы (битвы на Девичьем поле), благодаря победе в которой войскам Второго ополчения удалось изгнать польские гарнизоны из Московского Кремля, что напрямую способствовало окончанию Смутного времени в нашей стране. Однако, несмотря на значительную роль этой битвы как в событиях Смутного времени в частности, так и в истории России в целом, она изучена достаточно слабо, об этом в том числе говорит незначительное количество исследований, в которых она упоминается, особенно в зарубежной историографии, хотя с начала 1990-х гг. все же появляется ряд работ, где Московская битва, а также события, ей предшествующие, вызывают определенное внимание историков.

События Смутного времени интересовали отечественных историков еще в XIX в., в частности, В.О. Ключевский, характеризуя события 1612 г. отмечал что «под Москвой стоял казацкий отряд князя Трубецкого, остаток первого ополчения. Казаки были для земской дворянской рати страшнее самих поляков, и на предложение князя Трубецкого она отвечала: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». Но скоро стало видно, что без поддержки казаков ничего не сделать, и в три месяца стоянки под Москвой без них ничего важного не было сделано» [18, с. 317]. В итоге только с помощью казаков в октябре был взят «приступом Китай-город» [18, с. 317].

В начале XX в., а также после 1917 г. самым выдающимся исследователем Смуты был С.Ф. Платонов, его главный труд по данной теме – «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.». Ряд историков считает, что после революции его взгляды на Смутное время претерпели изменения: больший акцент был сделан на положение широких слоев населения, имел место переход от термина «социальная борьба» к понятию «классовая борьба» [25, с. 430-432], признавая классовый характер многих событий Смуты [16, с. 28]. Его современник Ю.В. Готье, срачивая такие понятия, как «Смутное время» и «революционное движение» [16, с. 29], писал, что главными действующими силами в Московской битве и в целом в изгнании интервентов из России были «средние слои русского общества», а также крестьяне [17, с. 140-143].

Вскоре обозначение этого периода как «Смутное время» было заменено понятием «крестьянская война», а в историографии стали доминировать споры о том, как лучше всего вписать события того периода в официальную историческую концепцию того времени¹. В 1980–1990-е гг. увидели свет ряд

¹ См., в частности, дискуссию в журнале «Вопросы истории» в 1958–61 гг.: Зимин А.А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 97-113; Смирнов И.И. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII // Там же. 1958. № 12. С. 116-131; Корецкий В.И. Из истории крестьянской войны в России начала XVII века // Там же. 1959. № 3. С. 118-137; Овчинников Р.В. Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII века в России // Там же. 1959. № 7. С. 69-83; Скляр И.М. О начальном этапе первой крестьянской войны в России // Там же. 1960. № 6. С. 90-101; Он же. О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII века // Там же. 1961. № 5. С. 102-120.

монографий Р.Г. Скрынникова [19-24], который изначально называл события Смуты крестьянской войной, которая представляла собой форму народного протеста против закрепощения, однако в последних работах отказался от этих интерпретаций в пользу рассмотрения Смутного времени как гражданской войны, вызванной не только закрепощением крестьянства, но и кризисом в системе дворянского землевладения [12, с. 5]. Эта тенденция в целом свойственна современным работам, опубликованным в России, западные же историки, по мнению профессора русской истории Бирмингемского университета (Великобритания) М. Перри, не увлекались концепцией крестьянской войны (очевидно, из-за меньшей политизированности исторической науки в XX в.), предпочитая термин «Смутное время» [13, с. 409] (в англоязычной историографии «Time of troubles»). – *прим. авт.*

Ряд работ в зарубежной историографии Смутного времени был опубликован еще до конца 1980-х – начала 1990-х гг., например, биография Лжедмитрия I [2] и монография, где частично рассматривается положение крестьянства в XVII в. [11], в которой автор (французский историк Р. Мунье (Roland Mousnier)) делает вывод, что роль крестьянства в событиях Смутного времени, в том числе Московской битве, крайне незначительна, хотя в то же время констатирует, что непосредственные участники событий: казаки, стрельцы, «бандиты» по своему происхождению чаще всего были крестьянами [11, с. 180-184, 326]. Американский историк П. Эврич (Paul Avrich), наоборот, отмечает, что крестьяне были самым многочисленным сословием, участвовавшим в битвах, однако роль предводителей в восстаниях, как правило, принадлежала казакам [1, с. 4-5].

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. количество исследований, посвященных полностью или частично Смуте и роли Московской битвы в ней, опубликованных за рубежом, стало увеличиваться. Среди них монографии Р. Крамми (Robert O. Crumme) [4], М. Джонсона (Matthew Raphael Johnson) [9], Д. Шубина (Daniel H. Shubin) [14], И. Грубера (Isaiah Gruber) [8] (все – США), М. Перри (Maureen Perrie) [12], Ч. Даннинга (Chester S. L. Dunning) [5; 6], В. Мосса (Vladimir Moss) [10] (все – Великобритания); статьи вышеупомянутых М. Перри [13] и Ч. Даннинга [7], а также Е. Блюмина (Evgeniy Blyumin) [3] и Т. Стэнвея (Theodore Stanway) [15] (оба – США).

Несмотря на достаточно немногочисленный перечень исследований, историками по ряду проблем высказываются различные точки зрения вплоть до абсолютно противоположных.

Например, по-разному оценивается роль церкви. Р. Крамми считает, что патриарх Гермоген (патриарх Московский и всея Руси в 1606–1612 гг. – *прим. авт.*) создал искру, которая подняла людей на сопротивление [4, с. 229]. М. Перри также утверждает, что письмо патриарха Гермогена, которое удалось вывезти из осажденной Москвы (имеется ввиду Грамота в Нижний Новгород. – *прим. авт.*), послужило толчком для организации новой освободительной армии [12, с. 425, 427]. По мнению Т. Стэнвея и В. Мосса, волна

патриотического рвения исходила от Троице-Сергиевой Лавры, которая и воодушевила нижегородцев [15; 10, с. 185].

И. Грубер придерживается иного мнения, и пишет, что монастыри были, прежде всего, крупными экономическими корпорациями, а не духовными учреждениями, и их главной заботой была погоня за прибылью, какой бы режим ни находился у власти. Только на более поздних этапах Смуты, когда прибыль монастырей оказалась под угрозой, они стали проявлять инициативу по восстановлению политической стабильности. В итоге церковь в Смутное время потеряла доверие верующих [8, с. 51-74, 163-172, 184-186].

По мнению М. Джонсона, действия отдельных представителей духовенства, высказывавшихся за поддержку интервентов, никак не отразилось на церкви, доктрины которой никогда не подвергались сомнению [9, с. 73]. Ч. Даннинг считает, что влияние церкви в Смутное время было очень значительным (в частности, горожане и крестьяне рассматривали свою беспрецедентную готовность жертвовать собой как часть религиозной борьбы [6, с. 416]), однако после того, как церковь вышла из Смутного времени победителем, началось ее значительное обогащение и стал наблюдаться рост церковного землевладения [5, с. 320].

По вопросу состава войска Минина и Пожарского Крамми пишет, что ополчение в основном состояло из войск, бежавших из Смоленска. И только в преддверии битвы за Москву к ополчению присоединились дворяне, аристократия, а также казаки, торговцы и ремесленники [4, с. 229]. Шубин отмечает, что из оккупированной Москвы в Ярославль устремились много дворян и князей, в том числе Андрей Куракин, Василий Морозов, Семен Головин, Никита Одоевский, Петр Пронский, Иван Черкасский, Борис Салтыков, Иван Троекуров, Дмитрий Черкасский, братья Шереметевы и другие. В письмах, которые рассылал городам Пожарский, было 34 подписи от представителей аристократии [14, с. 206-207]. Даннинг же пишет о том, что даже в начале августа 1612 г. в ополчении Пожарского было очень мало знатных дворян. Пожарский командовал не менее десятью тысячами человек, но его пестрые войска, значительная часть которых состояла из татар, мордвы и чувашей, вооруженных топорами, копьями и аркебузами вызвали насмешки со стороны польского гарнизона в Москве [5, с. 294-295].

Одним из главных причин победы войск Второго ополчения Крамми считает факт договоренности о нейтралитете Швеции в битве за Москву взамен на обещание выдвинуть кандидатуру князя Карла Филиппа, брата короля Густава II Адольфа, как царя [4, с. 230]. Шубин и Блюмин видят главную причину победы в том, что 18 августа 1612 г. армия Трубецкого присоединилась к армии Пожарского, после чего к войскам ополчения перешла стратегическая инициатива [14, с. 209-210; 3]. Даннинг отмечает как дипломатические качества Пожарского, добившегося критически важного перемирия со Швецией в июне 1612 г. [5, с. 293], так и союз между Трубецким и Пожарским [7, с. 494], хотя в начале Московской битвы надменный Трубецкой сохранял свои казацкие войска в стороне. По мнению Даннинга, одной из главных проблем

в 1612 г., которая ослабляла войска Второго ополчения, была борьба внутри страны с остатками Первого ополчения. Например, это выразилось в том, что войска И. Заруцкого, одного из руководителей Первого ополчения, заблокировали замысел Минина и Пожарского использовать Суздаль в качестве опорного пункта для освобождения Москвы, после чего они вынуждены были выбрать Ярославль. Заруцкий также пытался помешать Пожарскому занять Ярославль, однако после ряда успешных действий Ярославль все же стал штаб-квартирой национально-освободительного движения [5, с. 292-293, 296].

Перри также считает, что во многом благодаря союзу Трубецкого и Пожарского их войскам удалось освободить Москву, при этом, в отличие от Даннинга, Перри пишет, что Трубецкой был также заинтересован в ополчении Пожарского, и еще в марте 1612 г. обращался к нему с просьбами о военной помощи. Перри отмечает еще одну немаловажную, по его мнению, причину победы Второго ополчения: И. Заруцкий в марте 1612 г. присягнул на верность Лжедмитрию III, что способствовало переходу многих из его бывших сторонников в лагерь Минина и Пожарского [12, с. 216, 218].

Таким образом, современная зарубежная историография событий Московской битвы 1612 г. представлена достаточно значительным количеством исследований, что говорит о сохранении определенного интереса к изучению как данной, так и смежной с ней тем, по ряду проблем имеются различные мнения, включая иногда абсолютно противоположные.

Источники и литература

1. Avrich, P. Russian Rebels, 1600 – 1800 / P. Avrich. – London, 1973.
2. Barbour, P. L. Dimitry, Called the Pretender. Tsar and Great Prince of All Russia, 1605–1606 / P. L. Barbour. – London, 1967.
3. Blyumin, E. The role of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the events of the Time of Troubles / Blyumin E. – URL: https://www.academia.edu/10133425/The_role_of_the_Polish_Lithuanian_Commonwealth_in_the_events_of_the_Time_of_Troubles (дата обращения: 12.11.2021). – Текст : электронный.
4. Crummey, R. O. The formation of Muscovy 1304–1613 / Crummey R. O. – London & New York, Routledge, 1987.
5. Dunning, C. S. A short history of Russia's first civil war: the Time of Troubles and the founding of the Romanov dynasty / C. S. Dunning. – University Park, The Pennsylvania State University Press, 2004.
6. Dunning, C. S. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty / C. S. Dunning. – University Park, Pennsylvania State University Press, 2001.
7. Dunning, C. S. Terror in the Time of Troubles / C. S. Dunning // *Kritika Explorations in Russian and Eurasian History*. – January, 2003. – P. 491-513.
8. Gruber, I. Orthodox Russia in Crisis: Church and Nation in the Time of Troubles / I. Gruber. – DeKalb, Northern Illinois University Press, 2012.
9. Johnson, M. R. The Third Rome: Holy Russia, Tsarism & Orthodoxy / M. R. Johnson. – Washington D.C., The Barnes Review, 2003.
10. Moss, V. Christian Power in the Age of Reason / V. Moss. – Guildford, 2004.
11. Mousnier, R. *Fureurs paysannes: Les paysans dans les revoltes du XVIIe siecle (France, Russie, Chine)* / R. Mousnier. – Paris, 1967.
12. Perrie, M. Pretenders and popular monarchism in early modern Russia. The false tsars of the Time of Troubles / M. Perrie. – Cambridge, 1995.

13. Perrie, M. The Time of Troubles (1603–1613) / M. Perrie // The Cambridge History of Russia. Volume I. From Early Rus' to 1689. Edited by Maureen Perrie. – Cambridge, 2006. – P. 409-434.
14. Shubin, D. H. Tsars and Imposters: Russia's Time of Troubles / Shubin D. H. – New York, 2009.
15. Stanway, T. For the Soul of Rus: Church-State Relations in the Time of Troubles / Stanway T. – URL: https://www.academia.edu/27140349/For_the_Soul_of_Rus_Church_State_Relations_in_the_Time_of_Troubles (дата обращения: 12.11.2021). – Текст : электронный.
16. Горбачев, П. О. С. Ф. Платонов и Ю. В. Готье о смутном времени: штрихи к полереволюционному периоду творчества выдающихся историков / П. О. Горбачев // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 2. – С. 26-30.
17. Готье, Ю. В. Смутное время: очерк истории революционных движений начала XVII столетия / Ю. В. Готье. – Москва : Государственное издательство, 1921. – 152 с.
18. Ключевский, В. О. Исторические портреты / В. О. Ключевский. – Москва : Эксмо, 2008. – 510 с.
19. Скрынников, Р. Г. Минин и Пожарский / Р. Г. Скрынников. – Москва : Молодая гвардия, 1981. – 352 с.
20. Скрынников, Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута» / Р. Г. Скрынников. – Москва : Мысль, 1988. – 283 с.
21. Скрынников, Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев / Р. Г. Скрынников. – Новосибирск : Наука, 1990. – 240 с.
22. Скрынников, Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников / Р. Г. Скрынников. – Ленинград : Наука, 1988. – 256 с.
23. Скрынников, Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века / Р. Г. Скрынников. – Ленинград : ЛГУ, 1985. – 328 с.
24. Скрынников, Р. Г. Царь Борис и Дмитрий Самозванец / Р. Г. Скрынников. – Смоленск : Русич, 1997. – 622 с.
25. Чистякова, Е. В. Сергей Федорович Платонов и его труд «Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)» / Е. В. Чистякова // Платонов, С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время) / С. Ф. Платонов. – 5-е изд. – Москва, 1995. – С. 430-432.

П.П. Хоменко
Институт всемирной истории
Национальной академии наук Украины (г. Киев)

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

В статье представлены один из этапов истории проектирования и строительства Киевской крепости – одного из наиболее значительных памятников фортификационного искусства, игравшей важную роль в военно-стратегической системе западных границ Российской империи. Раскрыты ход и особенности фортификационного процесса этого периода на территории Киева во время европейского кризиса, связанного с разделами Польши в конце XVIII в.

The article presents one of the stages in the history of the design and construction of the Kiev fortress – one of the most significant monuments of fortification art, which played an important role in the military-strategic system of the western borders of the Russian state. The course and features of the fortification process of this period on the territory of Kiev during the European crisis associated with the partitions of Poland at the end of the 18th century are revealed.

Ключевые слова: Киево-Печерская крепость, фортификация, западные границы, раздел Польши.

Keywords: Kiev-Pechersk fortress, fortification, western borders, partition of Poland.

Разделы Речи Посполитой (1772, 1793, 1795) изменили геополитическое положение в Европе. С одной стороны, расширение Российской империи на запад позволило ей играть первостепенную роль в европейских делах, с другой – ее соседями становились могущественные государства – Прусское королевство и Австрийская империя. В этих условиях перед Российской империей стояла задача не только закрепить в международно-правовом плане западные территории, но и обеспечить их военное прикрытие на случай возможной войны.

Однако до настоящего времени вне поля зрения исследователей оставались архивные документы, которые и позволили по-новому исследовать проблему крепостного прикрытия западной границы Российской империи в 1795–1796 гг. Новые материалы свидетельствуют о том, что крепости должны были играть важную роль не только в случае оборонительной войны, но и при наступлении. После третьего раздела Речи Посполитой (1795), в результате которого Российская империя стала граничить с Австрией и Пруссией [11], русские военные инженеры предложили императрице Екатерине II несколько вариантов прикрытия западной границы страны.

Некоторые аспекты истории оборонительных сооружений Киева, в том числе и Печерской крепости, ее положения в начале XIX в., раскрыты в работах Ф. Эрнста, Д. Меньшова, С. Петрова и др., которые служили для нас историографической базой. Источниковое наполнение было сформировано документами Центрального государственного исторического архива Украины, г. Киев (ЦДИАК Украины) и Государственного архива г. Киева (ГАК).

Накануне русско-польской войны 1792 г. был основан комплекс мер, направленных на укрепление обороноспособности основных крепостей Российской империи, в первую очередь тех, которые располагались в непосредственной близости от западной границы. В то же время во внимание принималась важность стратегического расположения некоторых городов, в частности Киева. Основным препятствием для проведения соответствующих работ было отсутствие должного финансирования, необходимость которого определялась достаточно критическим состоянием местных крепостных укреплений [6].

Стоит отметить, что еще в XVIII в., в императорских документах («Рассуждения Е.И.В. в крепостях» 1724 г., «Рассуждение учреждаемой при Император-

ском Дворе воинской комиссии» 1730 г. и «Высочайшее подтвержденной в крепостях ведомости» 1763 г.) определялась важность содержания в Киеве двух крепостей – Старокиевской (в то время охватывала только один внешний вал) и Киево-Печерской. В 1763 г. фортификационное состояние первой было признано произвольным еще «с давних времен» и, следовательно, уже не предусматривалось выделение финансирования для содержания ее в надлежащем состоянии. В том же году была организована специальная инженерная экспедиция, которая обследовала Киево-Печерскую крепость [8, с. 14].

В 1768–1772 и 1792–1794 гг. Россия находилась в состоянии войны с Польшей. О состоянии Киево-Печерской цитадели накануне войны, а также о том, какие в крепости планировались фортификационные работы, дает представление целый ряд архивных документов. Во-первых, это различные донесения и рапорты и т.д. Большой интерес представляет рапорт генерал-фельдцейхмейстера графа Г.Г. Орлова, где он излагает свое мнение о работах, которые необходимо выполнить для повышения обороноспособности Украины и в т.ч. Киево-Печерской цитадели. Из-за отсутствия достаточных средств предлагалось «починить крепость по старым линиям» в «пристойных местах» [7, с. 30]. К выполнению этих работ планировалось привлечь обывателей. Во-вторых, это графические материалы: планы, продольные и поперечные разрезы различных частей крепости и т.д. [9, с. 32]. В декабре 1768 г. был утвержден план усовершенствования укреплений крепости, подписанный генерал-фельдцейхмейстером графом Орловым, инженер-генерал-майором Гербелем, Ларионом Голенищевым-Кутузовым и инженер-полковником Андреем Пурпурой [10, с. 118]. По этому плану предполагалось:

«1) Прибавить вдоль западно-южной стороны крепости наружное укрепление, начиная от шпица Кавалерского бастиона до Семеновского полубастиона или до существующего южного передового ретраншаменты. Вновь предполагаемое окружное укрепление начертано таким образом, чтобы перед куртинами трех бастионов построить большие и перед шпицами оных малые реданты, между собой связанные, отделенные от Главного вала широким сухим рвом, а снаружи имеющие покрытый путь и гласис. Вместе с тем предполагалось уничтожить небольшое наружное укрепление, существовавшее прежде того на западной стороне впереди Кавалерского и Андреевского бастионов и состоявшее из малого редута и коммуникационной линии.

2) По набережной или восточной стороне предназначено сомкнуть главный вал, доселе открытый, новым полигоном из двух редантов и полубастиона, располагая оные так, «чтобы правый фас первого реданта по южной стороне пристроить к Рождественскому полубастиону, а левый его фас, весьма длинный и 2-й редант, как равно и новый полубастион, назначить вдоль набережной или восточной стороны до куртины Павловского полубастиона.

3) По северо-восточной стороне перед шпцем Спасского бастиона вновь построить демилюн с гласисом впереди него» [1]. По указанному проекту строительство Киево-Печерской крепости осуществлялось до 1775 г. За исключением незначительных изменений, внесенных инженер-генерал-майором

Ларионом Голенищевым-Кутузовым, проект был реализован. Корректировка проекта была вызвана тем, что при его составлении «не было сделано довольно основательной и подробной съемки». Изменения проекта сводились, в основном, к следующему:

«1) По возводимому вдоль западно-южной стороны Печерской крепости наружному укреплению реданты вообще уменьшены и приближены к главному валу, отчего ров остался уже, чем начертан был по проекту. Малый редут с коммуникационной линией снесены не прежде окончания нового укрепления впереди Кавалерского бастиона.

2) По набережной или восточной стороне вновь возводимый полигон, вместо полагавшихся в нем двух редантов и полубастиона, составлен из шести малых редантов и полубастиона. Сверх того вновь предположено передовое южное укрепление по набережной стороне замкнуть большим бастионом и прямым валом с другими теналями.

3) Предполагавшийся пред шпцем Спасского бастиона демилюн вовсе отменен и только назначено новый полубастион набережной стороны соединить гласисом с Павловским и Спасским бастионами. При Печерской крепости построить наружные укрепления хотя в виде временных, все ветхие места починить и Старо-Киевскую крепость по старым линиям и для сохранения от нечаянного нападения обнести палисадами». К 1774 г. в Киево-Печерской крепости было «закончено сооружение наружных укреплений южной стороны, кроме реданта впереди Кавалерского бастиона. Прежний передовой редут с коммуникационной линией назначенные к уничтожению, еще существовали, по набережной стороне линия редантов между Павловским и Рождественским бастионами по многим местам еще не была dokonчена равно и вновь строящийся набережный бастион передового южного укрепления». К этому времени Печерская крепость имела те же 5 бастионов и 4 полубастиона. Кроме того, были сооружены «демилюны»: Васильковский впереди куртины бастионов Кавалерского и Успенского, Невский – впереди куртины бастиона Успенского и Петровского, Киевский – впереди куртины бастиона Петровского и полубастиона Спасского. В крепость можно было попасть через Васильковские, Киевские и Московские ворота. Другим частям крепости еще не было дано наименований. По штатному расписанию 1775 г., составленному в канцелярии главной фортификации и артиллерии, «полагалось состоящую в III или Киевском Департаменте (округе) Киево-Печерскую крепость исправить по сочиненному в военное время (1770 г.) проекту, на что назначено 868.000 руб., казенные же деревянные строения заменить каменными». В 1775 г. были срыты наружные укрепления коммуникационной линии до контрэскарпа левого фаса Васильковского рavelина «в направлении наружных крутостей брустверов по Кавалерскому бастиону и между Алексеевским и Андреевским бастионами». Тогда же был составлен проект на «возобновление передового редута впереди Андреевского и доскончание редантов впереди Кавалерского бастиона» [2].

В 1776 г. было утверждено предложение о сооружении двух люнетов перед Андреевским и Алексеевским бастионами. Большое внимание уделялось в

крепости ремонту старых и строительству новых минных галерей и сортий. Так, в 1777 г. каменная сортия была построена «во входящем угле, где смешаются фазы правый реданта и левый конграрда», а в 1783 г. – каменная сортия между Андреевским и Алексеевским бастионами под главным валом [3]. В 1785 г. в куртине между Успенским и Павловским бастионами вместо ветхой деревянной была построена каменная сортия. Перед Андреевским бастионом в этом году был достроен демилюн и начато сооружение демилюна перед Алексеевским бастионом. «Перед левым фасом Андреевского бастиона у реданта была построена каменная сортия». 1786 г. была разобрана деревянная сортия у левого фланга Павловского бастиона, вместо которой была сооружена каменная. В этом же году закончено и строительство каменной сортии в «тенале между Успенским и Петровским бастионами» [4].

19 сентября 1784 г. канцелярия артиллерии и фортификации представила доклад о Киевских укреплениях, составленный генерал – инженером Боура, из которого следовало, что «укрепление, основанное при пещерах, расположено новою фортификациею, приведено с нагородной стороны в довольно хорошее состояние. Не достает в нем только надлежащего ограждения со стороны Московской дороги, где лежат вредные для него высоты и рытвины. Також с берегу Днепра нет еще никакого укрепления». В связи с этим в крепости предполагалось осуществить следующие работы:

«1. Построить отдельный флешь с коммуникационною линиею напротив Алексеевского бастиона для открытия и командования глубоких и кривых лощин по обеим онного сторонам и частью для дорого вблизи того пригорка находящихся.

2. При нагорном ретраншаменте или береговом южном укреплении защищающих рытвины и высоты вредных для главного укрепления, присыпать гласис, начав почти от нижних Московских ворот до крутизны высоким берегом к Днепру преломляющихся с исправлением крутостей ретраншаamenta и глассисировкою промоен и бугров вне его находящихся також и с приделкою вместо редантов двух небольших бастионов по плоской части ретраншаamenta.

3. Для обороны берегов и нижних дорого сделать гласис с батареями.

4. Таковой же присыпать на отлогости против полигона между Павловским бастионом и полубастионом.

5. У предместья между Васильковским и Киевским рavelинами построить в капитальных углах под гласисом пять каменных галерей для контрмин.

6. Приступить к построению каменных зданий для чиновников и гарнизона» [5].

В 1787 г. императрица Екатерина II утвердила проект «части укрепления экспланадной линии и расположения 18 регулярных кварталов строений в Печерской крепости», подписанный генералом И. Миллером и графом А. Шуваловым. По этому проекту предполагалось «по укреплениям... замкнуть береговые горжи передового Южного укрепления в Печерской крепости валом, устроенным вдоль крайней песчаной отмели берега, и состоящим по передовому укреплению из четырех редантов, а по горже Печерской крепости из

трех полубастионов и трех редантов, из коих первый полубастион начертан впереди Рождественского, затем следует по набережной линии другой полубастион и три реданта из коих примыкают к третьему полубастиону, отчасти уже построенному прежде того и соединенному крутиною с Павловским полубастионом» [9, с. 57]. В 1788 г. в крепости против шпица Васильковского рavelина строилась каменная контрминная галерея, а в лощине против Рождественского бастиона – каменный открытый канал для стока воды. В 1789 г. в Печерской крепости была «снята земля с гор против флеша под Андреевским бастионом для открытия дороги, ...и проложен путь с конца с правой стороны Нижних Московских ворот к концу гласиса против анвелоба». В 1791 г. в куртине между Андреевским и Кавалерским бастионами деревянная сортия была заменена каменной. В 1793 г. перед Павловским бастионом насыпана батарея, вокруг которой спланированы наружные и внутренние крутости. В куртине между Андреевским и Кавалерским бастионами в тенале построена каменная сортия. В 1799 г. было закончено строительство двух флешей перед Андреевским и Алексеевским бастионами [12, с. 104].

Таким образом, в конце XVIII в. Киево-Печерская крепость, как фортификационный комплекс, находилась в сложном положении, связанном с новым вызовом крепостного прикрытия западных границ Российской империи, которое определялось необходимостью проведения комплекса инженерных работ для повышения уровня ее обороноспособности.

Источники и литература

1. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (Далее ЦГИА Украины), ф. 1434, оп. 1, д. 16, л. 7.
2. ЦГИА, ф. 1434, оп. 1, д. 16, л. 9.
3. ЦГИА, ф. 1436, оп. 2, д. 19, л. 26
4. ЦГИА, ф. 1436, оп. 2, д. 19, л. 29
5. ЦГИА, ф. 1436, оп. 2, д. 19, л. 53–54.
6. Кюи, Ц. Краткий исторический очерк долговременной фортификации / Ц. Кюи. – 3-е доп. изд. – Санкт-Петербург, 1897.
7. Ласковский, Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России: В 3 ч. / Ф. Ф. Ласковский. – Санкт-Петербург, 1858 – 1865.
8. Меньшов, Д. П. Старо-Киевская и Печерская крепости / Д. П. Меньшов. – Киев, 1913. – 560 с.
9. Петров, С. С. Оборонні споруди Києва Х–ХІХ ст. у контексті історії міста і загального розвитку військово-фортифікаційної справи / Сергій Петров. – Киев, 2012. – 448 с.
10. Петров, С. С. Києво-Печерська фортеця в межах цитаделі (кінець ХVІІ – початок ХХ століття) / С. С. Петров // Лаврський альманах. – Киев, 2008. – Вип. 21. – С. 112–165.
11. Стегний, П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795 / П. В. Стегний. – Москва, 2002.
12. Эрнст, Ф. До історії Києво-Печерської фортеці / Ф. Эрнст // Київ та його околиці в історії та пам'ятках / ред. М. Грушевський. – Киев, 1926. – С. 266.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	
Шокарев С.Ю. КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КНЯЗЕЙ ВОРОТЫНСКИХ В XVI–XVII ВВ.	5
Селезнев Ю.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА НЕВСКО- ГО В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ШВЕДСКИХ КОНФЛИКТОВ В XIII СТОЛЕТИИ	22
СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ	
Кузьмина О.М. СВЯТОЙ ПОДВИЖНИК ВЛАДИМИР БЕЛОПЕСОЦКИЙ (1450– 1522 гг.)	28
Едовин А.Г. ХРОНОЛОГИЯ ДВИНСКОГО ПОХОДА НОВГОРОДЦЕВ 1398 ГОДА	32
Коноплев А.В. ЯМСКАЯ ГОНЬБА МЕЖДУ ВОЛОГДОЙ И АРХАНГЕЛЬСКОМ В XVI–XVII ВВ.	37
Черкасова М.С. СПАСО-ПРИЛУЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В ГОДЫ СМУТЫ	42
Кукушкин И.П. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОЛО- ГДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПО АДРЕСУ УЛ. ЛУГОВАЯ, 5А)	51
Пугач И.В. КРЕПОСТНОЙ НАРЯД ВОЛОГДЫ XVII ВЕКА	57
СЕКЦИЯ 2. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	
Резванов А.А., Радченко А.Н. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯ- ТЕЛЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИ- НЕМАТОГРАФЕ	63
Чуклинов А.Е. ДУХОВНЫЙ АВТОРИТЕТ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО И СВЯТИ- ТЕЛЯ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ МОСКОВСКОГО КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕ- СКОГО РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	67
Шильникова Т.В. НАСТОЯЩЕЕ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО (МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕ- КОМЕНДАЦИИ К ТЕКСТУ «ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»)	73
Емельянова А.А., Огородникова О.А., Шульгина Д.П. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РУС- СКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРА- ЗОВАНИЯ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ	76
Жукова В.С. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИ- ЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	82
Павлов К.В. НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ И МИХАИЛ ВОРОТЫНСКИЙ: КРАТКОЕ СРАВНЕНИЕ ВОЕННО-ОРГАНИЗАТОРСКИХ СТРАТЕГИЙ В КЛЮЧЕВЫХ УС- ПЕХАХ.....	88
Коноплев В.А. ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ XVI ВЕКА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕН- НОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ	93
СЕКЦИЯ 3. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	
Теребова Л.В. ИНТЕРЬЕР ЦЕРКВИ СВЯТОГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ОПИСЕЙ 1601–1668 ГГ.	97
Пшеницын Д.А. К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНЕАЛОГИИ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА И.С. КОНЕВА.....	103
Зовутина Н.В. ФИЛЬМЫ, СНЯТЫЕ НА КИРИЛЛОВСКОЙ ЗЕМЛЕ	108

Федоров М.Л. ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ В ЛИТЕРАТУРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО)	114
Подвальнов Е.Д. УСТНАЯ ЛЕГЕНДА О ЧУДЕ ИКОНЫ БОГОМАТЕРЬ ЗНАМЕНИЕ ПРИ ОСАДЕ НОВГОРОДА 1170 Г.: ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И СОДЕРЖАНИЯ	120
Теребова Л.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИГУМЕНА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ МАТФЕЯ II ПО МАТЕРИАЛАМ ОПИСЕЙ И ПРИХОДНО-РАСХОДНЫХ ДЕНЕЖНЫХ КНИГ	125
Красиков А.Н. ИСТОЧНИКИ О КОЛОКОЛАХ И КОЛОКОЛЬНОМ ЛИТЬЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.: К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ	130
СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ	
Абрамов В.К. МОРДВИНЫ И ПРАВОСЛАВИЕ	136
Абуков С.Н. БРАКИ ДЕТЕЙ ВСЕВОЛОДА БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО: ПОЛИТИКА И ГЕНЕАЛОГИЯ	141
Белов Н.В. КНЯЗЬ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВОРОТЫНСКИЙ: НОВЫЕ НАХОДКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	146
Гордеева А.А., Простова А.С. ДВОЙНИЧЕСТВО КАК СПОСОБ РАСКРЫТИЯ ОБРАЗА КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ПОЭМЕ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА «ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ»	152
Иванченко А.В. РАЗГРОМ ЛАДОГИ И НОВГОРОДА ОПРИЧНЫМИ ВОЙСКАМИ КАК ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕПОСТЕЙ	159
Казаков В.В. ЭКСПЕДИЦИЯ В РАЙОН ЛЕДОВОГО ПОБОИЩА: РЕВИЗИЯ ВЫВОДОВ ИССЛЕДОВАНИЙ Г.Н. КАРАЕВА	164
Катрушенков М.В. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПОЛКОВОДЦЕВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ КАК ВАЖНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	170
Кубецкая Л.И., Кудрявцева Н.О. ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ И СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАССЕЛЕНИЯ РАЙОНОВ ОНЕГИ И СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ (ПРИ ОНЕЖЬЯ И ПОДВИНЬЯ)	173
Пахолкина А.В. РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА, УГОЛОВНОГО СЫСКА И ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В XIV–XVI ВВ.	181
Пиляк С.А. СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ. ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ КОМПЛЕКСОВ	186
Попело А.В. ЛЕТОПИСНОЕ СООБЩЕНИЕ О ВОЕВОДЕ БРОДНИКОВ ПЛОСКИНЕ: К ВОЗМОЖНОСТИ ПРОЯСНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ЭТОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ СООБЩЕНИЯ	190
Турилова М.В. КУРС «ПИШЕМ СЦЕНАРИЙ» О СВЯТОМ БЛАГОВЕРНОМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ АЛЕКСАНДРЕ НЕВСКОМ, В СХИМЕ АЛЕКСИИ, В ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ.....	193
Радзиевский В.А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ.	198
Суздальцев И.А. СОБЫТИЯ МОСКОВСКОЙ БИТВЫ (1612 Г.) В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ	203
Хоменко П.П. ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА	208

Научное издание

ВОРОТЫНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
СРЕДНЕВЕКОВАЯ РОССИЯ:
ВОЕННЫЙ И ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ ПРЕДКОВ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции
(Вологда – Кириллов, 10–12 сентября 2021 г.)

Выпуск 2

Подписано в печать 15.12.2021. Формат 60 × 84/16
Уч.-изд. л. 14,3. Усл. печ. л. 13,5. Тираж 300 экз. (1-й з-д 1–30). Заказ № 7

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15